

ДОНБАССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ

Альманах МІЗ

№3
2010

Краматорск 2010

ДОНБАССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ

Альманах МІЗ

ЖИВОЕ СЛОВО
(СОТРУДНИКИ И
ПРЕПОДАВАТЕЛИ ДГМА)

✿
ТАНЕЦ ДУШИ
(СТУДЕНТЫ И
ВЫПУСКНИКИ ДГМА)

✿
**ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ЖИЗНЬ БЕСКОНЕЧНО**
(ГОСТИ АЛЬМАНАХА)

✿
**ЖИВОПИСЬ
ГРАФИКА
ФОТО
МУЗЫКА**

Краматорск 2010

Общественный совет:

В.А. Федоринов, ректор ДГМА, профессор, канд. техн. наук;

С.В. Ковалевский, проректор, профессор, д-р техн. наук;

А.А. Кибирев, руководитель литературного клуба «ГЛОРУМ», старший преподаватель;

В.И. Романько, доцент, канд. пед. наук, член Национального союза писателей Украины (г. Славянск);

И.И. Базилевский, главный художник города, член Союза художников Украины;

А.М. Мирошниченко, член Союза писателей России, член Национального союза писателей Украины (г. Харьков).

Альманах муз

Представлена літературна творчість викладачів, студентів, випускників ДДМА (КІІ) і гостей Альманаха. Відбито літературне життя Академії і міста.

Читачі можуть познайомитися з творами краєзнавців, прозаїків і поетів, художників і фотографів Краматорська, оцінити перші проби пера молодих авторів.

Призначений для широкого круга читачів.

А 57 Альманах муз : поезія, проза, фотографія, живопись, музика. –
Краматорск : ДГМА, 2010. – 160 с.
ISBN 978-966-379-371-9

Представлено літературне творчество преподавателей, студентов, выпускников ДГМА (КИИ) и гостей Альманаха. Отражена литературная жизнь Академии и города.

Читатели могут познакомиться с произведениями краеведов, прозаиков и поэтов, художников и фотографов Краматорска, оценить первые пробы пера молодых авторов.

Предназначен для широкого круга читателей.

«Глорум» — 15 лет творчества

В прекрасном и удивительном городе Краматорске трудятся талантливые люди, создающие уникальные машины. И, может, неслучайно их творческий потенциал распространяется и на сферу искусства и культуры. Существование ряда городских литературных объединений является тому подтверждением. В их числе вот уже на протяжении 15 лет твердую позицию занимает творческое литературное объединение «ГЛОРУМ», созданное в стенах Донбасской государственной машиностроительной академии и собравшее под своим крылом ученых, преподавателей и студентов. «ГЛО-РУМ» по сей день находится в центре образовательной и культурной жизни Академии, города и региона.

Корни литобъединения тянутся в далекие 1950-1960 годы. Поэтами и писателями того времени были заложены литературные традиции нашего, тогда еще молодого, вуза. В 1962 года вышел небольшой сборник стихов преподавателя кафедры иностранных языков Ларисы Алексеевны Линева под названием «Лирика». Следующей строкой этой страницы стал сборник новелл «Ветка белой сирени» заведующего кафедрой иностранных языков КИИ Константина Ивановича Мищенко, одного из основоположников литературных традиций нашего вуза и неоднократно публиковавшего свои литературные произведения в газете «Краматорская правда». Поэтические традиции того времени формировались многими

поэтами, среди которых был наш земляк поэт-фронтовик Николай Александрович Рыбалко. Именно он дал путевку в жизнь многим поэтам нашего региона.

После 1991 года исчезли цензура и редакция, появился огромный поток нерегулируемой литературы. Эти потоки «свежего» воздуха вознесли на орбиту поэзии новые имена. На фоне этого явления логическим продолжением литературных традиций КИИ-ДГМА явилось создание литературного объединения «ГЛОРУМ» (городское литературное объединение рабочей и учащейся молодежи), руководителем которого стал Анатолий Кибирев. Хорошо известны имена талантливых поэтов и писателей, стоявших у истоков литературного объединения. Это Борис Брусиловский, Алина Остафийчук, Игорь Шередеко, Олег Максименко, Татьяна Лукьянова и другие.

Произведения Бориса Брусиловского и других поэтов института (КИИ) явились одними из первых, выпущенных под эгидой творческого объединения «ГЛОРУМ». В настоящее время это уже небольшая библиотека, авторами книг которой являются участники литобъединения «ГЛОРУМ». Среди них Борис Брусиловский – пять сборников, Сергей Шишкин – три сборника, Анатолий Кибирев – три сборника, Алина Остафийчук – пять сборников и ряд сборников Игоря Шередеко, Олега Максименко, Татьяны Лукьяновой и другие участников объединения.

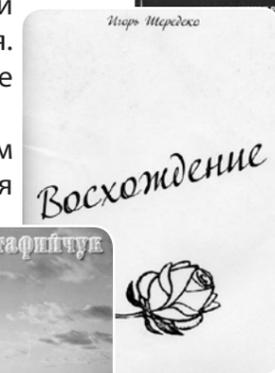

Ряд поэтических изысканий участников литобъединения являются новаторскими. Так, Анатолий Кибирев изучив «Слово о полку Игореве», создал удивительное произведение славянской поэзии. В своих исследованиях Анатолий Антонович опирался на отечественный и зарубежный опыт толкования «Слово о полку Игореве», что позволило представить свое видение этого шедевра. В ходе работы он применил новый литературный прием – поэтическая реставрация, оживив текст современной лексикой и техникой стихосложения. Анатолий Антонович является также автором Гимна ДГМА.

Клуб развивался, вместе с ним росли писатели и поэты. Прекрасная поэтесса современности Алина Остафийчук, у которой был дар из множества слов выбрать самые сильные, самые емкие и создать стройную, красивую, глубокую поэтическую форму. Ее поэзия – не для мимолетного прочтения. Ее особый

стиль сформирован под влиянием творчества великих поэтов и писателей современности. Сгусток энергии, кратер эмоций, максимализм, который стал ее кредо, выплескивались, как цунами, в наше мироздание, смывая грязь, мусор, нечисть, и давая рост прекрасным восходам человеческих ценностей. Несмотря на то, что Алины уже нет с нами, продолжают выходить книги о ней, сборники ее стихов, а в будущем планируется сборник аудио-сказок.

Алина Гаврикова, Олег Латыш, Сергей Головка – чье творчество славится баснями и историческими рассказами о Великой Отечественной войне. Антон Михайленко, Елена Кремьянская, ее самобытность и мистицизм, принесли нотку загадочности и волшебства в нашу устоявшуюся повседневность. Татьяна Лукьянова, Сергей Шишкин,

Олег Максименко – слагающий стихи исключительно на украинском языке. Владимир Коцаренко – выпускник КИИ, краевед, в своих произведениях раскрывает неизвестные страницы жизни нашего края.

Логическим актом работы творческого клуба «ГЛОРИУМ», стало учреждение литературно-художественного сборника «Альманах муз». Большое количество творческих сердец раскрыто на страницах двух предыдущих альманахов. «ГЛОРИУМ» заботливо направлял молодых поэтов и трепетно поддерживал. Приложенные усилия принесли весомые творческие плоды. Опубликованы работы таких молодых поэтов как Вадим Мишаков, Ольга Цуканова, Сергей Евдокимов, Юлия Байракова и Юлия Садовниченко. Благодаря таким талантливым, неравнодушным и инициативным людям «ГЛОРИУМ» до сих пор является неиссякаемым источником свежих потоков человеческой мысли.

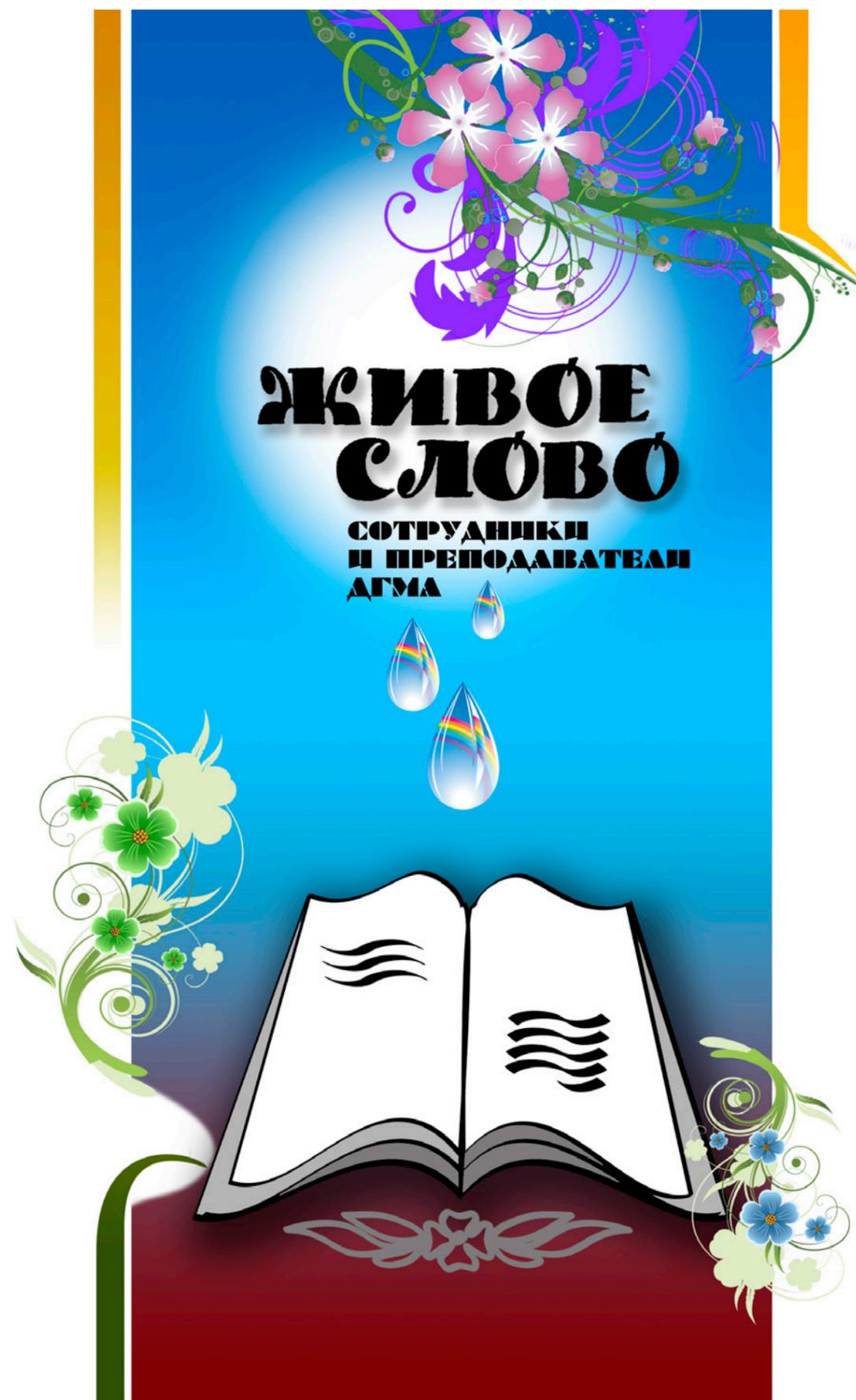
Подарком к пятнадцатому дню рождения литобъединения стал третий «Альманах муз», который вы держите в руках.

В каждом слове поэтов и писателя, в каждом звуке музыки, воплотившись нотами на бумаге, в каждом переливе цвета, пойманном фотографом или написанном художником – заключены эмоции, пережитые, прочувствованные среди огромного разнообразия красок, запечатлены на бумаге для Вас, дорогие читатели. Это оттенки сегодняшнего дня, воспринятые творческими людьми и переданные будущим поколениям.

Третий «Альманах муз» собрал на своих страницах талантливых студентов, преподавателей и сотрудников нашей Академии, а также наших гостей. Представителей молодого поколения, смотрящих на жизнь еще совсем «свежими» глазами. А также людей в возрасте, творения которых легли многоцветной мозаикой жизненных впечатлений. Женщин, чье восприятие так трогательно и чувственно. Мужчин, твердых и непоколебимых в своих убеждениях.

Друзья! Это творческое наследие, этот клад чувств, эмоций и жизни созданное от чистой души и переданное Вам!

АНАТОЛИЙ КИБИРЕВ

Анатолий Кибирев, преподаватель кафедры МТО, инженер-электромеханик, изобретатель, автор трех сборников, организатор литературного клуба ДГМА «ГЛОРУМ» и литературно-художественного издания «Альманах Муз». Стихи публиковались в периодической печати, в коллективных поэтических сборниках Краматорска, Славянска, Дружковки, Святогорска, Харькова и в газете «2000» (г. Киев).

Рассказ, не оконченный Музой

Я в юности мог говорить бесконечно стихами,
но стих наткнулся на пошлые шутки друзей.
Вот время промчалось, все реже встречаюсь с друзьями,
а Муза моя закопалась в домашний музей.

Ушла от чужого, пустого, недоброго сглаза,
нежна и доверчива, стала со мною дружить,
но что-то в ней немо бывает в середине рассказа,
чего-то не может, не хочет она говорить.

И часто я слышу, как грезит красotka ночами,
она не стареет – в ней молода вечно Весна,
и все подбивает меня заниматься стихами,
и все отрывает от быта, от лени, от сна!

С надеждой и верой от сна поднимаюсь не раз
и сам продолжаю не конченный Музой рассказ!

В мастерской художника (Венок сонетов)

Мгновенье

«Остановись, мгновенье, ты – прекрасно!» –
Как часто фразу эту говорим,
Но только здесь ее значенье ясно,
И все слова бессильны и напрасны
Перед искусством вечным и живым.

Здесь царство остановленных мгновений,
Восторгов, сохраненных на века,
Здесь краски, формы, тени, полутени,
Здесь властвует какой-то добрый гений –
Все это – Базилевского рука!

Здесь неуместно «выгодней», «полезней»,
Здесь отступает жизни суета.
Здесь все – одушевленная поэзия,
Здесь все – осуществленная мечта!

Мечта поэта

Здесь все – осуществленная мечта!
Здесь мысли нержавеющей лезвие
Доходит до глубинного пласта...
Ведь все простое в жизни неспроста,
И жизнь сама – волшебная поэзия!

В ней для поэта – масса впечатлений,
В ней все, что он мечтает написать,
В ней строчки всех его стихотворений
И всех полотен первозданный гений,
И цель искусства – жизнь пересказать.

Мечта поэтов всех – увидеть правду,
В ее явленье грубом и прекрасном.
Но торопить события не надо,
О вдохновении рассказывать напрасно.

В редакции

О вдохновении рассказывать напрасно,
Где вечный шум и анекдотов дым,
Где карандаш вымарывает красный
Все, что поэт воспел душой прекрасной,
Когда еще был вправду молодым.

Летят года, поэта стих стареет,
Ржавеет рифма, и дряхлеет ритм.
А секретарь ответственный добреет
И говорит: «Давай, неси скорее,
Мы напечатаем, пожалуй, две строки!»

Корпит корректор, удручен издатель,
И сам редактор будто снят с креста.
Но – вышел номер! Говорит читатель:
«Здесь правда все и значит – красота!»

Все, как в природе

Здесь правда все и значит – красота!
Здесь ничего придумывать не надо.
Здесь в жаркий полдень – нега и прохлада,
Здесь так прекрасна тела нагота
И воздуха и зелени отрада.

Художник здесь, как Прометей, прикован
К палитре с красками, к натуре и холсту.
С палитрой красного сюда поэт приходит,
И здесь он вдохновение находит,
А иногда находит и сестру.

Здесь царь Кощей в осеннем злате чахнет,
Нет у него другого увлечения.
Здесь древний дух, смородиною пахнет,
Здесь все исполнено покоя и значенья.

Уродника

Здесь все исполнено покоя и значенья.
Здесь шорох листьев, капель перезвон.
Здесь нет волны, и нет еще теченья,
но здесь напор, начало, изверженья!
И здесь из недр Земли выходит стон

Подземных вод, раздавленных пластами
Прошедших дней, событий и эпох.
Здесь Вечное бормочет в рифму с нами,
здесь встреча с прошлым, с вековыми снами,
и вместо слов – глухой, протяжный вздох.
Здесь солнце не заглядывает в чашу,
оно застряло где-то на сосне.
И, отразившись в родниковой чаше,
здесь все застыло, словно в полусне.

Жаг синей бездной

Здесь все застыло, словно в полусне.
Мерцают звезды, спутники мигают,
улыбка тайная блуждает по Луне,
здесь где-то вдохновение витает,
и та звезда, что светит только мне.

Моя звезда! Ее я ощущаю!
Под ней родился, вместе с ней умру.
Друзей своих я звезды замечаю,
особенно, когда сидим за чаем
на нашем поэтическом пиру.

На нем все вместе – и враги, и други,
все вперемешку – рифмы и печенье,
куплеты, тосты, песни и заслуги –
здесь есть всему свое предназначенье.

Как на олимпе

Здесь есть всему свое предназначенье.
Здесь в мягком кресле, выше облаков,
сидит редактор,
Павел Кальмаш, ждут
его решенья,
и зам Редников, полон напряженья,
и праредатор в раме – Тимачков.

И секретарь – Геннадий Кириндясов,
Пикалов Виктор, Куксов тоже В.,
и Станислав Лобинский весь в экстазе,
наш Павел Кальмаш и Николай Рыбалко
в повернутом анфасе –
здесь все и каждый на своем коне.

Здесь многие певцы сломали шеи.
Такая ж участь угрожает мне,
но здесь душой и сердцем молодеешь,
здесь вечный гимн невянущей весне.

У песни сердца

Здесь вечный гимн невянущей весне!
Здесь родники прекрасных песнопений,
Поэты с музами усядутся тесней
в литературное объединение.

И спорам творческим порой конца не видно.
Тебе расскажут, что ты, кто ты есть,
и назовут... но это не обидно,
а перечтут, так почитай за честь.

И ты другим доверишь песни сердца,
переборов сомнение и страх.
Художники найдут сюда погреться,
и муза их окликнет как сестра,

Срифмует вроде: «Здесь у встреч на блюде
мгновенья остановлены в этюде».

Глаза и лица

Мгновенья остановлены в этюде.
Художник – маг, волшебник, чародей!
Он так рисует, что иные люди
становятся похожи на людей.

Приветлив нравом, чуждый фразе резкой,
высок, румян, как юноша красив
к нам на родник заходит Базилевский,
соизвольенья вежливо спросив.

Сидит. Молчит. Свои рисует мысли
про жизнь, про время, про судьбу, про нас.
И вот уже на шарже мы повисли,
и все ликуем – истинный Парнас!

И всяк глядится, словно граф Толстой,
с преображенных гением холстов.

Жаг смерть и вечность

С преображенных гением холстов
смотрело время, споря и стеная.
Холодная война полярных полюсов
в этюдах Хиросимы и Синая.

Пастель, гуашь, сангина, акварели,
в офортах – фотографии пороков.
На нас с полотен правдою смотрели
Ракша, Дейнека, Гойя и Пророков.

И сердце замирало перед бездной
запечатленных ужасов войны,
и оживали лица неизвестных
и ощущение собственной вины.

Смотрелись, как иконы на этюде,
рабочие талантливые люди.

Вся соль земли

Рабочие талантливые люди,
те, на которых держится весь мир,
работали, не ведая, что будет,
Средь праздников
и необычных буден
не ведали, что близок смерти пир.

И вот на плечи, что несли работу,
упала ношей тяжкою война.
Смешались слезы всех с кровавым потом,
любовь и молодость, и жизнь отдали фронту –
а в чем была их личная вина?

И с той поры с полотен
и плакатов,
с трибун, с экранов, с окон
и дворов
все те, кто были или есть солдаты,
тревожно смотрят, говорят без слов.

У обелисков

Тревожно смотрят, говорят без слов
глаза в граните скорбно и понятно,
и сквозь повязки каменных бинтов
сочатся ран рубиновые пятна.
На лица жен, сестер и матерей,
что не дождалась самых сокровенных,
легло печатью прожитых смертей
нелегкое, мучительное время.

В полотнах, в бронзе и в словах поэта –
весь честный гнев, вся эта боль и скорбь.
И этому забвенья в мире нету,
и не иссякнет Родины любовь.

Героев не забудут никогда,
пусть пролетят столетия-года.

Останься, память!

Пусть пролетят столетия-года,
и наши жизни отцветут, увянут,
но на полотна глянут иногда
потомки наши и, авось, помянут.

Как жили мы, иную строя жизнь,
век был суров, суровым было время,
но, если б повторилось все, кажись,
никто из нас бы не оставил стремя.

И все, о чем мечтали в лучших снах,
и все, что было честным
и достойным,
оставит время вечностью в стихах,
в полотнах, может быть, непревзойденных.

Замрет в экстазе мастера рука...
Здесь жизнь останется прекрасной на века!

В подлунном мире

Здесь жизнь останется прекрасной на века,
на этой чудом созданной планете –
и чистая вода у родника,
великая и вечная река,
цветы и облака, и сны, и дети.

И пенье птиц, и запахи цветов,
родной очаг и песня материнства,
и музыка любви и первых слов,
и голубой сияющий простор –
пусть это счастье бесконечно длится!

Пусть мир живет неповторимый, разный,
пусть те, кто будут в мире после нас,
увидят все и скажут в добрый час:
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

В мастерской художника (Магистраль)

Остановись, мгновенье, ты прекрасно.
Здесь все – осуществленная мечта.
О вдохновении рассказывать напрасно
Здесь правда все и значит – красота.

Здесь все исполнено покоя и значенья.
Здесь все застыло, словно в полусне.
Здесь есть всему свое предназначенье,
Здесь вечный гимн невянущей весне.

Мгновенья остановлены в этюде.
С преображенных гением холстов
Рабочие талантливые люди
Тревожно смотрят, говорят без слов.

Пусть пролетят столетия-года,
Здесь жизнь останется прекрасной на века.

Кукушонок (Басня, почти)

Кукушка своего гнезда не вьет,
не создает уюта ей Кукуй,
а племя беспритульное живет,
и то и дело слышится: «Ку-ку!»

Вот эта полосатая сорока,
когда настанет время яйцекладки,
чужие гнезда посетит до срока
и там свои наводит беспорядки.

У птиц ведь нету правила прописки,
и документа нету с их лицом.
И вот Кукушка в стороне неблизкой
Орлам свое подсунула яйцо.

Орлица не заметила подделки,
а, может, перестала удивляться.
Когда у птиц настали посиделки,
Царица села на чужие яйца.

А эта кукла, сидя на суку,
весь день с Орлицей дразнится: «Ку-ку!»
Да Кукушонок все вокруг изгадил
и сводных братьев из гнезда спровадил.

...Я мог бы в басне вывести мораль,
но нынче нет морали, право, жаль!

АЛИНА ОСТАФИЙЧУК

(1979 - 2010)

Алина Остафийчук – лауреат областной литературной премии им. Н. Рыбалко, Первого всеукраинского песенно-поэтического фестиваля «Город Дружбы приглашает», акции «Жінка Донеччини» в номинации «Журналистика».

Автор пяти поэтических сборников, организатор художественно-литературного журнала «Альманах муз». Соучредитель международного творческого ордена «Корни неба». Стихи издаются

в альманахах Днепропетровска, Запорожья, Донецка, Киева, Санкт-Петербурга, Краматорска. Ее поэтические страницы располагались на сайтах poetryclub.com.ua, stihi.ru, obshelit.ru

Алине, одной из немногих, был дан дар из множества слов выбрать самые сильные, самые емкие и создать стройную, красивую, глубокую поэтическую форму. Ее поэзия – не для мимолетного прочтения. Особый стиль сформирован под влиянием творчества великих поэтов и писателей современности.

Сгусток энергии, кратер эмоций, максимализм, который стал ее кредо, выплескивались, как цунами, в наше мироздание, смывая грязь, мусор, нечисть и давая рост прекрасным всходам человеческих ценностей.

Незадолго до своего ухода Алина начала записывать свои сказки в аудиоформате. И долг ее друзей состоит в том, чтобы завершить эту работу, исполнить ее мечту.

Поэт и ученый. Эти две сущности слились в ней воедино. Первые научные шаги были сделаны еще на студенческой скамье под руководством профессора Григория Львовича Хаета. Григорий Львович занимался человеко-машинными системами, которые должны были соединить интеллект и особенности менталитета человека с четкой логикой мышления машин. Основным направлением исследования была мотивация деятельности человека и корпоративная культура коллектива. Вместе с Григорием Львовичем Алина проводила первые анкетирования, занималась обработкой данных, формулировала первые рекомендации по совершенствованию работы коллектива.

После окончания ДГМА, уже на кафедре менеджмента, под руководством доцента Коваленко Геннадия Александровича, она продолжила исследования в направлении стимулирования деятельности сотрудников предприятия. Алина первой разработала модель взаимодействия субкультур персонала. Действительно, только поэту, который совершенно по-особому воспринимает окружающий мир, и следовало заниматься этой «человеческой» темой.

Я не просто живу «у нас»,
Я «у нас» обретаю душу.
Может, там – золотой Парнас,
Только «там» он совсем не нужен.

А «у нас» – голубые сосны,
И черемуха душит грудь.
Все запутано, все не просто,
И сверчки не дают уснуть.

И немного у нас богатства.
Нам богатство – под небом храм.
Но не нам за детей бояться,
Пусть бояться за веру «там».

Не просить пришла в этот мир пустой:
У кого спрошу о забвении.
Говорю с луной, говорю с тобой
О великом дне всепрощения.

Будет снег и свет, будет петь душа.
И, покаявшись на распятые,
Волки взвоят туш. Будет снег дышать,
Будет мир кружить в белом платье.

И надевши крест на свои клыки,
Улыбнувшись, но не оскалившись,
Я уйду в исток голубой реки,
Ни мгновением не состарившись.

Познание

Не цитировать умные речи –
Познавать самому существо.
Пусть заучивать Фауста легче,
И поэтом стать нелегко –
Не позволю душе обезличить
Первородство, единство идей.
Выпивая и Гете, и Ницше,
Забываться за чтением не смей!
Пусть Есенина манят березы,
И распутство души бередит.
Всем нутром, всем безумием слезным
Своих слов я ломаю гранит,
Своих чувств – от земли безначальных,
Неоформленной раной кровит –
Что-то внутреннее без названья –
Не из знаний и не из книг.
Не от бога и не от черта –
От живой в каждом пне земли
Моя порванная аорта,
Боль не познанной мною любви.
И моей – проникающей в звезды
Через небо и через смерть –
Полубреда и полупрозы
Первородной поэмы твердь.
Не цитирую Диогена,
Не захлебываюсь от строк,
Но ищу своего предела –
Со свечой, где горит восток.
В бочке мира живу скитальцем,
Не привязана к пустоте.
И люблюсь безумным танцем
Бога-солнца в живой воде.

Любовь

Любовь, не помнящая дат,
не верящая в расставанье,
бесполая – на всех – одна,
за все условности прощает.
И просит только одного –
примите странницу слепую,
впустите ветреницу в дом, –
она сама все обоснует
и обустроит чахлый быт
цветами ревности и страсти,
и вы почувствуете – быть
чудесно. Карта красной масти
не бита – бьется на столе
листом осеннего прощанья
с безликостью. И смерти нет,
пока она судьбой играет.
Любовь бесстыдна и горда.

И градины в окно стучатся –
и тают, чтобы светом стать,
ромашковым случайным счастьем.
Ее узнать легко вполне,
всмотревшись в серости прохожих,
как безысходно льет апрель
святые слезы, лужи – множит
и, затаившись, ждет, когда
из липких, бархатных листочков
на землю явится она –
и снова петь душа захочет.

Любовь бесправна и слаба –
ребенок в колыбели неба,
ее так просто потерять,
и так легко в нее поверить...

Вместо послесловия

Когда мое тело устанет пинать подмости,
любить, улыбаться, болеть, притворяться и жить, –
пусть те, кто придут забивать в меня ржавые гвозди,
из досок сколотят костер, а не гроб для души.
Очистится тело мое, наконец, до костей – без остатка.
А пепел пусть в поле развеют. Сольется ковыль
и память о том, что была я на свете когда-то,
слагая пасьянсы из слов. В придорожную пыль
ступая – не глядя – мешала и мучила многих,
и липла ко мне без зазрения совести грязь.
Да бог с ним. Я пеплом лежу, ковылем в чистом поле.
И кажется мне – разноцветная жизнь удалась.

Уж-рыболов

(Отрывок из сказки «Рыбалка»)

На берегу маленькой лесной речушки жил-был Уж. Ему было много-много лет. На своём веку он видел разное: и плохое, и хорошее, и радостное, и не очень. Его внуки и правнуки уже обзавелись своими семьями и расползлись по своим норкам. А он всё жил-поживал да добро наживал. Правда, из добра были у него только сама речушка да мелкая рыбёшка, которую Уж кушал на ужин.

С годами ловить рыбу ему становилось всё труднее – речушка сильно обмелела, да и сноровка была уже не та...

Но вот случилось Ужу как-то заползти в уютный заливчик, где течения почти не было, а в сетке под самым берегом кто-то запасливо приготовил целый обед для старенького Ужа. Пескарики сверкали своими плавничками, порывались разбежаться в разные стороны. Но крепкая сетка, на счастье Ужа, удерживала их уверенно и аккуратно.

Уж, не долго думая, проскользнул между сплетениями сетки, ухватил ближайшего пескарика и поспешил к себе в норку – спрятать добычу. Через некоторое время опытный рыболов вернулся в удачное место, повторил манёвр и утащил еще парочку пескариков.

Так за несколько раз он «наловил» провизии на неделю вперед. И довольный, но немного уставший, прилёг отдохнуть на солнышке – у ближайшей коряги. Мирно посапывая, Уж наслаждался погожим деньком, пересчитывал в уме утреннюю добычу и мечтал о том, как в будущем хорошо бы расположить норку поближе к этому заливчику. Ход приятных размышле-

ний вдруг потревожили чьи-то ноги.

«Люди, – засуетился Уж, – надо спрятаться, переждать. Кто их знает – зачем пожаловали они в мои владения? Ещё, чего доброго, наступят на хвост. Я уже немолод, чтобы испытывать судьбу так легкомысленно».

Уж предусмотрительно подобрал свой объевшийся животик, сладко зевнул, нырнул в прохладную воду и отполз на приличное расстояние. И очень, надо сказать, вовремя.

Хозяева рыболовной сетки, обнаружив погром среди пескарей, немало удивились. Ругаясь и смеясь одновременно, стали пристально всматриваться в берег речушки. И успели заметить мелькнувший у коряги хвост Ужа.

«А, старый знакомый! – нарочито возмущенно громыхнул старший рыболов, Серёга, из дома на Хрустальной улице. – Я его, вредителя, ещё в прошлом году заметил. Он нам всю рыбу перепортил в первый же раз, как выбрались на рыбалку. И ведь надо же, какой нюх – наловили сегодня чуть не за километр от нашего прежнего места! Вот те и естественный отбор. Отобрал лучших пескариков. Кому рассказать – не поверят».

Уж в это время скептически поглядывал из воды на чужие ноги и нетерпеливо ворчал: «Каждый год одно и то же. Придут, наследят. Запахов разных нанесут, потом рыбу невозможно ловить. И чего им в городе не сидится? Видно, речка у нас самая лучшая и рыба самая вкусная. Но я-то знаю, где и как её ловить надо. Не то, что некоторые...»

СЕРГЕЙ ГОЛОВКО

Доцент кафедры украиноведения и гуманитарных наук ДГМА, кандидат педагогических наук.

«Оказывается, что, прожив большую и лучшую половину жизни и при этом стараясь поменьше грешить, – свои и чужие прегрешения, даже потенциальные, воспринимаются очень болезненно. Перо, бумага и равнодушие – вот путь опосредованного самолечения, вот поэтому стихи и басни».

Жизнь имеет свойство длиться,
То идет, то просто мчится,
То конем рванет в галоп,
То петляет сетью троп,
То средь волн безумных стонет,
То всплывет, а то потонет,
Кошкой, как ребенком, взвоят,
Лик слезами твой умоет,
Ветром вдруг всклочет гриву,
Иль притихнет вмиг пугливо,
Ослепит огнем салюта
И накажет плетью люто,
А родившись, как со старта,
Все творцы, и без стандарта.
Жизнь до боли разнолика,
Жизнь низка и жизнь велика,
Жизни истинный венец
Лишь понятен под конец,
Даст и тут же отберет,
Жди от жизни поворот.
Снова кто-нибудь родится,
Чтобы жизни дальше длиться...

О покое

Очень хочется покоя!
Что же это есть такое?
Смерть иль, может, это сон?

Как-то ж выглядит и он?
Может, это пофигизм?
Сытость, лень, инфантилизм?
Старость, деньги, кошелек?
Сделал все, что только смог?
Тихий остров в океане?

Дырка вечная в кармане?
Жизнь прожита для себя?
Та же жизнь, но всех любя?
Спрашивай, хоть землю рой,
Знаю, в чем искать покой!
Он, мозги терзай-суши,
Лишь в гармонии души!

Отец и сын

(басня)

Червячки, папашка с сыном,
Жили в куче, что под тыном.
Куча – нечто грандиозное,
Матерьял – дерьмо навозное.
Жили дружно, не в разлет,
Ели то, что Бог пошлет,
Размножались иногда,
Не чиня другим вреда,
Больше все ж вегетативно,
По привычке примитивно.
Жили так в той теплой куче
И в невежестве вонючем,
Беспросветно, но ведь дома,
Без тревог и буреломов.
Как-то раз весенним днем
Сын услышал вешний гром
И на сей шальной предмет,
Став копать, увидел свет.

Солнце, небо голубое,
Птичий щебет, мухи роем,
Запахов другой набор –
Жизнь иная, сплошь задор.
Рядом голова папашки
Показалась сквозь какашки.
Сын, смотря на мир, спросил:
«Так красиво, нету сил!
Почему сидим в дерьме,
Как преступники в тюрьме?»
А отец, сведя глаза,
Буркнул: «Неба бирюза...
Ты на что повелся, сын?
На превратности красы?
Раз родился в недрах кучи,
Нет червю отчизны круче!»
Червяку не до красот,
Он навозный патриот!

Трустная басня

Две простые божьи твари,
Друга два, Барбос и Шарик,
Дефилировали рядом
Улицей, помойкой, садом,
Каждый нес свой песий крест,
Кто найдет что, то и съест.
В час, когда метель закрутит,
Время подобраться к сути.
Так случилась драма эта:
Была найдена котлета,
Маленькая, как ладонь,
Глянуть не на что, лишь вонь.
И Барбос остервенел,
Дружбу давнюю презрел,
Он вцепился в горло друга,
Дело завершила выюга:
Замела лохматый ком,
Жизнь закончилась мельком.

Съел Барбос эту котлету,
Нет котлеты, друга нету.
Опечалился Барбос
И скулил сквозь льдинки слез.
Холодно, тоска, печаль,
Шарика до боли жаль.
Вспомнил жизнь былую – рай,
Хоть завой и помирай...
Не к кому прижаться боком,
Подурить бегом, с подскоком,
Не полаять уж дуэтом,
Друга нет на свете этом.
Вы почувствовали – жуть,
Безысходности в чем суть?
Как же часто в миг наживы
Чувства ненависти лживы!
А герой Барбоса тот,
В ком Барбосья суть живет.

ВИКТОРИЯ ДЕМЕНТЬЕВА

Родилась в Краматорске. Долгое время жила в Ростове-на-Дону, закончила Ростовский государственный университет, философский факультет.

Начала заниматься стихосложением в 12 лет, первые стихи были опубликованы в газете «Пионерская правда».

Сейчас занимает должность доцента кафедры философии ДГМА, в рамках научно-исследовательского интереса занимается проблемами красоты, человеческой судьбы и счастья.

Трещеское

Стальная птица разрывала сердце,
Я оставляла по ту сторону границы
Тот дом, где я могла еще согреться,
Тот мир, который будет только сниться...
«Поли орэо, нэ, кала, агапи» –
Еще звучат, но все слабей надежда.
А я несусь в прекрасном белом платье
Назад, к тебе... и я целую нежно
Твой сладкий воздух, гроздь винограда,
Танцую в васильковых волнах моря,
Бегу тропой оливкового сада
И вновь теряюсь в тишине прибора.
И пробуждаюсь. Сплетены ресницы.
Эллада! Только б о тебе я пела!
Как ненаглядны и прекрасны лица,
Которыми ты на меня смотрела!

Казаться легче

Казаться легче. Быть сложнее.
Не оттого ль в потоке дней
Хмельное буйное веселье
Нас манит легкостью своей,
И вакханалия событий
Влечет нас в Небыть всякий раз,
В мистерию пустых открытий,
Грядущих слов и веских фраз.
И кровь меняет цвет и русло,
Земля уходит из-под ног.
Так снова под ногами пусто,
И в пустоте, танцуя рок,
Нам осознать не удастся...
На танец приглашаем Тени...
А Мироздание смеется –
Казаться легче. Быть сложнее.

Восточное

Каравана путь
К счастью не ведет,
Не трать силы зря...
Всех Аллах простит,
Всех Аллах поймет –
В том числе тебя...
Мустафа сказал:
«Миражи вокруг –
Ты в одном из них».
Видишь
Стаи желтых мух
На ногах твоих.
Там, у родника,
Ждет тебя верблюд –
Возвратись домой.
Посмотри наверх –
Небеса не лгут
Я клянусь луной:
Каравана путь
К счастью не ведет –
Круглая земля:
Откуда увел –
Туда и вернет,
Не трать силы зря...

Мы летать не могли – не умели,
Оттого и забыть не посмели
Тех, кто огненной мучимый жаждой,
Края Неба коснулся однажды...
Нам бы тоже хотелось повыше,
Только лбы разбивались о крыши
То ли наших точеных гробов,
То ли черно-пустых куполов...
Все равно, где казалась граница,
Все равно, что мы носим на лицах,
Лишь бы время судить не посмело
Нашей пошлости странную смелость...
Ведь и нам же хотелось повыше,
Только лбы разбивались о крыши.

Осеннее

Вот и Осень с нежными глазами,
В платье из осыпавшихся роз,
В старый пруд бросается дождями
И огнями отшумевших гроз.
Осени неведомы дороги,
Потому-то и возврата нет,
В кровь ее истоптанные ноги
На листве оставят красный след.
Дочь усталости является оттуда,
Где не писан сказочный закон,
Где никто уже не верит в чудо
И никто любовью не пленен...

Храм

Этот Храм сожжен –
Пепел по ветру.
Эта плеть в руке –
Винограда ветвь.
А теперь вперед,
С песней по миру,
Да найти тот дом,
Где дадут допеть.
Да найти Того,
Кто бы дверь открыл,
Кто бы ждал тебя
Дольше времени.
Разогрел камин
И вино налил,
Написал к мечте
Оглавление.
Чем смелей мечта –
Легче рушится,
Чем белее снег –
Легче мажется...
Пепел по ветру
Только кружится,
А дорога нам
Только кажется...

АЛЛА ЛУБИНСКАЯ

Преподаватель английского языка, заведующая УКЦ ДГМА г. Дружковки. Стихи начала писать в школьные годы, когда уроки казались неинтересными. Закончила ДонГУ, романо-германский факультет, любимые темы – лирика и стихи для детей.

Я не могу влюбиться не в тебя.

Я так хочу, как в юности, влюбиться,
Без памяти и без оглядки,
Забыть, переступить, отбросить
Мораль, законы и порядки.

Пусть будет он высокий, молодой,
Густые брови, жесткий тонкий рот,
Заботливый, надежный, волевой.
Хочу, чтоб был он именно такой.

И, мысленно нарисовав портрет,
Нечаянно я в зеркало взглянула:
«Мадам, вы не забыли, сколько лет
Вам только прошло весной минуло?»

Не кажется ли вам, что неспроста
Вы именно его нарисовали,
И, если дожили бы лет до ста,
Вы только так его б и представляли?»

Но тут, прервав мой яркий монолог,
Мой муж спросил о чем-то у меня.
В ответ я невпопад сказала вдруг:
«Я не могу влюбиться не в тебя».

Я

Я задыхаюсь от любви,
От красоты теряю голос.
Я знаю, мой удел таков:
Вся жизнь – из черно-белых полос.

От ненависти я бешусь,
от страха закрываю двери.
Я от предчувствий сторонюсь,
В судьбу зловещую не верю.

Я одиночества боюсь,
От равнодушия страдаю.
Я быть полезной тороплюсь
И цену преданности знаю.

Мне голос совести знаком,
Живу по правилам морали.
Ночами мучаюсь о ком,
Сама я ведаю едва ли.

Мечте навстречу я спешу,
От горя и от счастья плачу.
Я радуюсь, живу, дышу,
А значит, в жизни что-то значу.

Возражение философу

«Вся жизнь борьба», – сказал один философ,
И разве можно с ним не согласиться,
Когда такое множество вопросов
И в головах, и в воздухе роится?

Как был жесток великий немец, но и прав,
Суровую узрев закономерность,
Ведь, все законы этики поправ,
Стремится человечество в чрезмерность.

Не в меру славы и с верхом корысти,
С лишком соблазнов и с избытком зла,
С больною жаждою неправедных событий,
Что жизнь без правил им преподнесла.

И яркость мыслей, искры интересов
На «широту» запросов променяв,
Кто борется за жизнь, кто – с лишним весом,
А кто смирился, силы растеряв.

Кто жизнь не мыслит без борьбы и боя,
Кто жаждет мщенья сердцу вопреки,
А я хочу нормального покоя,
Чтоб без сражений, битв и суеты.

Чтоб жизнь текла легко и справедливо,
Чтоб миром правили свобода и весна.
Давайте жить спокойно и красиво,
Да будут прокляты сраженья и война.

Господь дарует нам родных.
Супруга выбираем сами.
Но как оспорить постулат,
Что брак вершится небесами?

Что ж, свыше нам дана любовь,
За счастье боремся мы сами,
А что получится потом,
Известно станет нам с годами.

Пессимистическое

Я выпью красного вина,
Оплачу, что сулит мне доля.
Я осушу бокал до дна
И вытру губы ветром поля.

Я ноги обниму волной,
А руки солнцем зацелую,
Я в небо поднимусь душой,
А сердцем Землю замилую.

Я превращу себя в туман,
Он воздух влагою наполнит.
Пусть этот ласковый обман
О том, что не было, напомнит.

Напомнит то, что не сбылось:
Не встречи и не расставанья.
Расскажет то, что не срослось
И превратилось в ожиданья...

Весны, что в осени осталась,
Любви, другому что досталась,
Удачи, роскоши, достатка,
Что улетели без остатка.

Мечты, что в облаках витали,
Слова, что вслух не прозвучали
И гулко в пустоту упали,
И чувства, что не сбереглись.

Проверка временем трудна,
Проверка жизнью так жестока.
Не всем способность та дана
Осилить ложь и страсть порока.

Минуты слабости порой
Имеют цену целой жизни.
Сумей же справиться с собой,
Чтоб жить без тени укоризны.

ЭЛЕОНОРА МИЛЯВСКАЯ

Родилась в затерянном в тайге поселке Першино, на севере Свердловской области, детство и школьные годы прошли в г. Валуйки. Студенчество подарило 5 лет жизни в Москве, а это не только учеба, но и музеи, театры, выставки, кинофестивали – эмоциональный заряд на всю жизнь.

С 1975 года – преподаватель экономических дисциплин в техникумах, сначала в Гомеле, потом в Краматорске. Последние 15 лет – старший преподаватель кафедры «Учет и аудит» ДГМА.

Стихи – это возможность поделиться с близкими, не только по крови, но и по духу, тем, что переполняет душу:

*Стихи не пишутся, они текут по венам,
Сочась сквозь пальцы, капают на лист,
И я не знаю, из каких мгновений
И из каких глубин они взялись...*

Разговор с дождем

Всю ночь стучал в окошко дождь.
Он вымок и продрог.
А я согреть его бы мог,
От гриппа уберег.
Но он не смел войти в мой дом,
Переступить порог,
Пить с медом чай у камелька,
Есть яблочный пирог.
Шепнул: «Прости, ждет масса дел,
Мне должно мокнуть тут.
Придет зима, тогда снежком
Прилягу отдохнуть!»

Я – трижды бабушка. И что же?
С рождением внуков все моложе
Моя душа. В чем тут секрет?
Секрета, право, вовсе нет.

Ах, эти щечки, эти глазки,
Округлость пяточек, улыбка –
Все словно дар волшебной сказки.
Моя душа поет как скрипка.

Когда с коляской по аллее
Я парком гордо прохожу,
То на прохожих не гляжу,
От счастья я буквально млею.

Бессонница

А жизнь как бой, там боль
И кровь,
Там слезы радости и грусть
Воспоминаний: отчий кров,
Куда я больше не вернусь...

А я грущу о том крыльце,
О том окне, что смотрит в сад,
Где куст сирени, грядки в ряд,
Где все дорожки говорят
О матери и об отце.

Там детство бродит, верным псом
Воспоминания хранит,
С надеждой ждет, а вдруг еще
Калитка тихо заскрипит,

И возвратит небытие
Родных шагов знакомый стук

И свет в исчезнувшем окне,
И голосов любимых звук.

И пусть на миг, хотя б в бреду,
Я прикоснусь к родным рукам,
И головой седой прильну
К давно исчезнувшим плечам.

Но вот рассвет стучит в окно,
Воспоминая гонит прочь.
Все было так, как суждено,
Оставь воспоминаям ночь...

И остается на листе
Строка, рожденная в тиши,
Строка безмолвна и мертва,
Она лишь тень моей души.

Пуговка

Шкатулка выпала из рук, открылась,
И что-то круглое под кресло закатилось,
Я наклонилась и рукой нащупала
Тепло живое, нежное и хрупкое.

Смотрю – в ладони пуговка. Она
Немодная, с истертой позолотой.
Как сохранилась? Почему одна?
Не знаю. Только маминой заботой
В тот миг повеяло.
О, Боже! Как давно
Ее мне пришивала мама к блузке,
И в памяти, как кадр из кино,
Всплыла картина. На диване узком
Мы рядышком сидим. Спокойствие, уют,
Дрова в печи потрескивают. Вечер.
Вдруг свет погас, наощупь пальцы шьют,
Привычно и легко. Мы не искали свечи.

Ностальгия

Всем в детстве кажется – бежит дорога в даль,
В туманной дымке кроется надежда.
Вперед! Нам в прошлом ничего не жаль,
И дружба прочь, как старые одежды.
С улыбкою садимся в поезда,
Родителям вернуться обещаем,
Но знаем точно, есть билет «туда»,
Обратный в суете не покупаем.
Бежишь за горизонт из года в год,
И он, как прежде, недоступный, манит.
Вдруг понимаешь, там никто не ждет,
А то, что манит, то, увы, обманет.
Вернуться б в детство, в отчий дом,
Но там погас очаг, зола остыла.
В душе печали горький ком,
Нет рядом тех, кого любила.

ВЛАДИМИР ФИЛИНКОВ

Заслуженный преподаватель ДГМА, кандидат наук по физической культуре и спорту, академик физической культуры и спорта, почетный работник физической культуры и спорта Украины, дважды удостоен звания «Відмінник освіти України», профессор кафедры физического воспитания, более 47 лет работает в Академии, 43 года из которых – руководил кафедрой физвоспитания.

Родился в Севастополе. К спорту приобщился в 12-летнем возрасте. Учась в школе, входил в сбор-

ные команды города по пяти видам спорта, был чемпионом и призером соревнований разного уровня, председателем школьного совета по физкультуре. Выполнял поручения в качестве общественного тренера, параллельно занимаясь в детской спортивной школе на отделении баскетбола. Но долго не мог выбрать между землей и морем – мечтал стать моряком. И даже делал первые шаги в этом направлении. Но спорт все-таки победил.

После окончания школы, имея небольшой опыт тренерской работы и участие в соревнованиях, поступил в Крымский педагогический институт им. Фрунзе на факультет физического воспитания, закончил его в 1960 году и уехал в Краматорск.

Работал в ОШ № 6 учителем физкультуры, потом – тренером по волейболу в детско-юношеской спортивной школе, в 1965 году по совместительству стал работать тренером-преподавателем кафедры физвоспитания в КИИ (ДГМА), а в 1968 году был избран заведующим кафедрой физвоспитания. В 1981 году ВАК СССР присвоил ему звание доцента, а в 2003 году защитил кандидатскую диссертацию.

Приобщился к стихотворному творчеству в пятом классе. Первое серьезное стихотворение написано после выпускного вечера, когда провожал своих одноклассников в Ленинград, Москву и Киев на вступительные экзамены.

В ОШ № 6 ежегодно проводились фестивали, праздники, на которых каждый класс представлял свои программы, это было хорошим стимулом для совершенствования творчества, пришлось о нерадивых учениках даже сочинять частушки, которые исполнялись под музыку.

И до сегодняшнего дня, желая поздравить коллег или друзей, рассказать о празднике или событии в жизни семьи и коллектива, Владимир Ильич возвращается к поэзии.

Женщинами Академии

В год этот Кролика и Кошки
Нет клюквы, не растет морошка,
Нет снега, и не пришли морозы,
Цветет сирень, цветет мимоза.
А жизнь бежит, бежит галопом,
И по России, по Европе.
Вот год, как кризис есть системный.
И мужиков полно неверных,
И жены есть – со стажем стервы,
Иметь стальные надо нервы...
Вы, наши женщины, – другие!
Любимые, всегда родные.
А для семьи вы все кристальные,
Хозяйки, жены идеальные,
И труженицы, казначеи верные,
Бываете порою нервные.
Всегда красивые, желанные,
Как мать Ева – первозданные.
Подарки наши новогодние,
Красивые, одеты в модное.
Вы очень умные, не «Шурочки»,
Вы в мире лучшие Снегурочки.
Вы наши кошечки и зайчики,
Целуем руки ваши, пальчики.
Колдуньи, ангелы и феи,
Мы, мужики, для вас – трофеи.
Вы ум и честь – лицо народа.
Вас поздравляем с Новым годом!
Сердцами, полными азарта,
Вас поздравляем с 8 Марта!

Памяти Виктора Федоровича Потапкина

Он много сделал для всех нас,
Всех поддержал в тяжелый час.
Для нас он выбрал верный курс.
Всё сохранил – стал лучше вуз.

На всё имел он личный взгляд,
Создал команду – ректорат,
Открыл два новых факультета,
Все строчки знал из каждой сметы.

В глазах – слеза, в душе комок...
Есть «Проминь», «Тишина» и ФОК.
Был часто резким, порою – груб...
Шестой есть корпус, фитнес-клуб.

Был академик, рыболов –
Какой при жизни был улов!
Конечно, не простой вопрос.
Есть кафедра – названье МОЗ,

И тысяча выпускников,
И кандидатов, докторов,
И инженер, и бизнесмен –
Путёвку к жизни дал он всем!

Бог помогал и небеса –
В одежде новой корпуса!
Из прозы он, не из легенд
Себе построил монумент.

Он не был злым и «тихой сапой»...
Не зря его считали «папой».
Кто дышит, видит и живёт –
Он в душах наших не умрет!

ІГОР ШЕРЕДЕКО

Викладач кафедри «Електромеханічні системи автоматизації». Має педагогічну та дві технічних освіти. Автор двох поетичних збірок, член поетичного об'єднання «Глорум».

Джин

Халіфу Багдада, Харуну ар-Рашиду (766 – 809),
видатному полководцю і шанувальнику мистецтва,
головному персонажу «Тисяча і однієї ночі»

Хвилі – коники гривасті,
Лижуть скелі і пісок
Та на мене скалять пасті,
Не відходять ні на крок.
Укриває біла піна
Моря жвавий ізумруд,
Б'є настирно у коліна
Дивний сяючий посуд...
У руках вагу втрачає
Та стає незримим він,
А з долонь мене вітає
Чарівна дівчина-джин!
Стан гнучкий і карі очі,
І коралові уста,
До яких ви чар охочі –
Доля пері непростя!..
І співає, і танцює,
– Зупинися хоч на мить!

Сміх у відповідь вирує,
Срібним дзвоником дзвенить.
– Довіряй веселій жінці,
Тут, у пляшці – справжній рай,
Тільки сумно наодинці –
Ти до мене завітай!
– Я віддячу гідним чином –
Коштів буде через край,
Поцілую – станеш джином!
Відкоркуй та – вибирай!
– Хоч ти – дух середньовіччя,
І сережка до плеча –
Краще скинь вуаль з обличчя,
І гайда на «Ча-ча-ча»!
Часу й ніг не пошкодую!
(Ну й партнерку дав Господь!)
Із мобілки раптом чую:
– Я на танцях. Жду, підходь!

Половецькі баби Ізюма

Гори Меморіал – розп'яття над Ізюмом –
Спокути, Слави, крику Небуття.
Птахи к повітрю там прикуті сумом
Душ, вирваних дочасно із життя.
Беззмінний племін, Матір Божа з колосками,
На схилі – дев'ять половецьких баб –
Їх хмари оминають скакунами,
Нічні долини – вогниками ваб.
Під ними сходи, у минулі дні ведучі,
Почесна варта – Половецька рать.
Їй грає вітер на органі кручі,
Вінки у ніг скорботно шепотять...
Десть поруч – часу ополонка...
В ній Степ обліг Донець-ріку,
І кароока амазонка
Влучає качку на скачку!..

А позір – наче постріл з лука –
Майстринь, красунь і танцівниць,
Та чари – нелегка наука
Руських степових цариць!..
Полями, волею навчених,
Солодше, ніж сиренній спів –
Жаданих, мужніх наречених
Великих київських князів...
Кремезні кам'яні богині
На сивій кручі Кременця –
Сторожа краю, берегині
Степів, свободи і Дінця!
...Тут кажуть, раз на рік буває,
В квітучі весняні часи –
Гранітний погляд оживає,
Із брил лунають голоси...

Перлюквітневе

Ти, замість «так», сказала «ні»
Із посмішкою чарівною –
А я призначив уві сні
Тобі побачення зі мною!..
Троянди в'януть у руці...
Зніму рожеві окуляри!
Рве почуття, як папірці,
Сентиментальний дзвін гітари.
Співає крапі карільйон*,
А хмари мчать в обіймах вітру...
З кишені кличе телефон –
Зміняє почуттів палітру!
Розмалювала світ Весна,
Стрімка художниця досвітня,
П'янка, весела, запальна! –
Невже сьогодні – Перше квітня?!

* Клавішний інструмент, керуючий ударами дзвонів.

Осінь

Заблукав південний вітер
По розложистих дібровах –
Він у колі п'яти літер
Недаремно б'є на сполох.
Золотий, рудий, зелений –
Кольорів і бризу танок.
Я – військовополонений
Чарівних твоїх приманок.
Сонця стрічки і перлини
Сліз дощу на віях хвої,
Тиха радість без причини,
Як струмок води живої.
Уляглась, стомилась спека,
Небо хвилями повито,
І готується лелека
Унести на крилах літо.

Ганек Душн

СТУДЕНТЫ
И ВЫПУСКНИКИ
АГМА

СЕРГЕЙ ЕВДОКИМОВ

Сергей Николаевич Евдокимов родился 30 октября 1987 года в живописном поселке Нижняя Крынка (Макеевский район). Воспитывался в семье шахтера вместе со старшими братом и сестрой. В восьмилетнем возрасте пошел в школу, которую в 2005 году окончил с золотой медалью. Первые стихотворения родились еще в дошкольном возрасте, а в школе талант поддержали и помогли развить учителя и классный руководитель.

После окончания школы Сергей поступает в ДГМА, на специальность «Информационные техно-

логии проектирования», где продолжает усиленно заниматься творчеством. Становится активным участником литературного объединения «Глорум». В 2006 году его стихотворение впервые печатается в студенческой газете «Академия», а позже и в областной прессе. В первое издание литературного сборника «Альманах муз» также вошло несколько стихотворных произведений молодого поэта. В 2008 году Сергей Евдокимов принимает участие в конкурсе «Срібні дзвони», посвященном В. Сосюре.

В 2010 году получает диплом о высшем образовании с отличием и выпускает поэтический сборник «Первые листья», презентация которого состоялась в Литературной гостиной клуба «Глорум» летом прошлого года. В настоящее время работает по специальности, изучает историю родного края, занимается реализацией собственных Интернет-проектов и воспитанием сына.

Чи можна жити без України

Чи можна жити без України,
Коли з'явився і зростав,
І чув в садочку біля тину,
Як соловейко щебетав?!

Чи можна жити без України,
Коли із смутку й туги вас
Виводить усмішка дівчини,
І настає щасливий час?!

Чи можна жити без України,
Коли хоч раз грудьми ввібрав
Богатирів тієї сили,
Що травень нам подарував?!

Та ні! Не можна, бо всихаєш,
Як та вербина без води,
Коли хоч день перебуваєш
Без неньки-України ти!

Любить поэта — это зло

Любить поэта – это зло,
Любить поэта – это мука.
Сурова правда, только но...
Но без любви – такая скука!

Школьная дверь

В сентябре откроет школа дверь ученикам:
И мальчишкам, и девчонкам, но уже не нам.
И звонок ворвется в классы, холл и коридор –
Десять лет звал на уроки, звал он до сих пор.
И сейчас в руках мальчишки он звенит для вас,
Но для нас он в сердце бьется уж последний раз.

Шли мы в школу в зной и в стужу,
В мир надежд и грез.
От обид пролили лужу
Чистых детских слез.
Ну, а сколько смеха было,
Радости, побед!
Наша классная хранила каждого секрет.
И учиться мы пытались
Только лишь на пять,
В школьной жизни мы старались
Все узнать, понять.
Нам хотелось стать взрослее,
Как выпускники.
В жизнь мы делали смелее
первые шаги.

В сентябре откроет школа дверь ученикам:
И мальчишкам, и девчонкам, но уже не нам.
И звонок ворвется в классы, холл и коридор –
Десять лет звал на уроки, звал он до сих пор.
И сейчас в руках мальчишки он звенит для вас,
Но для нас он в сердце бьется уж последний раз.

Ляг аркушем паперу

Олівець завмер над аркушем паперу,
Ясний місяць в небі вже блищав.
І годинник, блідий, на одну манеру
Все хвилини довгі одміряв.

А думок лавина нескінченна
Не давала спокою мені,
І бажанням дії полонений
Відпочити я не міг у сні.

Я хотів писати про Україну
І слова дбайливо добирав –
Не знайшов і сотої частини,
Як світанок на мене чекав.

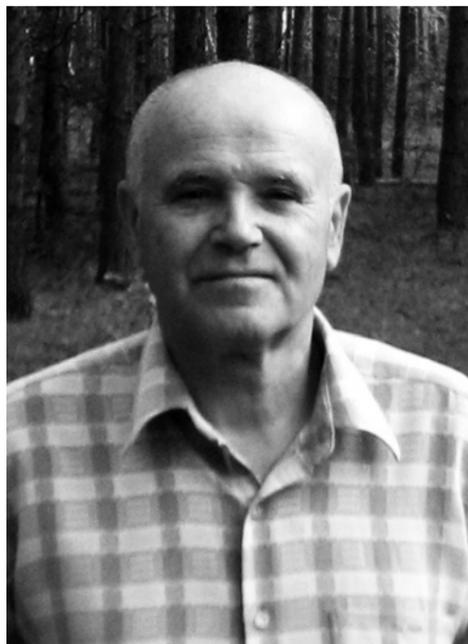
Поступки

Жалеть о том, чему не быть,
Хотеть того, что жизнь погубит,
Пытаться что-то изменить –
Так поступает тот, кто любит.

Идти вперед, закрыв глаза,
Не проверять, а просто верить,
Следить, чтоб не текла слеза –
Такие чувства не измерить.

Идти на все... и уступать,
Выигрывать и поддаваться.
Уметь сказать и промолчать –
Тогда мечты начнут сбываться.

Надеяться, но не спросить,
Мечты и грезы не развеять,
Во всем понять, всегда простить –
Так поступает тот, кто верит.

ЕВГЕНИЙ КАЧУРА

Качура Евгений Дмитриевич родился в 1944 году.

Закончил Краматорский индустриальный институт в 1971 году.

До 2008 года работал на НКМЗ, в металлургическом производстве. С 1960 по 1967 год принимал участие в организации Краматорского художественного музея. В 1968 – 1977 гг. руководил изостудией при ДКиТ НКМЗ.

Пишет прозу малых форм в жанре non fiction. Занимается графикой и живописью. Его творчество можно увидеть на сайте www.kachura.ucoz.ru

Нос Врубеля и ухо Ван Гога

«Самое короткое эссе, написанное художником, способствует большему развитию теории искусства, чем тысячи объемистых трактатов».

Джошуа Рейнолдс, «Речи об искусстве»

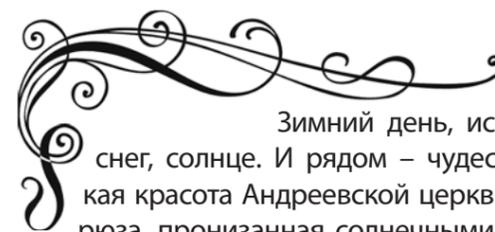
Эти записи о Михаиле Врубеле и Винсенте Ван Гоге велись спонтанно, беспорядочно. Вдруг приходила мысль – я ее записывал, если не забывал. Но эти два художника всегда были в моей жизни. С юношеских лет. Сначала пришел Врубель, вскоре я узнал Ван Гога. Не только много читал о них, но и часто видел их картины, изучал их живопись. Врубеля – в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве. Ван Гога – в Москве и Санкт-Петербурге. Совсем недавно в России открылись новые вещи Ван Гога. Перестройка «подарила» экспозицию «трофейных» картин импрессионистов и «постов» в трех небольших залах Эрмитажа. А в реконструированной Третьяковке сделали специ-

альный зал для завораживающего и очень большого панно Врубеля «Принцесса Греза».

В свое время меня очень поразили случаи с Врубелем (зеленый нос) и Ван Гогом (отсеченное ухо). Чувствовал, что между этими событиями существует глубинная связь, что должна быть синхронность в их похожей судьбе.

Я попытался упорядочить факты, что-то проверил по книгам. То, что получилось, – ниже.

...Декабрь 1888 года. Киев. Михаил Врубель направляется во Владимирский собор. Там по его эскизам и под его наблюдением выполняются росписи орнаментов.

Зимний день, искристый снег, солнце. И рядом – чудесная легкая красота Андреевской церкви. Ее бирюза, пронизанная солнечными лучами, теплится на белом. Эта зеленая теплота, ее контраст свежему морозному воздуху усиливается от бликов золотых куполов храма. Михаил привычно смеживает веки, мысленно передавая цветом эту красоту. Ощущение теплоты бирюзового цвета на белом так трудно выразить словами и передать красками.

У художника обостряются чувства, в висках усиленно пульсирует кровь.

Вдруг он увидел странное загадочное лицо. Это девушка: большие печальные глаза, болезненно надломленный овал лица и легкое лиловое родимое пятно, пересекающее половину щеки и подбородка. «Интересно и красиво, – подумал он. – Надо запомнить и написать эту девушку. Красок много не нужно: белила, неаполитанская желтая, совсем немного краплака и ультрамарина. Светлое лиловое пятно гармонично вписывается в ее облик. Неземной образ. Подобен загадочному сфинксу».

В соборе Михаил Александрович пробыл недолго – только подправил маскароны на своих орнаментах. Когда он складывал в ящик материалы, собираясь уходить, художник Павел Сведомский, который также исполнял росписи в соборе, заметил ему, что кончик его носа запачкан зеленой краской. Врубель поблагодарил, внимательно посмотрел на себя в зеркало, увидел зеленое пятно на носу, вспомнил почему-то Андреевскую церковь и полулиловый лик девушки. Еще раз внимательно взгляделся в себя. Подумал: «Если я выкрашу весь нос зеленью, то он станет более плоским зрительно, не будет так резко выделяться». Он взял пальцем с палитры зеленую краску «Полю Веронез» и аккуратно окрасил ею весь нос. Посмотрел в зеркало: то, что надо. Потом направился обедать на квартиру профессора Прахова, где он жил,

не обращая внимания на удивление встречаемых прохожих.

Дома у Праховых жена профессора, увидев его, сказала:

– Михаил Александрович, вы нечаянно запачкали нос зеленой краской.

– Это я сделал нарочно, – ответил Врубель. – Мне очень идет зеленый цвет и именно на носу. Многие женщины красятся, почему бы этого не делать мужчинам? Люди просто не понимают красоту цвета на лицах, но придет такое время, когда многие мужчины будут красить свои носы. Причем в разные цвета в зависимости от их внешности, характера и темперамента. Некоторым подойдет красный цвет, другим – зеленый, как мне, третьим – лиловый. Это будет очень красиво и интересно.

В скобках скажем особо о хозяйке. С нее несколькими годами раньше художник написал богиню для Кирилловской церкви, после чего жена киевского губернатора заявила:

– Чтобы я молилась на Эльку Прахову? Не бывать такому!

Черты Эмили Львовны Праховой можно увидеть также и в богини на эскизах композиции «Надгробный план» для той же церкви.

В это же самое время, а именно в сочельник, 24 декабря 1888 года, во Франции, в Арли, другой художник, Винсент Ван Гог, также пристально и мучительно всматривался в зеркало. Только что на площади перед домом он догнал своего друга Поля Гогена и хотел пойти с ним на прогулку. Но властный тяжелый взгляд Поля остановил его и заставил вернуться в жилище. Было тяжело, тоскливо. Винсент был расстроен ухудшающимися отношениями с товарищем. За стеной дул жестокий ветер, шум его врвался в уши и мозг. Не было достаточно денег, а ему так хотелось пойти в известное заведение для мужчин к своей подруге Габи, услышать ее голос и смех, увидеть ее улыбку, обнажавшую пожелтевшие зубы.

Он внимательно изучал свое лицо. Столько раз он писал себя, написал десятки автопортретов. И сейчас он мысленно рисовал цепкой кистью красивую и сложную форму уха. Но это ухо всегда выпадало из его автопортретов, было слишком реальным, грубым, осязаемым. А вот на портретах Сезанна уши сделаны хорошо. Они вписаны в общую форму и не торчат отростками в изысканном колорите картин, а как бы вторят ему. А у него не то!

Винсент взял бритву.левой рукой оттянул левое ухо и резким движением другой руки резанул себя по живому. Боли не было, но пошла кровь. Полотенцем он остановил ее, потом промыл отрезанное ухо, завернул его в платок и сунул в карман. Надев на голову широкий берет, он стремительно бросился в публичный дом. Там он вызвал свою Габи и подал ей завернутое ухо со словами: «Спрячь хорошенько».

На следующее утро его обнаружили в собственной постели почти без признаков жизни.

А уже в январе 1889 года Винсент Ван Гог создает свой знаменитый портрет с перевязанным ухом.

Удивительное совпадение двух событий: в то время, когда Ван Гог отрезал себе ухо, заглушая душевную боль, Врубель выкрасил свой нос зеленой краской, пытаясь вписать себя в окружающий мир. Случайно ли это совпадение? Говорит ли оно нам что-то или оно немое?

Многие подумают: конечно, случайно. Один сумасшедший отрезал себе ухо, а другой помешанный выкрасил свой нос зеленой.

Но мы знаем, что эти два художника – блестящие новаторы живописи, резко изменившие ее строй и образность. Совпадение возводится в ранг события, творящего историю искусств.

Ищущие новые формы и структуры, но-

вые средства и методы выразительности в искусстве, художники попытались изменить и свой физический облик, свое естество.

Описанное – знаковое явление, а 1888 год, когда произошло это – точка перелома в живописи Европы нового времени.

Закончился день европейской живописи. Наступили ее сумерки. Мир учился новому, аналитическому, разрушительному зрению.

Началась та линия в искусстве, которая продолжилась «Черным квадратом» Казимира Малевича и абстрактными нумерованными композициями Василия Кандинского.

А что делал в это время отшельник из Экса, великий упрямец, рафинированный примитив Поль Сезанн, тоже человек с расшатанной психикой? Он свой взрывной темперамент и неудовлетворенность уравновешивал изнурительной работой за мольбертом, плодя многочисленные и не законченные, как ему казалось, картины и этюды. У него в рассматриваемом году условно начался, как пишут историки искусства, завершающий период творчества – синтетический, – обобщивший его мучительные искания и положивший начало многочисленным осколкам – «измам»: фовизм, кубизм, экспрессионизм, абстракционизм.

Дата перелома в живописи – 1888 год – подтверждается также и деятельностью Сезанна.

Не случайно два сумасшедших стояли на изломе эпох живописи. Нормальный человек, филистер, никогда не революционизирует события. Зигмунд Фрейд утверждал, что страдающий навязчивым состоянием человек, как правило, интеллектуально одарен выше среднего уровня.

У Нильса Бора есть словесная формула, которая гласит: теория не может быть истинной, если она недостаточно безумна. Эта

максима приложима и к изобразительному искусству. Характерно, что на Западе символом бесспорного художника, своеобразным «священным монстром» стал Винсент Ван Гог – сумасшедший страдалец, рыжий костлявый голландец, навеки вошедший в историю мирового искусства. Кто знал тогда Ван Гога? Почти никто. Сегодня его знает весь мир. А кто сегодня помнит богачей и правителей того времени? Единицы. История имеет свою справедливость.

В России эту роль бесспорного художника выполняет Михаил Врубель.

У них много общего. Сравним их облики. Чертами лица сходства нет, но напряженный взгляд на автопортретах, вглядывание в зрителя и в себя, значительность внутреннего мира личности – все это не только присутствует, оно захватывает.

А как органичны они за работой! Изяществу и утонченности рисующей руки Врубеля на фотографии из архива ГРМ синхронизирует точный и уверенный жест руки с кистью Ван Гога на портрете работы Гогена, о котором портретируемый сказал: «Это я, но сумасшедший».

Они оба неистово работали. Ван Гог ли-

хорадочно писал. Почти картину в день. Он сжигал себя. Это видно в работах. Формы текут, изменяются. Рука пишет очень быстро. Голова старается контролировать ее – отсюда параллельность штрихов и мазков. Но чувства вскипают, потому формы меняются, приобретают экспрессию, а цвет – интенсивную напряженность. Глаз в трехчетвертном ракурсе выворачивается на зрителя. Раздуваются ноздри. Кровь приливает к вискам. И уже хочется деформировать собственную голову. Рука тянется к бритве... Он не ведал, что творил.

А теперь всмотримся в карандашный автопортрет Врубеля 1885 года академического периода. Это наиболее нервный автопортрет в русском искусстве. Штрихи отточенные, стремительные, интенсивные. Рука едва поспевает за мыслью и чувствами художника. неподвижные зрачки, пронзительный взгляд одновременно на зрителя, за зрителя и в себя. Нос удлиняется, изламывается и занимает едва ли не половину длины лица. Невольно вспоминаешь и гоголевский нос, разгуливающий по Петербургу и гипертрофированные носы Михаила Шемякина. И думаешь: inferнальные события, связанные с носом, – традиция в России...

ВЛАДИМИР КОЦАРЕНКО

Родился в 1957 году в Краматорске. Выпускник Краматорского индустриального института. В 1981 – 1998 гг. трудился на Старокраматорском машиностроительном заводе. С 1999 г. служит в органах местного самоуправления. 25 лет посвятил исследованию истории родного города. Автор более 400 краеведческих публикаций на страницах городских и областных газет, в сборниках материалов областных, Всеукраинской (2005 г.) и

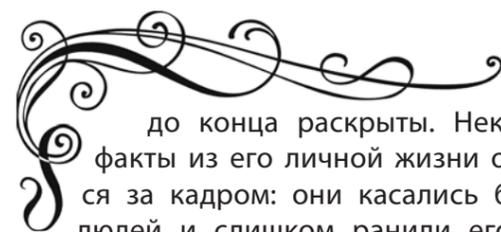
международной (2010 г.) научных конференций, в «Энциклопедії Сучасної України», в альманахе «Рідний край», сборнике «Летопись Донбасса», в журналах: «Былое», «Бахмутський часопис», «Новый Свет», «Филокартия» (Россия) и др. Соавтор краеведческих сборников «Малоизвестные страницы истории города Краматорска» (1998 г.), «Страницы истории города Краматорска» (2008 г.), «Міста і села України» (2008). Автор книг «Краматорск: забытые страницы истории» (1999 г.), «Краматорская быль» (2002 г.). Член Национального союза краеведов Украины и Национального союза журналистов Украины. Лауреат литературной премии им. В.Шутова Донецкого областного фонда культуры (1990 г.). Почетный краевед Донетчины (2008). Почетный краевед Украины (2010 г.)

Жизнь за подпиской о неразглашении

В свое время герой этой публикации давал подписку о неразглашении государственной тайны. Заговорить ему помешала смерть. Она пришла, когда до истечения срока действия подписки оставалось всего лишь несколько недель... Он не вел дневник, не оставил жене автобиографию. В результате, за подпиской о неразглашении осталась скрытой вся его жизнь. Настала пора исправить эту несправедливость.

У меня нет намерения идеализировать его образ. Для этого недостаточно оснований, которые бы, с точки зрения реалий сегодняшнего дня, проливали свет на все этапы его служебной карьеры – карьеры военного контрразведчика, сотрудника

КГБ. Хотя, признаюсь: чем больше я узнавал о нем, тем больше проникался чувством симпатии. Похоже, свою судьбу он выбрал сам. Жаловала она его или нет – судить не нам. Моя цель – рассказать о человеке, чьи тайны, вероятнее всего, никогда не будут

до конца раскрыты. Некоторые факты из его личной жизни останутся за кадром: они касались близких людей и слишком ранили его душу. Однако смею заверить: это был благородный человек. И что очень важно подчеркнуть – он достойно служил Отечеству. Не его вина, что тайны, в которые он был посвящен, упрятаны в недоступные архивы. Даже то, что нам о нем известно, дает ему право рассчитывать на нашу память. Так пусть же она будет для него последней заслуженной наградой!

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

Согласно семейным преданиям, накануне Первой мировой войны его отец – Иван Яковлевич Литвинов – служил частным поверенным и пользовался репутацией грамотного адвоката, добропорядочного и честного человека. Жил Иван Яковлевич в Таврической губернии и по делам службы не раз приезжал в большое село Юскуи, раскинувшееся на побережье Азовского моря, где, по обыкновению, останавливался в доме местного жителя Константина Москаленко. У хозяина дома была дочь Мария, которая приглянулась постояльцу. Девушка буквально очаровала его душу. Он возвращался домой и там не находил себе места – неведомая сила влекла назад, к ней! Однажды он проснулся с пронзительной мыслью, что судьба подарила ему настоящую любовь. Понимая, что не мыслит без нее свою дальнейшую жизнь, Иван Яковлевич забросил все дела и отправился в Юскуи делать предложение. Было это в 1913-м памятном году, когда Россия торжественно отмечала 300-летие царствующего Дома Романовых.

На сей раз визит частного поверенного вызвал переполох в доме Москаленко. Когда гость изложил цель своего нежиз-

данного появления, глава семейства, не раздумывая, заявил: «Боже упаси! Ей только 16 лет!» Маруся была любимицей отца. Ему не хотелось расставаться с дочерью, поэтому намерение жениха было им решительно отвергнуто. Но тут свое слово сказала она, и сватанье, в итоге, завершилось успешно. Много лет спустя, вспоминая о том счастливом дне, мать Сергея, смеясь, рассказывала: «Я подслушала под дверь, выскочила и сказала, что обязательно выйду за него замуж!» Иван Литвинов был образованным, общительным человеком. Он имел веселый нрав, поклонялся таланту Николая Гоголя, прекрасно знал и высоко ценил произведения любимого писателя. Это обстоятельство не было случайным: природа щедро наделила Ивана Яковлевича удивительным чувством юмора. Девушку пленило его обаяние. Повинуясь велению сердца, она согласилась идти с ним под венец.

Их венчание омрачили два досадных эпизода. В церкви, во время обряда, упало и, плаксиво звеня, покатилося обручальное кольцо Ивана Яковлевича. В довершение к этому дурному знаку внезапно погасла свеча, которую он держал в руках. За спинами новобрачных огорченно зашептали: плохая примета!

После свадьбы они поселились в городе Геническе. До 1917 года в Мелитопольском уезде Геническ славился рыбо-, соле- и хлеботорговлей. В его окрестностях, в основном, на полуострове Чонгар, выращивалась знаменитая пшеница «арнаутка». Зерно шло на экспорт. В порту швартовались суда из Англии, Франции, а также многих других стран. 20 сентября 1914 года у Литвиновых родился первенец. При крещении священник нарек мальчика именем Сергей. В семье царили любовь, взаимное уважение и трогательная забота мужа о молодой жене. Вскоре Иван Яковлевич получил повышение – служил мировым су-

дъей. Жили они в достатке. Зимой Мария Константиновна носила кунью шубу; квартира, которую они снимали, была обставлена шикарной резной мебелью вишневого цвета. Собственным домом Литвиновы до революции так и не обзавелись. Только после 1917 года Иван Яковлевич взял надел земли и построил небольшой домик, в котором жил до самой своей смерти.

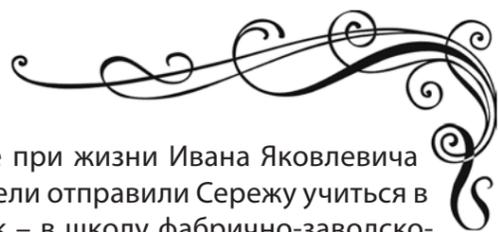
Воспитанию сына родители уделяли большое внимание. В четырехлетнем возрасте он уже читал. Когда ему было 5 лет, отец доверял сыну свои документы, которые тот носил сдавать на почту. В школе Сережа очень хорошо учился. Брат Николай, родившийся в 1918 году, слыл в семье неженкой и, по словам матери, был у нее, как девочка. Сергей же по складу характера был ему полной противоположностью. С юных лет он ставил перед собой цель и добивался ее во что бы то ни стало. Не сбылась лишь одна его детская мечта: ему не суждено было стать врачом...

Ни революция, ни гражданская война не разрушили счастье семьи, которую, казалось, оберегала сама любовь. Горе к ним явилось позднее. Оно было неожиданным, неотвратимым и безжалостным. Заболел Иван Яковлевич. Диагноз врачей не оставлял ему шансов на выздоровление. Боли были настолько ужасны, что однажды он вскрыл вены, чтобы избавиться себя от мучений. Его спасли, хотя он все равно был обречен. В 1929 году его большое и доброе сердце перестало биться. Видно, неслучайно в церкви упало и в обиде заплакало его кольцо, не к добру дрогнула и погасла свечка...

После смерти отца в жизни Сергея многое переменилось.

РОДИВШИЙСЯ В ТЕЛЬНЯШКЕ

Горе 32-летней вдовы было несказанным. На руках Марии Константиновны осталось двое сирот.

Еще при жизни Ивана Яковлевича родители отправили Сережу учиться в Токмак – в школу фабрично-заводского ученичества, где он освоил профессию токаря. После школы молодого рабочего направили в Азов. Там, на «Азрыбкомбинате», продолжились его трудовые будни. Работа на комбинате дала станочнику право на отсрочку от военного призыва. Наконец, настал 1936 год. Осенью Азовская призывная комиссия зачислила Сергея Литвинова в кадровый состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Призвали его на Черноморский флот. Для парня, родившегося у моря, служба во флоте была логичным явлением. Братья Литвиновы засыпали и просыпались под шум морского прибоя. Оба отлично знали повадки моря, прекрасно плавали, носили тельняшки... Словом, они с юных лет готовили себя к морской службе. К тому же, Сергей был невысокого роста – 1 м 67 см, что, в общем-то, для службы во флоте было в самый раз.

Призыв круто изменил его биографию. Город Севастополь – колыбель неувядаемой славы моряков-черноморцев – стал для него второй малой родиной. Окончивший 10 классов в довоенные годы считался образованным человеком. Неудивительно, что с первых же дней матрос Литвинов стал выделяться среди сверстников своими знаниями. Образованность, природная смекалка и острый ум были замечены командованием, способствовали его быстрому продвижению по службе в составе экипажа крейсера «Красный Кавказ».

Как складывалась флотская служба Сергея Литвинова, для его родных и близких до сих пор остается тайной – первой тайной в его карьере. Только однажды матери довелось прикоснуться к жизни сына, когда в 1940 году он пригласил ее и сестру в Севастополь. О поездке к брату

Галина Федоровна Плуталова вспоминает так:

«Когда мы приехали, шли учения, и корабли были в море. Я припоминаю, что уже тогда у Сережи был офицерский чин. У него был ординарец, который нас встретил на вокзале. К тому времени Сережа уже был женат. Он женился в 38-м году. Его жена происходила из крымских татар, и звали ее Зоя. Это была женщина необыкновенной красоты, просто необыкновенной! У них родился мальчик, которого тоже называли Сережей. Ординарец привез нас на квартиру к Сергею, где нас встретила Зоя. Она хорошо говорила по-русски. А вот ее родители не знали по-русски ни слова. Мы стали ждать возвращения морской армады. Мне было 5 лет, но я прекрасно помню, что это было незабываемое зрелище: весь город высыпал на пристань, играла музыка – севастопольцы встречали после похода военных моряков. Два или три дня Сережа провел с нами. Он показал нам Севастополь – от и до. Он был хорошим рассказчиком, у него была прекрасная память. Что запомнилось о семье Зои: они жили на какой-то скалистой горе; ее отец разводил розы; он подарил мне розу темно-синего цвета. Я в своей жизни никогда больше не видела таких роз!»

Началась война, и переписка с Сергеем прекратилась. О службе в этот период позволяют судить лишь воспоминания его родных, сведения, полученные благодаря скупым комментариям под фотографиями в семейном альбоме, и полные героизма страницы истории крейсера «Красный Кавказ».

Родные Сергея – мать, отчим и сестра – пережили все тяготы и лишения вражеской оккупации. Большую часть жуткого периода, когда немцы хозяйничали в Геническе, они находились в селе Счастливце-

во. В городе навиделись всякого, натерпелись страха без меры. В село перебрались вынужденно – по совету добрых людей, спасаясь от навета завистливых соседей. Жизнь и здесь оказалась слишком тревожной. Зимой 1944 года в селе застрелили немецкого коменданта. Полицейские объявили, чтобы к 6.00 все жители собрались возле сельсовета. Людей охватил страх! Они решили, что все будут неминуемо расстреляны. Деваться было некуда – в назначенный час односельчане сгрудились на сельской площади, как и было велено. Однако в последнюю минуту выяснилось, что коменданта убил союзник немцев – словак. По соседству были прекрасные виноградники и винодельня. Посещать ее могли только немцы. Случилось так, что в направлении винодельни шел полицейский, а следом за ним – комендант. Как уж там вышло, неизвестно, но охране, сидевшей в засаде, померещились непрошенные гости. Выстрел! Пуля прошла сквозь полицейского и попала в голову коменданта. Словак сам пришел в комендатуру и заявил: «Это я убил!» Немцы хотели его арестовать. Но тот потребовал, чтобы его отвели в штаб к командиру словацкого подразделения. В результате, обитатели села Счастливцево были спасены.

Первую весточку о Сергее его родные получили в 1944 году. Ходили тогда по селам гадалки – то ли сербиянки, то ли молдаванки. Однажды объявились они и в Счастливцево. Зашли к Марии Константиновне, стали гадать. Показали три пальца – три сына. Указали на серьги – это старший Сережка, он жив. Показали колючки – это два Николая. По поводу младшего Николая сказали, что тот погиб. Он был сыном отчима – сводный брат Сергея и Николая-старшего. Позднее стало известно, что Николай-младший действительно погиб в 1941 году в Бресте, где он служил. Даже похоронку на него прислали. Показав сно-

ва на серьги – то есть, указав на Сергея – гадалки сообщили, что он приедет в день большого праздника, когда пекут высокий хлеб. Мать Сергея поняла: сын приедет на Пасху. По словам сербиянок, второй ее сын – Николай-старший – был жив, но находился в казенном доме, и ему очень плохо. При этом гадалки добавили, что семья получит о нем слух, но это будет нескоро.

Все сбылось! В 1944 году в Счастливецво приехал ординарец Сергея. Он привез продукты, деньги, рассказал, что Сергей женился во второй раз. Гость не преминул сообщить и о том, что случилось с Зоей, как переживал Сергей, когда его разлучили с ней. Оказалось, их ребенок умер, еще будучи младенцем, и любовь – это все, что их крепко связывало. В беседе ординарец не раз отмечал доброту и душевную щедрость своего командира. После отъезда дорогого гостя семья стала регулярно получать письма от Сергея.

В мае 45-го, за несколько дней до окончания войны, Сергей приехал в Счастливецво. С ним была его вторая жена – Нина. Как выяснилось, Нину он встретил в Батуми, когда находился в госпитале после ранения. Нина была эвакуирована из Севастополя, призвана в армию и служила в химической лаборатории. Потом они встречались в Севастополе, куда Нина возвратилась после освобождения города. В мае 1944 года они поженились. Домой Сергей приехал уже в чине гвардии капитана третьего ранга. Тогда его родным стало кое-что известно о военных событиях, участником которых он был в годы войны на Черном море.

Его служба на крейсере «Красный Кавказ» продолжалась до июля 1943 года. Война оказалась опасной и тяжелой работой. Скупые рассказы Сергея не изобиливали подробностями. Хотя даже отдельные детали позволяли судить, что служба на гвар-

дейском крейсере отнюдь не напоминала поездку на прогулочном катере вдоль южного берега Крыма. Участие крейсера «Красный Кавказ» в операциях по высадке военных десантов описано во множестве книг. Капитан-лейтенант Литвинов был непосредственным участником героических событий, вписавших немало страниц в историю Черноморского флота периода Великой Отечественной войны. С той поры в его личном архиве хранились несколько фотографий. Всю жизнь он бережно хранил их, а на закате лет аккуратно вклеил в фотоальбом. Снимки, на которых офицер запечатлен на крейсере среди боевых товарищей и сослуживцев, доносят до нас дух сурового времени. Одна из фотографий, например, сопровождается такими словами: «Герой-черноморец – бывший командир II башни главного калибра крейсера «Красный Кавказ» Покутный Василий Матвеевич, спасший корабль и личный состав от взрыва 29 декабря 1941 года». Сергей Иванович потом вспоминал, что особенно страшным оказался так называемый Феодосийский десант 1942 года. В этой операции участвовали несколько боевых кораблей, в том числе – крейсер «Красный Кавказ». Без преувеличения можно сказать: участники операции под Феодосией видели ад наяву.

В результате авианалета противника крейсер «Красный Кавказ» получил тогда очень серьезное повреждение. Многие члены экипажа уже не надеялись остаться в живых. У кого-то не выдержали нервы – около 20 человек из команды крейсера бросились в море и погибли. В это время к кораблю успела подойти подводная лодка. Часть команды подводники забрали к себе на борт. Остальные прибыли на полузатопленном крейсере в Туапсе. Вспоминая события военных лет, Сергей Иванович не раз говорил о себе: не иначе, как родился

в тельняшке! За годы войны у него было два ранения. Ему повезло: видимым оказалось лишь одно – осколочное, о котором напоминал едва заметный шрам над губой.

В КОНТРРАЗВЕДКЕ «СМЕРШ»

Секретным Постановлением Совета народных комиссаров от 19 апреля 1943 года было создано Управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата Военно-Морского Флота СССР. «Смерш» – это сокращение слов «Смерть шпионам». Сергею Литвинову судьба уготовила новый виток в жизни – перейти на службу в органы военно-морской контрразведки.

Очевидно, подбор кадров для службы в «Смерш» осуществлялся самым тщатель-

ным образом. Не мог оказаться в рядах военной контрразведки десятки раз не проверенный человек. Вероятно, среди требований, которые предъявлялись к предполагаемому сотруднику, было наличие у него специальных знаний, право допуска к секретной информации на месте предыдущей службы и многое

другое. Соответствовал ли этим требованиям Сергей Литвинов? Ответ на этот вопрос сомнений не вызывает. И хотя точно неизвестно, однако можно предположить, что на момент перевода в контрразведку он являлся офицером особого отдела,

а значит, в дополнительной проверке не нуждался. Для этого в условиях войны у командования времени не было! По прошествии многих лет он – обычно немногословный, когда речь заходила о его службе – как-то при случае сказал жене: «В 1943 году предложили перейти в «Смерш». Дали на размышление 24 часа». Естественно, он согласился и был зачислен во 2-й отдел контрразведки «Смерш» Черноморского флота. Об этом свидетельствует его собственноручная запись под фотографией в заветном фотоальбоме. На снимке – brave морские офицеры-контрразведчики (вероятно, весь личный состав 2-го отдела), среди которых Сергей Литвинов.

Какие задачи он решал в новом для себя качестве – это еще один из его секретов. Поиски сведений относительно деятель-

ности «Смерш» в указанном регионе позволили в глубинах Интернета найти следующую информацию:

«На Черноморском флоте, после наступления советских войск и освобождения портов Болгарии и Румынии, главной задачей контрразведчиков стала борьба с действовавшими в Крыму и

на побережье Азовского моря немецкими разведорганами «МАК», «НБО» и морской разведкой «Кондор», а также румынской спецслужбой. Всего за годы войны на флоте было арестовано 44 агента вражеских разведок, в большинстве своем служивших в морской пехоте и береговой охране

Капитан-лейтенант Литвинов (верхний ряд, третий слева направо) с сотрудниками 2 отдела контрразведки СМЕРШ Черноморского флота. Геленджик, 1944.

флота. В ходе наступления советских войск в 1943 – 1944 гг. опергруппами «Смерш» на побережье Черного и Азовского морей были арестованы 190 чел., в том числе 9 немецких и румынских шпионов». За «сухой» статистикой военного историка – бессонные ночи, напряжение ума и сила воли сотрудников «Смерш». Не возникает сомнений в том, что свой вклад в результаты их работы внес и Сергей Литвинов.

Работа контрразведчиков была незаметной, редко сопровождалась опасными погонями и стрельбой, как это часто можно увидеть в кино. В основном, они работали с людьми. Однажды в разговоре с матерью Сергей Литвинов упомянул, что в 1944 году его вместе с товарищами засылали в Румынию. О том, чем морская контрразведка там занималась, лаконично сообщает всезнающий Интернет: «На территории освобожденных от немцев Румынии и Болгарии смершевцы ЧФ провели проверку бывших советских военнопленных, из более 2600 чел. были арестованы 23». В годы войны особый отдел, а затем отдел контрразведки «Смерш» Черноморского флота возглавлял Николай Дмитриевич Ермолаев, который, очевидно, запечатлен с подчиненными на упомянутой ранее фотографии из альбома С.И.Литвинова.

В феврале 1945 года ему была оказана высокая честь: он оказался в числе тех, кому довелось обеспечивать охрану участников Ялтинской конференции трех союз-

ных держав – СССР, США и Великобритании. В документах спецслужб это событие значилось под кодовым названием «Аргонавт».

Президент США Ф.Рузвельт и премьер-министр Великобритании У.Черчилль прилетели 3 февраля в Крым, на военный аэродром Саки. Моменты их прибытия запечатлела скрытая камера неизвестного фотографа из контрразведки «Смерш». Очевидно, съемка велась непрерывно, и кадров было сделано много. Две исторические фотографии, вероятно, не вошедшие в официальный отчет, Сергей Литвинов бережно хранил всю свою жизнь. Его можно понять. Ведь нетрудно представить, какие эмоции переполняли душу человека, который присутствовал при встрече лидеров трех держав, вершивших тогда судьбы войны и мира.

Конференция проходила в Ливадийском дворце, в предместье Ялты. На время ее проведения Рузвельту отвели апартаменты в главном здании Большого Ливадийского дворца и двух вспомогательных корпусов. Английская делегация во главе с Черчиллем находилась в другой резиденции – Воронцовском дворце в Алушке. Сталин и советская делегация заняли Кореизский дворец. Перед морской контрразведкой стояла задача осуществлять внутреннюю охрану и ежедневно сопровождать участников конференции к месту встречи. Эта задача была выполнена безупречно. Очевидно, в процессе этой работы контрразведчики также вели негласную съемку не только самих участников конференции, но и сопровождавших лиц. Фотографий

**Президент США
Ф.Рузвельт
на крымской земле
в феврале 1945 г.**

других моментов периода проведения конференции в личном архиве С.Литвинова не оказалось. А вот о поездке У.Черчилля в Балаклаву, которая состоялась 13 февраля, он сохранил один фотодокумент. Интерес премьер-министра Великобритании к предместью Севастополя был неслучаен: именно в Балаклаве находились позиции британцев во время Крымской войны 1854 – 1856 гг.

Среди официальных лиц, представлявших Советский Союз на Ялтинской конференции, были народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Молотов и народный комиссар Военно-Морского Флота СССР, адмирал флота Николай Кузнецов. В архиве смершевца Сергея Литвинова обнаружена фотография, запечатлевшая этих видных деятелей Советского государства во время беседы в февральские дни 45-го года.

Не менее почетная миссия по охране высокопоставленных лиц выпала на долю Сергея еще раз в мае того же года. На сей раз объектом охраны стала высокая гостья из Туманного Альбиона – жена премьер-министра Великобритании Клементина Черчилль. Она побывала в Крыму с миссией милосердия как президент «Фонда Красного Креста помощи России», который действовал в 1941 – 1946 гг. Пя-

тая фотография из «ялтинской» серии С.Литвинова свидетельствует о том, что во время этой поездки госпожа Черчилль посетила Малахов курган. Ее тоже охраняли сотрудники морской контрразведки, среди которых, как видно на снимке, был и Сергей Литвинов.

Аппаратура для съемки, видимо, была не очень высокого качества – все четыре снимка получились недостаточно четкими. Однако важно другое: фотографии из архива бывшего контрразведчика уникальны! И то, что они были обнаружены в Краматорске, – это самая настоящая сенсация.

НА СЛУЖБЕ ОТ САХАЛИНА ДО КАРПАТ

Когда закончилась война с Германией, советские войска были переброшены на Восток, для боевых действий против Квантунской армии. Не сидела без дела и военная контрразведка. Сергей Литвинов получил приказ, который предписывал ему отправляться к берегам Тихого океана. Когда он был в пути,

поезд облетела весть о том, что война с Японией завершилась победой. Однако о возвращении можно было лишь мечтать. Сергею предстояло прибыть на Южный Сахалин, в порт Корсаков, откуда в августе 1945 года в результате боя был выбит японский гарнизон. Позднее местом его нового назначения стал соседний город Долинск...

На полуострове капитан третьего ранга Сергей Литвинов служил с сентября 1945-го по декабрь 1948 года.

**Премьер-министр Великобритании
У.Черчилль прибыл в Саки
3 февраля 1945 г.**

В те годы Украину вновь поразил голод. Как мог, Сергей оказывал помощь родным – матери, отчиму, сестре. Один месяц он присылал 2 тыс. руб., второй – 1 тыс. руб. И так было постоянно. В то время буханка хлеба весом 3 кг стоила на рынке 250 руб. Забота Сергея о близких ему людям была трогательной и бескорыстной. Например, в семье нередко вспоминали, как однажды Сергей прислал отчиму замечательный подарок – полушубок и теплые сапоги.

После Сахалина его направили в Никополь. Море сменила украинская степь. Сергей Иванович был назначен на должность заместителя начальника местного отдела МГБ. Он купил дом, перевез к себе родных из Счастливцева. Правда, спустя некоторое время непредвиденные обстоятельства заставили родных снова возвратиться в село. По воспоминаниям сестры, ходил чекист на службу в гражданском. Из дома выходил ранним утром, предварительно спрятав пистолет под «стриху». Пассажирского транспорта не было, возвращался он всегда домой пешком и очень поздно. По этой причине никогда не носил с собой ни оружие, ни личные документы.

В январе 1949 года его перевели на службу в город Сталино. В шахтерской столице подполковник госбезопасности Литвинов оставался недолго. В апреле 1951 года его назначили на новое место – в город Славянск, на должность заместителя начальника отдела МГБ. Здесь он служил под началом подполковника Гирича Юрия Петровича. В то время в их отделе служили два краматорчанина.

Отличительная черта любой спецслужбы – наличие в ней людей с высоким интеллектом, которые способны анализировать, делать безошибочные выводы и прогнозировать наиболее вероятное развитие ситуации в контролируемых сферах. Аксиома, ставшая прописной истиной, гласит: чем больше в органах госбезопасно-

сти кадров, наделенных от природы высоким лбом, тем выше их эффективность. В недрах спецслужб о них говорят: наши мозги! Сергей Литвинов относился именно к этой категории сотрудников, составлявших невыдуманную славу КГБ.

Во время службы в Славянске подполковник Литвинов был на полгода командирован в Западную Украину для борьбы с повстанцами ОУН-УПА. По его рассказам, за годы Великой Отечественной войны он видел много убитых, раненых, сам побывал в ужасных переделках, но то, что ему довелось увидеть в лесах Западной Украины, потрясло его выше всякой меры. Своим родным он однажды признался: «После Западной Украины я практически перестал спать». За участие в этой операции Сергей Иванович был представлен к внеочередному званию – полковник, но в результате личного конфликта с генералом в Донецке звание не получил. В это время его близкие стали замечать: служба его откровенно тяготила. Летом 1960 года Сергей Иванович Литвинов уволился в запас.

ПРОРОЧЕСТВО ГАДАЛОК

Перед самой войной родной брат Сергея – Николай-старший – служил действительную в Омске. После демобилизации возвратился домой, в Геничеськ. Братья по-прежнему были очень дружны. Сергей прислал вызов, и Николай уехал в Севастополь. Он прекрасно знал технику, что позволило ему, очевидно, по ходатайству брата, устроиться на работу мотористом в городской отдел НКВД.

Когда немцы заняли Херсонес, Инкерман и теснили части Красной Армии (бои были сильнейшие), боевые корабли Черноморского флота уже не могли подходить к берегу близко. Те, кто способен был добраться вплавь, смогли эвакуироваться.

Среди эвакуированных таким способом оказался Колин одноклассник – Виктор Салыкин. Об этом он рассказал Литвиновым уже после войны. По его словам, Севастополь был уже почти весь занят немцами, когда он встретил Колю на пристани. Николай был в сером гражданском костюме и держал в руках маленький чемоданчик. Виктор спросил: «Ну, что – будем плавать?» Николай ответил: «Нет, я еще должен забежать домой и забрать очень ценные часы». Родные были уверены, что когда началась война, Николай был оставлен в городе для подпольной работы в тылу оккупантов.

В 1942 году семья получила от Николая весточку. Во время войны устная «почта» работала безупречно. В 15 км от Геничеська находится узловая железнодорожная станция Новоалексеевка. Все поезда, идущие из Крыма, проходят через эту станцию. Однажды там остановился эшелон. Осматривая вагоны, смотритель услышал, как его кто-то окликнул. Обратившийся уточнил, какая станция, и попросил: «Я вас умоляю, запишите: я – Николай Литвинов; моего отца Ивана Яковлевича Литвинова знают все в Геничеське; передайте, что меня везут в Германию». Смотритель записал услышанное на спичечном коробке, и спустя некоторое время Марии Константиновне передали это известие в Счастливцево.

В 70-е гг. Сергей Иванович начал поиски сведений о брате. Во время службы он не мог этого делать – боялся, что если брат побывал в плену, «контора» поставит крест на его карьере. Запросы в различные инстанции результата не дали. Единственный неутешительный ответ: «В 1943 году считать выбывшим из рядов Красной Армии». Но вот наступил 1980 год. Как-то Сергей Иванович обнаружил в почтовом ящике повестку из милиции. Не пошел. И только получив вторую, решил явиться в горотдел.

Оказалось, пришел запрос из Великобритании по поводу розыска родственников Литвинова Николая. Речь шла о получении наследства. Возвратившись домой из милиции, брат ничего не сказал сестре. Но проговорилась супруга, и он вынужден был рассказать о причине вызова в ГОВД. В ответ на любопытство сестры Сергей Иванович заметил: не совпал год рождения. Чекисты бывшими не бывают, поэтому он, как прежде, остался верен мундиру. Очевидно, он не хотел, чтобы даже задним числом его могли заподозрить в связях со страшным Западом. Вопрос о наследстве отпал сам по себе.

Так выяснилось, что колючки сербиянок не лгали – как ни крутила жизнь, а их пророчество оказалось сильнее времени...

ЕГО ЛЮБОВЬ

И еще один штрих из его биографии.

В Крыму он встретил свою первую и, наверное, единственную любовь. Это событие произошло в его жизни в конце 30-х гг. Сергей полюбил девушку из татарской семьи. Она покорила его своей необыкновенной красотой. Его сердце очаровала манящая глубина ее карих глаз, и он готов был до бесконечности вдыхать пьянящий запах ее волос. Неся ночную вахту на корабле, он вспоминал прогулки с любимой при свете луны, ее страстные губы, напоминавшие разогретые жарким солнцем ягоды винограда.

В годы войны в личной жизни Сергея Литвинова произошло печальное событие. Причиной его стали драматические страницы в истории крымско-татарского народа. Жена-татарка и секретная служба морского офицера оказались несовместимыми. Командование поставило перед Сергеем жесткое условие: или развод с Зоей, или уход из контрразведки со всеми вытекающими последствиями. Скрепя сердце, Сергей согласился на расторжение

брака. К тому времени умер их сын: испу-
пав ребенка, Зоя вынесла его в ветреную
погоду на берег моря, после чего он забо-
лел менингитом и умер. Возможно, это об-
стоятельство как-то облегчало их разрыв.
Но кто теперь об этом знает правду?!

После освобождения Крыма советски-
ми войсками с полуострова было депорти-
ровано фактически все татарское населе-
ние. Женщины-татарки, вышедшие замуж
за русских, освобождались от выселения.
Наверное, это правило распространялось
на всех, кроме жен офицеров НКВД-НКГБ.

Недобрая воля разбила их любовь. Ду-
мая об этом по ночам, Сергей всякий раз
представлял себе черноморскую волну,
которая набегает и разбивается о при-
брежные камни в районе Балаклавы. Вол-
шебное и хмельное, словно красное вино,
чувство любви, которое он питал к Зое,
многие годы волновало его сердце обво-
лакивающим шлейфом памяти и грусти.
Свои сердечные печали он доверял только
одному-единственному человеку – род-
ной сестре.

Непостижимо, но в 70-е гг. Зоя узнала
адрес Сергея и прислала ему письмо в Кра-
маторск. Она жила в Казахстане. У нее дав-
но была вторая семья, трое детей. Зоя на-
писала: «Сереза! Если ты меня позовешь, я
приеду!»

Любовь... Видно, она и впрямь непод-
властна времени и сильнее вынужденной
многолетней разлуки! Сергей Иванович не
находил себе места, говорил и советовал-
ся с сестрой. Но нет! Принять такую жертву
он не смог. Он так и не ответил на письмо
Зои...

НА «ГРАЖДАНКЕ»

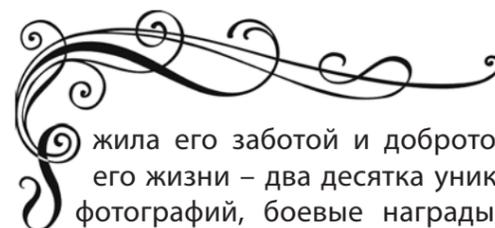
Жизнь на «гражданке» уготовила Сергею
Ивановичу много сюрпризов. В прямом
и переносном смысле. Большая часть его
жизни напоминала взведенный курок. И
вдруг – навалилась свобода, о которой он

имел довольно смутное представ-
ление. Он начал пить, стал вспыльчи-
вым. Неожиданным ударом для него
стал уход жены. Последовал размен
квартиры на ул. Шкадинова, где они жили.
Сергей Иванович перешел в «коммуналку»
на ул. Марата. Всем этим он, естественно,
был очень огорчен. Но прошло время, и он
познакомился с доброй и заботливой жен-
щиной по имени Валентина, которая стала
для него помощницей, подругой, а в его по-
нятии – надежным тылом. Можно сказать,
что благодаря дружбе с этой женщиной
Сергей Иванович преодолел депрессию
и снова обрел интерес к происходящему
вокруг. Много лет он отдал общественной
работе. Был пропагандистом при парткоме
треста «Донмашстрой», в рамках ДОСААФ
занимался военно-патриотическим воспи-
танием молодежи, его часто приглашали на
встречи с учащимися в школах. Он никогда
не щеголял своими боевыми наградами. А
гордиться было чем! Среди цветистых ко-
лодок, украшавших его пиджак, знатоки
безошибочно определяли, что их облада-
тель награжден орденом Отечественной
войны II степени, двумя орденами Красной
Звезды, медалями «За оборону Одессы»,
«За оборону Севастополя», «За оборону
Кавказа»...

В эти годы он установил и поддержи-
вал отношения со своими однополчанами.
Они побывали с супругой в Севастополе,
Минске, Бресте, Ленинграде и др. не менее
славных и памятных местах. В Краматорске
он встретил своего сослуживца – вперед-
смотрящего гвардейского крейсера «Крас-
ный Кавказ» Н.М.Клюя, с которым они
встретились и вспоминали боевые будни
на военном корабле.

Последние годы жизни он прожил в
атмосфере взаимопонимания, душевной
щедрости и искренней любви со стороны
сестры, ее мужа и женщины, которая окру-

жила его заботой и добротой. Итог
его жизни – два десятка уникальных
фотографий, боевые награды, пере-
данные в дар музею Черноморского
флота в Севастополе, и страна, которой те-
перь уже нет.

Умер бывший контрразведчик 22 мая
1985 года, не дожив месяц до 40-летия Ве-
ликой Победы. В тот год истек срок его
подписки о неразглашении государствен-
ной тайны. Конечно же, не все, но очень

многое он мог бы рассказать свояку – из-
вестному краматорскому писателю и жур-
налисту Олегу Плуталову. И тогда, возмож-
но, мы смогли бы узнать массу интересных
фактов из биографии человека, который
на протяжении многих лет не принадле-
жал себе, и чья жизнь осталась за кадром
истории. Судьба распорядилась по-иному.
Личное дело в секретном архиве СБУ, деся-
ток редких фотографий да эти строки – вот
и все, что когда-то будет о нем напоминать.

ЕЛЕНА КРЕМЯНСКАЯ

Родилась 11.06.1979 г. Выпускница ДГМА по специальности «Финансы и кредит» 2001 года. Во время учебы входила в состав редколлегии газеты «Академия». В настоящее время возглавляет отдел землеустройства, мониторинга, охраны и рынка земель в управлении Госкомзема в городе Краматорске.

Солодное сердце

Глухое ущелье в Карпатах, 2004 год.

Солнце было уже высоко, только здесь это ничего не меняло. Его лучи никогда не проникали сюда, не касались обледенелых камней, не согревали покрытые снегом склоны и замершие в причудливых фигурах потоки. Здесь – вечное царство холода, где никогда не рассеивается искрящаяся мельчайшими кристалликами инея мгла – воплощенная смертная тоска. Она танцует в этих горах в совершенном безмолвии с того самого дня, когда... Никто точно не знает, когда. Здесь всегда было древнее место силы, священное место. Ни человек, ни зверь не заходит сюда по доброй воле – старинные предания повествуют о тех, кто когда-то пошел, но в них нет ничего о тех, кто бы вернулся.

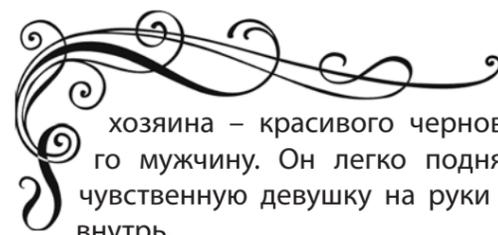
Но того, точнее, ту, что сейчас пробиралась по обледенелому склону, гнала, видимо, воля злая.

Девушка с трудом преодолевала опасный маршрут, то и дело оступаясь и соскальзывая. После очередного падения она долго не поднималась, лежала, глядя на убаюкивающий танец снежинок. Слеза скатилась по ее щеке и замерзла на белокуром локоне, выбившемся из-под шапки. Очень хотелось остаться здесь, укрыться белым покрывалом снега и больше не знать, не помнить, не чувствовать.

Она собрала остатки воли, заставила себя встать и снова, хватаясь израненными пальцами за малейшие выступы, продолжила путь, еще немного – и она у цели. Еще шаг, прыжок, и девушка кубарем скатилась в сугроб у входа в пещеру, к этому времени так обессилив, что едва смогла произнести вслух фразу, которую повторяла мысленно все время пути:

– Фрегуар, помоги!

Камень, загораживающий вход в пещеру, бесшумно повернулся, выпустив наружу

хозяина – красивого черноволосого мужчину. Он легко поднял бесчувственную девушку на руки и внес внутрь.

Колдовская стужа осталась снаружи, а в пещере, если только так можно назвать просторное помещение, обставленное с большим вкусом и в соответствии с последними достижениями научно-технического прогресса, было тепло и пахло свежесваренным кофе.

Мужчина уложил гостью на тахту и принялся растирать ее руки и ноги терпко пахнущей жидкостью из маленького чеканного кувшина.

– Фрегуар! – девушка, наконец, открыла глаза и слабо улыбнулась.

– Молчи, отдыхай, – ласково произнес хозяин, не прекращая массировать ее окоченевшие пальцы до тех пор, пока они снова не приобрели здоровый цвет и нормальную температуру.

Она покорно молчала, глядя в пространство. Несколько слезинок снова скатились по ее щекам и исчезли в бархате подушек. Ей хотелось уснуть. Уснуть, чтобы не видеть, не знать, не помнить. Не чувствовать ту боль, которая свила гнездо в душе и медленно, день за днем, высасывала из нее радость, тепло, свет.

– Я погибаю, Фрегуар, помоги мне, – снова попросила она.

– Я не могу, Магдалена. Ты должна помочь себе сама. И ты знаешь, что надо делать. Оставайся здесь, пока не поправишься, или насовсем, если хочешь, но о большем не проси.

– Пожалуйста...

Фрегуар не ответил, он покинул комнату, оставив свою гостью в одиночестве.

Магдалена еще некоторое время лежала, вслушиваясь в пустоту внутри себя – все мысли и чувства вытеснены, смяты, изгладаны, уничтожены. Только пустота, вакуум,

который ничто не в состоянии заполнить.

Потухшие, вылинявшие от бессонных ночей и рыданий глаза обронили еще несколько слезинок, оплакивая гибнущую совесть. Да, она знает, что надо делать.

Магдалена тихонько поднялась и на цыпочках прокралась к библиотеке. Дверь была открыта, из проема в коридор лился мягкий свет от двух больших канделябров. Фрегуар читал, сидя в антикварном кресле у камина, – Магдалена видела прядь его волос и локоть в белом шелке, выступающий из-за высокой спинки. Все как нельзя более удачно. Два бесшумных кошачьих шага – и стилет вонзился в шею читающего, книга упала на пол, белый шелк рукава окрасился багряным. Магдалена достала из кармана платок и обмакнула его в кровь.

Вот и все, дело сделано. Теперь в сокровищницу.

Гора золота и самоцветов, изысканных древних изделий, не имеющих цены, занимающая территорию примерно с футбольное поле, оставила Магдалену совершенно равнодушной. Ее интересовало не это. Только один артефакт, всего одна безделица стоила жизни хозяину дома – маленький хрустальный ларец, скромно стоящий в уголке. Она взяла его и, осмотрев содержимое, аккуратно завернула в окровавленный платок, потом высыпала на пол щепотку какого-то порошка и исчезла в открывшемся портале.

Едва это произошло, хозяин пещеры развеял морок, изображавший его вероломно убитым в собственной библиотеке, удалил

с дорогого ковра пятна заблаговременно разлитого клюквенного морса и осмотрел орудие убийства. Стиллет был очень древний и сработан специально для убийства таких, как он, – об этом говорили покрывавшие клинок руны. Фрегуар горько усмехнулся – не прими он заранее меры предосторожности, Магдалена достигла бы своей цели. Бедная, глупая девочка. Бедная, глупая женщина.

Переход был построен мастерски, количество порошка рассчитано с точностью до крупинки, поэтому, исчезнув в сокровищнице Фрегуара, Магдалена появилась точно там, где и должна была – в гостиной своей квартиры, где ее ожидал сообщник – маленький человечек с большой головой, серым лицом, напоминающим сморщенное яблоко, и редкими неопрятными волосами. Одет он был, однако, в хороший костюм и дорогие туфли, на правой руке имел Patek Philippe и, в общем, был вполне уважаем.

– Добыла? – коротко спросил он. Магдалена кивнула.
– Дракон? – снова спросил карлик.
– Убит, – так же коротко ответила девушка, – на платке его кровь.
Ни один мускул не дрогнул на ее лице при упоминании о Фрегуаре. Карлик удовлетворенно кивнул.

– Я выполнила свою часть сделки, гоблин, очередь за тобой.
– Не торопись, всему свое время, – ответил тот, доставая из ларца огромный синий сапфир, ограненный в форме сердца, – посмотри, как оно прекрасно!

Он поднес камень к свету, и тот брызнул тысячами искр всех оттенков синего – от бледно-голубого до фиолетового. На мгновение это сияние напомнило Магдалене мглу и холод смертной тоски в долине, от-

куда она только что вернулась.

– Ты знаешь, что это такое, глупая смертная, знаешь, какие сила и власть заключены в этом камне?! – продолжал гоблин. – Это вечная молодость, красота и свобода! Свобода от любых эмоций, любых чувств и страстей! И всего-то надо – заметить свое сердце этой красивой вещицей!

В его глазах горела злобная радость.

– Уж не ты ли хочешь быть вечно молодым и красивым? – ехидно поинтересовалась Магдалена.

– Не твое дело, смертная! – резко бросил гоблин.

Его речь стала отрывистой и грубой, он метался по комнате как безумный, хохотал и приплясывал – гоблином овладел приступ непомерной алчности, характерной для представителей его расы.

Некоторое время Магдалена наблюдала за ним, потом остановила, схватив за шиворот.

– Галарих, я хочу получить обещанное.

К этому времени гоблин полностью утратил контроль над собой, а подобное бесцеремонное обращение привело его в состояние крайнего бешенства.

– Нет, – завопил он, – ничего ты не получишь, глупая смертная гусыня! Все мое! Я здесь хозяин и повелитель, я! Я! Я!

Он изворачивался и шипел, как гадина, пытаясь дотянуться когтями до лица Магдалены, и, дабы избежать драки, ей пришлось его оглушить. Тело гоблина обмякло и живописно распласталось на полу. В комнате сразу стало тихо, но в ушах еще некоторое время гудело, как после рок-концерта.

– В случае отказа со стороны заказчика от оплаты контракта договор считается расторгнутым, и предмет заказа переходит в собственность исполнителя, – произнесла Магдалена и взяла из рук бесчувственного Галариха холодное сердце. – Это не

совсем то, что я хотела, но так даже еще лучше.

Карпаты, база отдыха «Горная песня» и ее окрестности.

Семь лет спустя.

В домике было тихо и темно. Вероника ждала уже около часа. Ее друзья задерживались – их машина застряла в снежном заносе в пяти километрах отсюда. Эвакуатор туда уже отправили, так что ждать осталось совсем недолго.

За окнами красовался нарядный зимний вечер. Веронике очень нравилось это время суток – заходящее зимнее солнце разливает по голубому, отражающему вечернее небо снегу оранжевые блики, которые постепенно бледнеют. Ночь наступает вдруг, как будто кто-то выключил день. Вначале только снег рассеивает кромешную тьму, но вскоре загораются уличные фонари, и одно за другим начинают просыпаться окна домиков и неоновые вывески увеселительных заведений.

Очень удачной оказалась идея отпраздновать Новый год в Карпатах, подальше от городской суеты и шума. Там, наверное, сейчас грязь на тротуарах, и цветные лампочки гирлянд нелепо выглядят на голых черных ветвях деревьев и отсыревших фасадах зданий. Не то, что здесь – пушистые белые хлопья нежно касаются поверхностей, не слышно ни единого звука – кажется, что весь мир затаил дыхание в долгом поцелуе со снегопадом.

Открываясь, тихонько скрипнула входная дверь, с улицы потянуло морозной свежестью, ярче вспыхнул огонь в камине. Вероника обернулась, прислушиваясь, – ничего. Она включила свет и уже хотела за-

крыть дверь на замок, как вдруг увидела в комнате собаку. Здоровенная серая псина сидела у камина и таращила на нее голодные глаза. Девушка попятилась, собака зарычала. Отступив еще на шаг, Вероника уперлась спиной в стену, машинально прикрыв лицо и горло руками, что, впрочем, было совершенно бесполезно – такая челюсть, как у той зверюги, легко перекусила бы стальную трубу. Собака двинулась к ней, угрожающе скалясь.

– Внимание, мы появляемся! – раздалось на улице, хлопнули дверцы авто, дверь широко распахнулась, и в помещение ввалились трое – Инна с Толиком и Олгерд, все с ног до головы в снегу, а последний еще что-то восторженно декламирующий польски.

– День добрый, моя пани! – Олгерд обнял и поцеловал Веронику.

– Скорее вечер, – ответила Вероника, ни жива ни мертва.

– Со шев ставо, кохане?

– Собака, – еле выдавила из себя девушка.

– Какая собака?

– Здесь была собака. Она хотела броситься на меня. Я испугалась.

– Где же она теперь?

– Не знаю, наверно убежала, когда вы вошли.

– Не бойся, девочка моя кохана, – Олгерд снова поцеловал ее, – больше я тебя одну не оставлю.

Он вынул из кармана маленькую бархатную коробочку и встал на одно колено.

– Пойдет ли моя пани замуж за меня?

Все еще испуганная Вероника, наконец, улыбнулась:

– Пойдет, если пан обещает не оставлять свою пани одну.

Олгерд достал из коробочки кольцо и надел его на палец невесте.

– Это фамильная драгоценность. Его но-

сили пять поколений женщин в нашем роду. Теперь ты хозяйка моего сердца, пани Лисовицка, и мы всегда будем вместе.

– Ура! – Инна обняла их обоих. – Это событие надо отпраздновать. На сборы 15 минут, время пошло!

База отдыха «Горная песня» была отстроена недавно в одном из самых живописных уголков Карпат и весьма гармонично туда вписывалась. Выдержанный в рустикальном стиле городок содержал все, чего может пожелать душа, выпущенная на волю и опьяневшая от свежего воздуха и красоты ландшафта.

Вот и выбранная для празднования торжества корчма «Смерека» как нельзя более роскошно передавала национальный колорит посредством аутентичного внутреннего убранства и замечательной восточно-европейской кухни.

Молодые люди прекрасно проводили время. Кроме них еще одна компания праздновала чей-то день рождения, было шумно и весело. Ближе к полуночи устроили фейерверк, и гуляния из ресторанчика переместились в ледяной лабиринт во дворе. Цветные огни фейерверка и иллюминации эффектно разукрасили ледяные скульптуры – теперь они сверкали, как драгоценные камни, рассеивая вокруг тысячи цветных искорок и отбрасывая фантастические тени.

Олгерд и Вероника слетели с горки на расписных деревянных санках – они были маловаты для двух взрослых людей и, естественно, перевернулись на финише, уронив седоков в сугроб, из которого они не спешили выбираться, используя эту возможность побыть наедине.

Однако романтический флер с обстановки был сдернут самым брутальным образом.

– Добрый вечер, – раздалось откуда-то с высоты человеческого роста.

Голос был женский и с приятным акцентом – судя по всему, к ним обращалась соот-

ечественница Олгерда.

– Добрый вечер, пани, – вежливо ответил Олгерд, поднимаясь и отряхиваясь, – чем могу быть полезен?

Вероника последовала его примеру, тоже поздоровалась и стала приводить себя в порядок. Она не заметила, как изменился в лице ее жених, разглядев собеседницу. Он хотел что-то сказать, но полька опередила его, заговорив на родном языке.

– Здравствуй, Олгерд, давно не виделись.

– Здравствуй, Магдалена, – ответил он и, взяв за руку Веронику, представил, – познакомься, кохана, это моя... давняя приятельница, Магдалена Ковальска.

Вероника окинула взглядом новую знакомую – очень стильно и дорого одетая, ослепительно красивая блондинка. Немного бледная, но это лишь добавляло ей шарма, вот только глаза, серые, до странности светлые, глядели как-то очень холодно.

– Очень приятно, – ответила Вероника и протянула руку.

– Взаимно, – ответила Магдалена, слегка ее пожав.

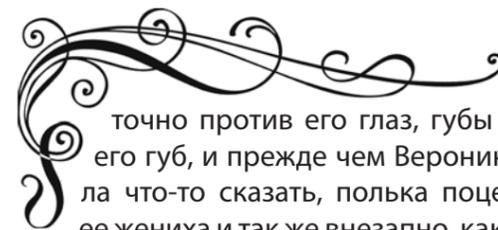
От этого прикосновения Вероника вздрогнула – пальцы знакомой ее жениха были под стать взгляду – холодны как лед.

– Это твоя невеста? Очень мила, – Магдалена снова заговорила по-польски, – мы тоже были красивой парой, ты помнишь?

Потом обратилась к Веронике по-русски:

– Примите мои искренние поздравления и разрешите преподнести вам, милая панно, подарок в честь помолвки, – она отколола от пальто брошь в виде снежинки, усыпанную бриллиантами, и вложила в ладонь девушки, – не бог весть какая безделица, но, учитывая случайность нашей встречи, возьмите, на память. И позвольте мне поцеловать счастливого жениха.

Она подошла к Олгерду очень близко, настолько, что ее дыхание инеем осело на меховом воротнике его куртки. Ее глаза были

точно против его глаз, губы против его губ, и прежде чем Вероника успела что-то сказать, полька поцеловала ее жениха и так же внезапно, как появилась, скрылась в ледяном лабиринте.

Шум и веселье вокруг не стихали, народу в ледовом городке становилось все больше, но кроме троих участников описанной сцены, она была интересна еще только одному – маленькому человечку с серым, сморщенным, как печеное яблоко, лицом. Он внимательно следил за происходящим из-за ледяного теремка, а когда Магдалена ушла, крадучись, последовал за ней.

Встреча в лабиринте несколько подпортила радужное настроение компании.

По возвращении Инна и Вероника сварили глинтвейн, все расположились в гостиной у камина, потягивая горячий, пахнущий пряностями напиток.

– Теперь по сценарию положено рассказывать страшные истории, – заметила Инна, – кто начнет?

– Я, – поднял руку Толик, – в одном черном-черном городе...

– Да ну тебя, я серьезно, – перебила мужа Инна. – Здесь рассказывают одно предание, о сокровище, что-то связанное с вампирами или вроде того.

– С оборотнями, – поправил Олгерд, – если хотите, могу рассказать.

– Конечно, хотим, – за всех ответила Инна, – начинай.

– Извольте, моя пани. В конце пятнадцатого века в этих краях были владения моей семьи. Развалины замка до сих пор венчают одну из вершин восточнее отсюда. Его построил мой предок граф Зимовит Лисовицкий. Это был отважный и удачливый воин. За его заслуги перед святым престолом папа Александр VI отметил его большой честью – святые отцы построили в замке

часовню и перевезли туда мощи святого Альбеуса. Но, скорее всего, это было лишь предлогом – поскольку постройку проектировал Андреа Сансовино, один из выдающихся итальянских архитекторов, то можно предположить, что туда поместили нечто гораздо более ценное. Папа Александр VI, в миру Родриго Борджиа, был отнюдь не беден, а уж способы, которыми он наживал богатство, до сих пор шокируют человечество. Словом, ему было что прятать.

Мой предок обязался хранить святыню ревностнее собственного сердца. Сэтих пор в замке постоянно присутствовали монахи-иезуиты. Все бы ничего, но случилось так, что очередная зима пришла с небывалыми по силе морозами и снегами. Уцелевшая дичь из лесу перекочевала в районы южнее, остались только волки, много волков. И голод погнал их в села. Что ни ночь, звери задирали скотину, а когда не удавалось пробраться в овчарню или стойло, нападали и на запоздалых прохожих. Вскоре волчьи стаи стали настолько многочисленны, что опустошали за ночь несколько хуторов. Над краем витал отвратительный призрак смерти от голода – либо волчьих клыков. Тогда святые братья объявили нашествие гневом божьим и стали искать виновных. Я опущу подробности ужасающих методов, которыми они пользовались, скажу только, что погибло много безвинных, прежде чем уцелевшие пришли к Зимовиту с просьбой исполнить свой долг и защитить их, остановить бесчинства инквизиции. Мой предок внял просьбе и всем, кто пришел, предоставил убежище в своем замке.

Такие действия до предела возмутили святых отцов, они попытались уговорить графа, но ни посулы, ни угрозы не возымели действия. Тогда Зимовита отлучили от церкви, объявили еретиком, замок осадили и сожгли, целой осталась только часовня. Мой предок погиб, защищая замок, а его семья бежала.

Потомки Зимовита смогли восстановить свое доброе имя и влияние только несколько веков спустя.

Святые братья, впрочем, недолго праздновали победу. В ознаменование сего события они попытались основать на том месте монастырь, но не дожили и до весны – все до одного были разорваны волками, а народная молва сложила сказку о Зимовите. Якобы он не умер, а Святой Альбеус подарил ему волчье обличье, дабы он защищал обездоленных в этих краях.

– А что же, кроме мощей, было спрятано в часовне? – спросил Толик.

– Это осталось тайной.

– Если часовня уцелела, то, может быть, реликвия все еще там?

– Маловероятно, – возразил Олгерд, – целой она была в XV веке, вряд ли она осталась таковой по прошествии более пятисот лет.

– Но говорят ведь люди о кладе, – не отступала Инна.

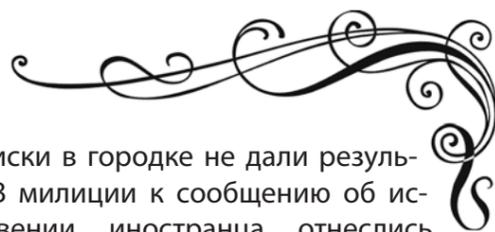
– Нет дыма без огня, – поддержала ее Вероника.

– А ты – его законный наследник, – добавил Толик.

– Поздно уже, пора спать, – Олгерд встал и отправился в свою комнату, давая понять, что дальнейшее обсуждение темы неуместно. То ли его огорчили воспоминания о семейной трагедии, то ли неловкость встречи с соотечественницей, но он был мрачен и задумчив.

Все разошлись по комнатам, и час спустя тишину нарушало только тиканье старинных часов в гостиной.

Утром следующего дня Инна, Толик и Вероника нашли дверь домика распахнутой – на ней красовались четыре глубокие царапины, напоминающие следы когтей. Олгерда нигде не было.

Поиски в городке не дали результата. В милиции к сообщению об исчезновении иностранца отнеслись прохладно – мало ли что, может, он решил срочно уехать. Царапины – чья-то глупая шутка. Пострадала только дверь, от нее претензий не поступало, а значит, нет и повода для вмешательства органов правопорядка.

Молодым людям было предложено дожидаться установленного законом срока для подачи заявления.

Из кабинета менеджера Инна, Толик и Вероника отправились во вчерашнюю корчму – никто из них сегодня не завтракал и не обедал, поиски и общение с представителями власти заняли почти весь день.

В зале было пусто – только в дальнем углу сидел человек и меланхоличноковырял вилкой в тарелке.

Ели молча. Вероника с трудом сдерживала слезы, Инна с надеждой смотрела на мужа – он должен был найти какой-то выход. И он его нашел.

– Никто не может запретить нам самостоятельные поиски до наступления официального срока подачи заявления об исчезновении человека. А может, мы и вправду дня за три сами управимся.

– Я согласна, – ответила Вероника, – я не смогу сидеть и ждать все это время, надо что-то делать, связаться со спасателями...

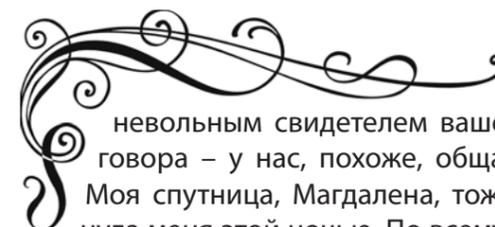
– Спасатели не спасают тех, кто уходит ночью из дома. Им надо будет сообщить хотя бы примерный маршрут, а мы его не знаем...

– Прошу пана, я слышал, вы собираетесь на поиски? – в разговор вмешался тот самый одинокий посетитель.

Увлеченные обсуждением молодые люди не слышали, как он подошел.

– Да, а в чем, собственно, дело? – поинтересовался Толик.

– Еще раз прошу простить меня, я стал

невольным свидетелем вашего разговора – у нас, похоже, общая беда. Моя спутница, Магдалена, тоже покинула меня этой ночью. По всему видно, что добровольно, но кто знает? Они были знакомы с вашим товарищем. Возможно, там, где сейчас Олгерд, я найду и ее?

– Может и так, – согласился Толик.

– Вы разрешите мне присоединиться к вам?

– Поймите нас правильно, мы впервые видим вас и...

– Простите, я не представился, – он вытащил из кармана визитку и протянул ее Толику.

– Владислав Горецкий, управляющий Варшавским отделением банка «Энергоинвест». Солидная фирма, имя известное, – Толик удовлетворенно кивнул и протянул руку. – Добрый вечер, пан Владислав. Анатолий Морозов, моя жена Инна, наша подруга Вероника.

– Рад знакомству, – ответил на рукопожатие поляк. – Вы знаете историю замка Лисовицких?

– Да, Олгерд рассказал нам.

– Тогда он должен был вам рассказать, что ТО, что там находится, можно взять только завтра ночью, в полнолуние, следующая возможность представится не скоро.

– «ТО» – это что?

– Этого я не знаю. Только, если оно было спрятано, значит должно там остаться, иначе последствия могут превзойти все ожидания – предок Олгерда однажды пострадал от нашествия волков. И возможно, это были не совсем волки. Думаю, они могли отправиться именно туда.

Они обменялись еще некоторыми подробностями относительно происшествия. Выяснилось, что исчезла машина Магдалены. Также было установлено, что проезжая дорога отсюда до ближайшего населенного пункта только одна, на ней имеются две за-

правки и одна придорожная гостиница – возможно, там видели машину или кого-то из пропавших. Выезжать было решено немедленно, чтобы к ночи успеть добраться до гостиницы.

Олгерд открыл глаза и огляделся. Он лежал на одеяле из волчьего меха на полу в главном зале донжона. Потолок и стены местами отсутствовали, и в отверстия было видно усыпанное звездами небо и заснеженные склоны гор. Вокруг все было белым от инея и льда, но холодно не было, скорее, наоборот, по телу разливалось тепло. Он чувствовал себя несколько утомленным, но это было приятное чувство. Только в голове был какой-то странный туман – он не мог вспомнить ничего, что произошло накануне.

Магдалена сидела рядом, на обломке стены и что-то читала. Заметив, что он пришел в себя, она улыбнулась.

– Добраноц, мое сердце, – она села рядом на край шкуры, – как ты спал?

– Отлично, только, как мы здесь оказались? Где мы?

– Это твой замок, Волфмаунтаин, мы решили побывать здесь перед свадьбой, ты помнишь?

– Помню, – согласился Олгерд и снова лег, закрыв глаза, – только я как-то странно себя чувствую. Как будто я – не я.

– Ты устал, мы поднимались пешком на вершину. Выпей это, – она протянула ему кружку с горячим чаем.

Олгерд вдохнул горьковатый аромат напитка.

– Что это? Твои волосы пахнут так же, – он нежно провел ладонью по роскошным косам Магдалены.

– Это особый отвар из трав, рецепт моей бабушки, согревает, снимает усталость, успокаивает. Пей, – она поцеловала его.

– Нет, я хочу смотреть на тебя и вдыхать аромат твоих волос. Я люблю тебя.

Где-то неподалеку раздался протяжный волчий вой.

– Волки, – констатировал Олгерд, – здесь их много.

Магдалена едва заметно изменилась в лице – тень беспокойства на миг омрачила его, но она быстро овладела собой.

– Спи, любимый, – она снова его поцеловала, – отдохни еще, а я постерегу твой сон.

Олгерд послушно закрыл глаза и уснул со счастливой улыбкой на устах.

Магдалена снова взялась за книгу. Где-то здесь должен быть ответ, он есть, его осталось только найти. И тогда этот холод закончится.

Как и было решено, Инна, Толик, Вероника и Владислав выехали еще засветло по намеченному маршруту. Вначале все складывалось удачно – они благополучно добрались до первой заправки, где выяснили, что направление поисков выбрано правильно – этой ночью здесь видели машину Магдалены. Но через час повалил снег, за считанные минуты намело такие сугробы, что даже внедорожник Толика не мог с ними справиться. Каждый метр пути пришлось буквально раскапывать. Два часа усилий продвинули их едва ли на пару километров. Топливо подходило к концу, все более четко вырисовывалась неприятная

перспектива провести ночь в лесу, а, учитывая состояние дороги, – возможно, и не одну, но снегопад прекратился так же внезапно, как и начался.

Облака рассеялись, обнажив серебряный диск полной луны, а вдалеке загорелась неоновая вывеска гостиницы.

Вероника вышла из машины. Чтобы хоть чем-нибудь себя занять, пока мужчины раскапывают дорогу, она решила немного размяться.

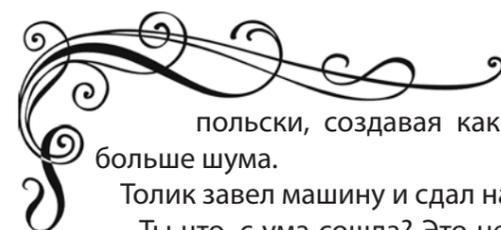
Идти можно было только назад, по прокатанной колее. Окружающий мрак слегка рассеивала белизна снега – деревья почти вплотную подступали к дороге, смыкая над ней свои ветви и образуя тоннель, который не пропускал сюда свет луны. Вокруг стояла нереальная, почти физически ощутимая, давящая тишина, как будто мир кто-то с головой укрыл толстым пуховым одеялом.

Она была поглощена мыслями о событиях минувших суток, поэтому не заметила, как отошла от машины довольно далеко. В очередной раз вглядевшись в глубь леса, Вероника заметила какое-то движение – что-то перемещалось между стволами. Она постояла, вглядываясь в темень, – движение повторилось – только теперь в нескольких местах и гораздо ближе, а потом она увидела глаза – фосфоресцирующие зеленым, голодные глаза, как у той собаки, что напугала ее накануне. Это была вовсе не собака, а волк. И сейчас из чащи на нее смотрели несколько пар голодных волчьих глаз.

Бежать не было смысла – до машины далеко, кричать, по той же причине, смысла не было. Вероника беспомощно оглянулась и замерла на месте, почти не дыша.

Звери приблизились на расстояние прыжка и расположились вокруг. Один из них поднял вверх морду и протяжно завыл.

– Вероника, не двигайся! – Владислав бросил копать и бежал на выручку, размахивая лопатой и крича то по-русски, то по-

польски, создавая как можно больше шума.

Толик завел машину и сдал назад.

– Ты что, с ума сошла? Это не городской парк, здесь нельзя гулять! – рыкнул он. – Быстро в машину, и носа оттуда не высывать!

Все это время волки оставались на своих местах, не обращая на суету никакого внимания. Они не приближались, но и не уходили, пока вожак не перестал выть – на его зов откликнулся другой волк, потом еще один – стая окружала путешественников по всем правилам военной тактики.

Толик выжимал из автомобиля все, что можно, и «Крузер», кряхтя, пробивал дорогу в заносах. До гостиницы оставалось уже совсем недалеко, когда молодые люди снова услышали волчий вой, только теперь многоголосый – стая воссоединилась и преследовала машину без малейшего намека на страх или осторожность.

Джип на полном ходу, насколько это позволяли сугробы, влетел в ворота гостиницы. Но прежде чем Владислав и Толик успели их закрыть, несколько животных смогли прорваться следом и бросились на них.

Видимо, привычный к такого рода ситуациям, хозяин гостиницы выбежал во двор полуодетым, но с ружьем, и стал палить в воздух.

Драка прекратилась, когда бездыханное тело вожака упало на снег – охотничий нож поляка глубоко вошел в его горло. Мгновение спустя остальные хищники, повизгивая, бросились вон со двора. Возможно, причина их бегства была именно в этом поражении, а может быть и в другом – неподалеку снова послышался вой. Это был не тот протяжный, охотничий клич серых хищников, что сегодня уже несколько раз оглашал окрестности. Нет, это был голос разумного существа – громкий, угрожающий, полный злобы, от которого в жилах застывала кровь.

Дверь гостиницы в эту ночь закрыли особенно тщательно. Входя, Вероника обратила внимание, что она сбита из очень толстых дубовых досок и окована железом. В центре, рожками вверх, была прибитая большая серебряная подкова.

Всю оставшуюся ночь никто из персонала и постояльцев не ложился – одни несли караул у дверей и окон, другие пытались оказать помощь получившему серьезные раны Толику.

Утром его состояние ухудшилось, поднялся жар, кроме того, он потерял много крови. Спасатели обещали прислать вертолет и врача только к полудню. Инна осталась с мужем, продолжать поиски Вероника и Владислав отправились вдвоем.

Дверь часовни была мраморной, украшенной тонкими барельефами на религиозную тематику – святые отцы не зря притащили в эту глухомань одного из выдающихся зодчих Италии. Магдалена еще раз заглянула в книгу и стала ощупывать фигурки в поисках рычага. Ей нужно было еще немного времени. Совсем чуть-чуть. Книга была очень старой, ветхие страницы едва не рассыпались в руках, тем не менее, она нашла нужный отрывок и почти весь его уже перевела.

Олгерд проспал долго – ее поцелуй, поцелуй Снежной Королевы, безотказен, как и прежде. К тому же он выпил достаточно много зелья. Еще несколько глотков – и он забудет всю свою прошлую жизнь, забудет, как расстался с ней когда-то. А потом она все исправит, все будет по-другому. Он снова будет любить ее. Только ее.

Начинало светать. Сквозь провалы в потолке и стенах было видно, как постепенно сереет небосвод над горами, редет мрак и пейзаж теряет свою глубину и бархатно-лунную мягкость, бледнеет, приобретая дневную угловатость.

Вот оно, наконец-то – одна из резных розеток мягко утонула в плите, и дверь со скрежетом сдвинулась в сторону, открыв вход в довольно просторное помещение часовни. Это должно быть где-то здесь. Ну, конечно, на самом видном месте – у фрески, изображающей младенца Иисуса в яслях, стояли деревянные статуи, изображавшие волхвов, подносящих спасителю дары. В руки одной из них была вложена рака. Магдалена открыла ее и достала реликвию – сердце Святого Альбеуса.

Далее в книге следовало описание довольно сложного ритуала. Девушка вернулась в зал, начертила на полу необходимые символы и разложила по местам артефакты. Теперь самое сложное – она достала из хрустального ларца, выкраденного из сокровищницы дракона, маленький нож. Его лезвие было коротким и изогнутым, наподобие серпа, а рукоять выточена из горного хрусталя.

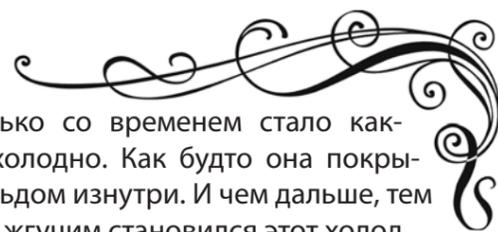
Тоненький краешек солнечного диска показался над горами – самое время начать новую жизнь. Магдалена встала в центр начерченной схемы, прочла формулу и сделала надрез под левой грудью.

Ей не было больно – ледяное сердце, которое она носит в себе вот уже семь лет, болеть не может. Оно не может любить, ненавидеть, страдать. Оно не доставляет владельцу никаких хлопот, сохраняя его разум спокойным и ясным. Никакие эмоции не в состоянии помешать его работе. Только покой и холод. Холод и покой.

Покой.

Холод.

Вначале все было замечательно. Ее прежнее, разбитое сердечко, истерзанное безнадёжной любовью и чувством вины, перестало ее мучить. Боль прошла, эта скользкая гадина, поселившаяся в душе и день за днем медленно высасывающая оттуда радость, толкнувшая ее на убийство единственного друга, наконец, перестала быть.

Только со временем стало как-то... холодно. Как будто она покрывалась льдом изнутри. И чем дальше, тем более жгучим становился этот холод.

Облегчение принес Владислав – он взял ее в бизнес, воспитал из вздорной девчонки неплохого дельца – холодное сердце здесь пришлось как нельзя более кстати. Но и это длилось недолго. Холод стал нестерпимым. А потом Магдалене попала в руки эта книга. Она содержала массу интересных сведений, в том числе и описание артефакта «Ледяное сердце». Оказалось, что ничто на свете не дается даром. Особенно магия. И ценой Ледяного сердца была Вечная Зима. Вечная смертная тоска и вечный холод.

Она решила это исправить.

Вынув и отшвырнув подальше свое сапфировое сердце, она вложила в разрез добытое в часовне сердце святого и произнесла завершающее заклинание. Разрез затянулся, в груди что-то шевельнулось, появилось легкое покалывание – сердце оживало.

В галерее раздалась шага и голоса. Вот и партнер с этой русской матрешкой, добрались-таки. Но поздно, уже ничего не изменить.

В зал вбежал Владислав, следом Вероника, оба взмокшие и едва переводящие дух. Поляк окинул взглядом помещение и, поняв, что происходит, бросился к Магдалене:

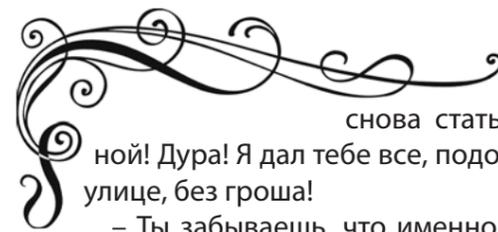
– Что ты сделала, идиотка!

Он подбежал к краю магического круга, но пересечь его не смог. Глухое рычание исторглось из его груди. Он был в бешенстве.

– Что ты натворила, безумная! Как ты могла так поступить!

– Я устала, Влад – эта ноша не по мне. Я снова хочу простых человеческих радостей.

– Сокровища Папы Борджиа! Артефакт пятнадцатого века! Сердце святого Альбеуса, повелителя волков! – истерично захохотал он. – Ты притащила меня сюда, чтобы

снова стать смертной! Дура! Я дал тебе все, подобрал на улице, без гроша!

– Ты забываешь, что именно ты был причиной тому, что я оказалась на улице. Помнишь, что стало с семьей Олгерда? А обвинили во всем меня. Не стоит так огорчаться, друг мой, эта стекляшка лежит где-то здесь. Вставь ее себе, или этой кукле, и все будет по-прежнему. Я устала, я ухожу.

Вдруг Владислав остановился. На его губах заиграла нехорошая усмешка.

– Думаешь, можешь так просто меня кинуть, да? Я воспользуюсь твоим советом. Но прежде ты будешь наказана. Я убью тебя и его, – он указал на спящего Олгерда, которого пыталась привести в чувство Вероника.

Выхватив охотничий нож, тот самый, которым убил волка, он вонзил его в пол на краю магического круга.

Линии фигуры вспыхнули зеленым огнем и стали терять четкость, а мгновение спустя исчезли вовсе.

Медленно, с садистским выражением на лице, Владислав обошел затухающий круг, разбежался и прыгнул через нож. Кувырок – и человек исчез, посреди зала стояло существо, похожее на волка, но гораздо крупнее. Теперь магия круга ему не мешала, он душераздирающе взвыл и двинулся к Магдалене.

Заняв оборонительную позицию, она вскинула руки и хотела произнести какое-то заклинание, как вдруг согнулась от нестерпимой боли, пронзившей тело.

Оборотень приближался. Преодолев слабость, Магдалена снова выпрямилась и приготовилась к бою, но следующий, более сильный приступ свалил ее с ног.

Боль была нестерпимой – тело горело изнутри и снаружи, рвались самые крохотные из сухожилий, лопались самые глубокие из сосудов, каждую клетку выворачивало наизнанку.

Это новое сердце, любящее и сострадающее сердце святого человека, много лет впитывавшее в себя чужое горе и боль, оказалось слишком тяжелым. Все, что Магдалена не могла чувствовать ледяным сердцем, в одно мгновение просочилось в ее оттаявшую душу и теперь убивало ее. Вина, разочарования, предательства, бесчестье, все зло, совершенное ею. Магдалена обессиленна настолько, что не могла даже кричать, она молча лежала на полу, глядя, как шагают, приближаясь, лапы чудовища. Оно было уже совсем рядом, как вдруг в зале появилось еще одно – другой вервольф, чей голос они слышали накануне в окрестностях гостиницы, бросился на Владислава.

Схватка была недолгой – чужак был явно сильнее, и вскоре на полу в луже крови корчилось, принимая облик, дарованный при рождении, тело бывшего управляющего варшавским отделением банка «Энергоинвест». Его убийца выдернул торчащий из пола охотничий нож и вонзил его в сердце своей жертвы, прервав агонию.

– Мразь, – процедил он сквозь зубы, – он обтянул рукоять своего ножа кожей моей сестры!

Затем добавил, обращаясь к онемевшим от ужаса Олгерду и Веронике:

– Не бойтесь, я не причиню вам вреда, это был мой и ваш враг, он наказан по заслугам.

Ответа не последовало.

Незнакомец пожал плечами и достал из кармана мобильник.

– Все кончено, – негромко произнес он, – банкир мертв, Магдалена еще жива. Понял, до встречи.

Он спрятал телефон и снова обратился к молодым людям:

– Меня зовут Каро, – он протянул руку Олгерду, – ваши друзья в безопасности, Анатолий пришел в себя и велел вам кланяться. Прошу меня извинить, но вон та дама нуждается в моей помощи.

Он перенес Магдалену на одеяло, ножом разжал ей зубы и влил в рот несколько капель какого-то зелья – девушка задышала ровнее, лицо немного порозовело, она смогла открыть глаза.

В галерее послышались шаги, в зал вошел дорого одетый, черноволосый мужчина, он сел на пол и положил голову Магдалены себе на колени.

– Фрегуар, – едва слышно произнесла она, – ты жив.

– Да, милая, я же дракон, я бессмертен.

– Помоги...

– Конечно, бедная моя девочка, твое сердечко разбито и кровоточит, но скоро все пройдет, я обещаю. Молчи, тебе нельзя говорить, – он ласково гладил ее белокурые волосы, что-то шептал и время от времени давал пить зелье из фляжки.

Каро присел рядом.

– Гоблин где-то здесь, Фрегуар.

– Постарайся его найти, нельзя допустить, чтобы он снова что-нибудь украл. К тому же наши братья, сумеречные воины, ищут его тоже, они будут рады такому подарку.

– Подумать только, я едва не убил его в «Горной песне», когда он шпионил за Магдаленой.

– Это было бы очень опрометчиво с твоей стороны.

– Прошу, панове, но, может, нам кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? – опомнившийся Олгерд приблизился к Каро и Фрегуару и представился: – Олгерд Лисовицкий, когда-то этот замок принадлежал моей семье.

– Каро, волк, ликантроп, – дружелюбно ответил оборотень и протянул руку, – а это Фрегуар, последний ледяной дракон.

– Если бы я сам не был свидетелем сцены, что произошла здесь несколько минут назад, я бы вызвал сюда бригаду из сумасшедшего дома.

– Увы, если бы вы не были свидетелем, а

если бы не было крайней необходимости спасти ваши жизни, то, несомненно, не были бы, то никто не сказал бы вам то, что сказал, а значит, и бригаду вызывать не пришлось бы, – отвечивал волк.

– Да, вы правы. Но Владислав... Мы столько лет знакомы. Что с ним было, он тоже, как вы, ликантроп?

– Ликантроп, но не по рождению, как я. Проще говоря, колдун-оборотень. Он вообще был весьма дурной человек. Избавившись от него, мир вздохнул с облегчением.

– Вы что-то говорили о вашей сестре, – не унимался Олгерд, – простите мне мою назойливость, но не расскажете ли вы о ней?

– Извольте. Ее имя было Марта. И у нее были дивные каштановые кудри и синие глаза. Каким-то образом этот подонок узнал, кто она, соблазнил, убил и заклил на ее крови охотничий нож. Если иметь такой нож и знать нужные слова, с его помощью можно принять облик вервольфа. Сегодня моя маленькая Марта наконец сможет обрести покой, – голос волка прозвучал печально и глухо.

– Мне жаль прерывать ваш диалог, но нас ждут еще два дела, – вмешался Фрегуар, – Каро, ищи Галариха, а вы, пан Олгерд, поможете мне с Магдаленой, каждые пять минут надо поить ее двумя каплями этого напитка.

Он протянул Олгерду фляжку, а сам вышел куда-то и вернулся через полчаса с узким золотым очельем, покрытым тонкими надписями, которое надел на голову Магдалены. После этого велел Олгерду отойти как можно дальше и по возможности не смотреть, на то, что будет происходить.

Свет солнца, поднимающегося все выше, проник сквозь провалы в стенах и заполнил помещение. Отраженный множеством крошечных кристалликов инея, он сделал стены похожими на усыпанное бриллиантами

платье невесты.

Фрегуар молча склонился над Магдаленой, вокруг него помалу вспыхивали цветные искорки, их становилось все больше, и скоро они создали плотный опалесцирующий кокон, который рос, пока не достиг потолка, затем рассеялся, заполнив помещение хаотично передвигающимися, как насекомые в свете лампы, огоньками, а там, где недавно был Фрегуар, теперь сидел серебристо-белый дракон. Он несколько раз осторожно взмахнул широкими нетопыриными крыльями, выгнув шею, мотнул головой, привыкая к обличью.

Вероника и Олгерд зачаровано наблюдали за происходящим – сказочное волшебство творилось на их глазах.

Дракон несколько раз выдохнул инеем, убедившись в своих возможностях, нагнул изящную голову к Магдалене, нежно потерся о ее щеку, а затем выпрямился во весь рост, расправил крылья, зарычал, извергая из пасти поток холодного голубого пламе-

ни. Когда оно иссякло, Магдалена оказалась заключена в друзу чистейшего горного хрусталя, а рядом вместо серебристо-белого исполина снова стоял красивый брюнет.

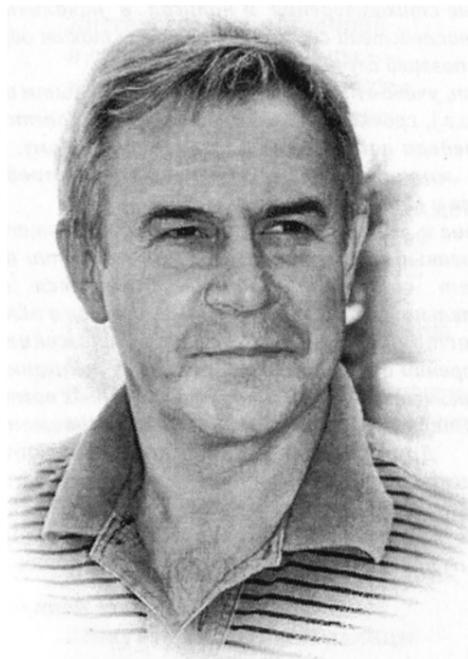
– Ну, вот, – печально произнес он, – теперь Каро с братьями перенесут ее в одну из пещер, и она будет там спать, под их охраной, пока кто-то не полюбит ее и не разбудит поцелуем.

Фрегуар подобрал с пола брошенный Магдаленой ларец и аккуратно сложил туда сапфировое сердце и маленький изогнутый нож с рукояткой из горного хрусталя.

Где-то в галереях замка раздался истошный вопль – вероятно, Каро все-таки нашел Галариха.

Свадьба Вероники и Олгерда уже назначена – она состоится, как только Толика выпишут из больницы.

Венчание будет происходить в замковой часовне Волфмаунтайн, Каро и Фрегуар – в числе приглашенных.

ОЛЕГ ЛАТЫШ

Первые стихотворения написал в начальных классах школы.

Интенсивные занятия спортом в школьные годы, учеба в Краматорском индустриальном институте, срочная служба в Советской Армии.

До предела напряженная и, соразмерно этому, интересная работа на промышленных предприятиях Дружковки и Макеевки.

Семья.

Вышесказанное явилось основными вехами моей жизни и общения с людьми.

В настоящее время увлекся сложением новых стихотворений и редактированием ранее написанных.

Однокашники

(Посвящается выпускникам ДГМА)

1

Приходят, словно бы живые,
виденья в коконах из грусти,
и воскрешают наши чувства
из Леты годы молодые:
ушедшее в архив столетье,
страна вне тягости сомнений,
здоровья культ, культ вдохновений,
тельцом не травленные дети...

2

Пороги нашей Альма Матер
не допускали к душам тленья,
учились скептики везенья,
торя судьбе прямой фарватер.

Желанье знаний, слову вера,
уроки «прозы» в стройотрядах

рождали жизненный порядок,
влекли студентов в инженеры.

Азами принципов не ложных,
заботой лекторов-кумиров
заводам вуз наш командиров,
спецов воспитывал надежных.

Шагнули в ритм Союза смело –
Урал позвал нас, Харьков, Гомель,
Донбасс... Школ перечень огромен,
где слово украшалось делом.

Душой по-прежнему родные,
в воспоминаньях мир не тесен –
фонтан курьезов, финиш сессий,
мечты, влюбленностей стихии...

От Севастополя до Ялты...

(Дорожная зарисовка)

Ушла зима... Ждет летней ласки
остывший Южный берег Крыма,
а я, заботой в путь гонимый,
любуюсь с трассы вешней краской.
От Севастополя до Ялты
нависли скалы-исполины,
а справа буднично, незримо
морских учений слышны залпы.
Внизу прибрежные селенья
живут сонливо и неспешно.
Их скоро плеск волны прибрежной,
гостей создав, спасёт от тленья.
Ильяс-Кая, уютный Ласпи,
Форос, Меллас и Мухалатка –
в названьях их звучит загадка
и ощущение вечной сказки.

Мой финиш Ялтой был очерчен.
Дул ветер сквозняком прохладным,
а волны лихо, многократно
смочили туфли мне при встрече...

Дела решив, я отбыл в вечер –
звал Севастополь в путь обратный.

Зимой, лелея вкус мечты,
скопив желанья к лету,
приехал друг мой из Москвы,
по брони взяв билеты...

В саду под грушей тесен стол,
воспоминаний всплески –
уютен, долог разговор
о временах советских,

Слеза

(Посвящаю светлой памяти
оставшихся в Великой Отече-
ственной войне)

Бравурный звук фанфар услышав,
а вслед – победное «Ура!»,
скорбит слеза бойцов-мальчишек
из глубины придя Днепра.

Солдатам было девятнадцать
доверчивых и трезвых лет.
Им дан приказ... Велел – добраться,
душ не щадя, взять правый брег!

Парням плеснули спирта меру,
не уважающую жизнь,
и в Ужас бросили «потерю»
взлететь душою юной ввысь...

Кровавою покрылась пеной,
от взрывов вспучившись, вода.
Плечом к плечу из ада плена
бойцов пленяла темень дна.

Пришла слеза в цветущем мае
к дрожащей старика щеке...
Безмолвно голос окликает,
быль воскресив о той реке.

Примечание. Строки написаны
под впечатлением воспоминаний
участников операции по форсиро-
ванию Днепра в 1943 г.

Приехал друг...

спешат из памяти друзья –
здоровы все и живы...
похлопать по плечу нельзя
их образ молчаливый.

Душой измерен шаг версты,
бальзам качает сердце,
приехал друг не из Москвы –
наведалься из детства.

ТАТЬЯНА ЛУКЬЯНОВА

Лукьянова Татьяна Александровна родилась в селе Диброва Краснолиманского района Донецкой области. Окончила Краснолиманскую среднюю школу №4. Выпускница Краматорского индустриального института. Работала конструктором на НКМЗ, но основная трудовая и творческая биография связана с Донбасской государственной машиностроительной академией.

Автор книги стихов «Обыкновенное». В 1994 году стала редактором-издателем культурологического альманаха «Новый свет». Публикует поэтические произведения и публицистику в пе-

риодических изданиях города и региона. В ноябре 2011 года в городе Краматорске издан уникальный хрестоматийный сборник произведений литераторов нашего города «Світ слова», рекомендованный для изучения в общеобразовательных школах. Подборка стихов Лукьяновой Татьяны Александровны включена в это историческое издание.

Паутина

Паутиновые нити
Поэтам пути ласковые вьют...
Осенние берёзы, осените
Сияньем светлым голову мою.
Пока за лесом пламень дня затонет,
Сгорит золотиственной прядь,
Я свет ваш угасающий запомню,
И озера серебряную рябь,
И шорохи крахмально-белых лилий,
От холода укывшихся на дне...
Наполнюсь чистотой спокойных линий,
Поющих в драгоценной тишине.

Хочешь, рядом со мной сядь.
Зашуршит негрустно листва –
Что померкнет и сей сад,
Золотые его слова.
Что король красоты, мир,
Из линялых, высохших кож
Ускользает, мудрый, как змий,
В новизны зелёную дрожь.
Что наш путь преградит мрак –
Не такая уж злая месть
За незрячесть, привычку врать
И умение спать да есть.

Шалый ветер, как пёс,
Вихри рыжие носит,
Дождь на клавишах крыш,
Набирает блюз...
Сколько раз в этом городе
Будет осень,
Столько раз этот город
не разлюблю.
Эти яркие, жаркие,
пёстрые листья,
Может я и забуду
Их свет зимой,
Но, пока рыжий пёс
Во дворах веселится,
До тех пор этот город –
Любимый мой!

Этот сад полураздетый,
Замороженные листья,
Чернозёмная тропинка,
Бледноликая луна –
Миллионы лет всё это
Сердце мирное поэта
Нежно любит
И не верит,
Что вокруг всегда война.

Обещали на ночь морозы...
Еле выхваченные из тьмы,
Пусть ещё поживут розы
В белой вазе цвета зимы...

Листья в оранжево – жёлтом саду
В плену разноцветья снов их.
Если зелёный один найду,
В Тютчева книгу его покладу –
Беречь до прихода новых...

У осени свои приметы.
Перекрывая тёмный сон,
Перекликаются поэты
Нестройным хором голосов...
В холодной влаге чуткой ночи
Кого ты кличешь мой собрат?
Из одичалых одиночеств
Крылатой стаи не собрать.
Мечтая о всеобщем рае,
Но не найдя пути к нему,
Они живут и умирают,
Как повелось,
По одному,
В уединеньи душ пропащих,
С тех пор, как Бог пустил на слом,
Нелепый конус дерзкой башни,
Что украшала Вавилон.
У осени свои приметы,
Прислушайся, в сырой ночи
Перекликаются поэты,
Разноголосые, ничьи.

Горят обманном пламенем леса,
Парит душа без абриса и веса,
И синью неземною небеса
Сквозят и заывают в неизвестность.

Последний, самый цепкий лист
Назавтра вмёрзнет в первый лёд,
Снимает стаю в перелёт
Вожак.
И та негорькая печаль,
Которой, странно, я жила,
Вдруг, оказалась так мала,
А жаль...

Знаю, знаю – увянет букет
Пламенеющих кленовых листьев,
Но сегодня, прощально – неистов,
Излучает он радостный свет.

ОЛЕГ МАКСИМЕНКО

Закінчив ДДМА. Працює на заводі ТІСО. Перший вірш був надрукований в 1988 році в газеті «Краматорський металург». Друкувався в міських, а також в обласних газетах, журналі «Брідщина». Співавтор поетичних збірок «Донецькі полини», «Шидловські вогні», «Поезії Слов'янщини». Автор поетичних збірок «Вклоняюся рідній землі», «Степные рассветы». Автор краєзнавчої книжки «Крізь млу до світла». За працю на ниві краєзнавства ім'я Олега Максименка ввійшло до довідника «Краєзнавці Донеччини». В книзі Н. Лапушкіної

«Українське письменство Краматорська» охарактеризована творчість Олега Максименка. Про книжки поета писала «Літературна Україна». Нещодавно вийшла авторська збірка поезій «Спи́ви степу».

Спи́ви степу

Співають струмки по весні
В некошених заростях трав.
Отаман – ватаг, мов у сні,
Чумацькою валку стримав.

І зілля – ромен гомонить
Про плесо Сухого Торця,
А балта казково мовчить –
Очікує диво – митця.

І яса ятрить в шавлії,
Танцює густий воронець,
Березка – дівчина імлі –
Кохає ненатло чебрець.

Весни золотавий нектар
Збентежує душу мою,
По стежці кохання до хмар,
До неба, до сонця дійду!

В пелюстках троянд віднайду
Кохання твого кольори,
Розмаєм пісень огорну
Життя молоді пори.

Любові весняний нектар
Серденько моє колиса,
Я – твій полум'яний пісняр,
Ти – божого світу краса!

Сільщина моя

Черкаське – шовкові лани,
Джерела струнами бринять.
В байраках з щебетом весни,
Мов дива з казки, полонять.

Далече ліс, як рать стоїть,
Малим колись там мандрував.
А час невпинно вже біжить,
Що я, присівши, міркував.

Про барви краю та пісень,
Шарів каплички таїну,
Родинне коло, ще здавен,
Зміцнивши східну слободу.

Я знов крокую по тобі,
Ти, рідна сільщино моя.
І згадки в пам'яті собі
Тримаю з гідністю здавна.

Вклоняюсь вербовій криниці,
Хрещеній стежинці в зірках,
Ще можу напитись водиці
В козацьких степах, що в байках.

Розтуманені віком степи
Ще кохають чебрець і полин,
Надихають наснагу мені,
Розкрутивши поезії млин.

Зірний шлях

Гуляє місяць по діброві,
Таночок водять зірочки,
І сниться мила чумакові,
І хата, рідні діточки.

А віз чумацький все мандрує
Степами вільними в Хотин
І пісня ллється, мов торує,
Шлях кволий, схований в полин.

П'яніє чебрець від пісень
Вкраїнських зугарних дівчат.
Євшан припада до рамен
Хоробрих міцних козачат.
Славута шепоче здавна
Про Київ, Олега похід
І славу гучну Богуна,
Й охрещення давнього хід.
Кобзар виграє у степу:
«Квітчаста Тараса земля!»
А віра все б'ється в стіну,
Але спить Україна моя.

Ще здійметься на згарищі євшан
Шляхетної надії дикуна
І матиме багато він пошан,
Немов ліки старого віщуна.

Травнева зоря в пелюстках
Поезію щиро коха,
В перстневих густих кольорах
Рамена її обійма.

ВАЛЕРИЯ МИЛЕВА

Родилась в 1992 г. в Краматорске. Выпускница МК ДГМА, студентка третьего курса ДГМА специальности ЛП.

Когда мне говорят, почему я пишу грустные стихи, так и хочется ответить: «А что, в нынешнее время людям нравятся веселые?» Возможно, я и ошибаюсь, но что плохого в том, что я вижу негатив нашей жизни и мне хочется свои мысли излить на бумагу в стихотворной форме? И, на самом деле, муза меня посещает тогда, когда мне грустно. Тогда-то мне и хочется пофилософствовать. Я согласна, что есть чему радоваться, но о веселье писать совсем не хочется.

Тоска

Разъедает, словно коррозия,
Мой внутренний мир и внешний.
То, что было когда-то розовым,
Будет черным, не станет прежним.
До конца разрушает мой облик –
Алкоголь и дым сигаретный.
Тоска – мой особый наркотик,
Словно танец туманный, балетный.
Бессонницей очи загублены,
Пеленою бесчестья затравлены,
Откровенностью дня беспробудного,
Холодною тьмой обескраены.
Мерзлотою сердечной напуганы
Пустотелых созданий движения.
Безвредные души сгублены,
Оставляют лишь бледным свечения.
Мой мир раздавлен беспомощно,
Тянет шар, Боже правый, как немощно.
Ковыляет бессильными лапами,
Рыдая усталыми каплями.

Вже загорілися зорі на небі...
Ніч залякана... Темно...
Прошу, говорити не треба,
Місяць самотній сумує,
Мов в терні...
Кожен день міняються фарби,
З кожним днем загасають вогні,
Тому помовчи лиш заради
Той тиші, неначе в труні.
Подивись, як зіронька впала,
У відчаї тускніє, летить,
Горіла яскраво, палала,
Але помирає за мить.
Навіщо жадати бажання,
Коли вже загасло життя,
Вона не почує прощання,
Вона не почує творця.
Тому то і місяць сумує,
Розглядає падіння зірок,
Наступну втрату рахує,
До себе очікує крок.

Сон

Мені наснилося, що ти померла,
Залишила все, звістку зітерла.
Домівку лишила, де тепер порожнечу
Ніхто не заповнить крізь тугу сердечну.
А я так бігла, штовхалась, кричала,
Тебе все шукала, чекала, гукала.
Натовп ногами давив мов шалену
Та повз лиш обходив сповідь проллєну.
Так страшно і тяжко у грудях щемило,
В надії серденько тихіше все мліло,
Биття о грудино, мов каменем в вічі,
І жах прокрадався до вічної тиші.
Та як це? Не вірю! Скажіть, що неправда,
Скажіть, що повернеться мама до завтра.
Бо тяжко, так тяжко, не дожити до ночі,
Скажи, що залишить саму не захочеш!..
Солоні потоки отруєно ллються,
Та все так здається, що люди сміються.

Розплющила очі і сльози розтерла,
Проснулась, та наче з тобою померла.
У відчаї встала, промовила: «Мушу!»
Бо наче прокляту залишу я душу.
Відчиняються двері, зазирнула... Немає...
Повертаюсь, вона з-за дверцят виглядає...

Непостоянство

Непостоянство гасит свечи,
Срывая с неба счастья зори.
И на мои ложится плечи
Со лживыми словами «sorry».
А мне, как ангелу без чести,
С греховно алыми губами,
Безбожно назначают встречи
Ночные парни – хулиганы.
Свободно вспархивают крылья,
Взлетаю в небо беззаботно.
Утром камнем от бессилья
В твои объятия безотчетно.

Души двух

Дышать невмочь,
Со стужей ночь,
Когда сердца
Во тьме слепца
В глубокий омут
Не потонут,
И две души,
Что в мир ушли.
Морозный ветер,
Смертный пепел
Унес на крыльях
В стонах, криках.
Рассеет мрак
Скорбей кулак,
А души двух,
Как прах и пух,
Раздует в степь,
Где страх и смерть,
Где боль разлук
Не разлучит
На вечность мук...
На вечность мук...
А тот костер,
Что век горел –
Навек потух...
Навек потух.
Он сжег тела
И две души,
Те две души,
Что в мир ушли.

ГАЛИНА ОРЛОВА

Окончила Краматорский индустриальный институт, работала инженером-конструктором.

С 2003 года – член Творческого объединения художников Донецкой области (ТОХНУ). Работает в области пейзажной и портретной живописи. Мастер изобразительного искусства. Помимо ежегодных персональных выставок, принимает участие во многих коллективных.

Автор трех художественно-поэтических сборников. Публиковалась в периодической печати Краматорска, Донецка, в Московском альманахе «Царское село».

Крымские зарисовки

Зимнее утро, появлялась
Заря над морем из-за туч,
Горам высоким посылала
Свой самый робкий первый луч.
А море пело, бушевало,
На пирс бросало брызговязь
И вместе с небом танцевало
Сюиту под названием «Страсть».
О, Море! – кладезь вдохновенья!
Аккорды, вечность бытия.
За шквал эмоций, блеск мгновенья –
За все благодарю тебя.

Долина Каролез среди гор
Расположилась в центре Крыма,
В ней изумрудный цвет озер,
Ее краса неповторима.
Здесь скалы – чудо из чудес,
Огромный Сфинкс, застывший в камне,
А дальше – скальных пальцев лес
И череда «голов» печальных.
Вдоль скал течет река Бельбек,

На вид – ручей: тиха, спокойна.
Зовут ее из века в век
Рекой коварной, непокорной.
Напившись вволю вешних вод,
Она вскипает, оживает,
Уже широкою рекой
Все на пути своем сметает.
И первозданностью своей
Чарует, манит сердце Крыма,
А эхо памяти моей
Влечет сюда неотвратимо.
Бельбек – река воды хрустальной,
Дочь гор, наследница веков
Звучит, как гимн, ее журчанье:
Жизнь! Вечность и Любовь!
Примчался дождь, наполнил воды,
Даруя силу, глубину.
И слышится слиянья ода –
И отдалась река ему.
В азартный танец вовлекая
Коренья, камни – все подряд,
Аккорд последний апогея –
Прекрасный мощный водопад.

Краски лета

Напитаю меня красками, лето.
Очаруй синевою небес.
Обними меня радугой света,
Подари заколдованный лес.
Ранним утром пойду без тропинки,
Пенье птиц, запах трав соберу.
Лучик солнца возьму и травинку
И в букет незабудок вплету.
А потом подарю я прохожим,
Подарю звонкий воздух дубрав,
Угощу летним утром погожим,
А еще тихим шелестом трав.
Я впитаю в себя запах трав и цветов.
Запах пахоты, спелого хлеба,
Ароматы лесов, родниковой воды
И бездонность прекрасного неба!
А потом раздарю людям щедрой рукой,
На полотна палитру бросаю,
Или миг уловлю, что сложился строфой,
Оду Небу и Солнцу слагая!

Проза

Так было душно, безвоздушно,
Беззвучно – тяжело дышать.
Мгла надвигалась равнодушно,
Вдруг небо начало стонать.

И расколосось на две части
Летающей молнией – змеей,
А может, Зевс по небу мчался
На колеснице золотой?

Гроза плясала вдохновенно
Свой танец буйства и огня,
И силой страсти неумемной
Околдовала и меня!

Как многогранен мир!
Но мы, не замечая,
Стремительно бежим,
Не ведая зачем.
Летит за мигом миг
И, в Лету исчезая,
Отчаянно кричит:
– Послушай, человек!
Послушай, помолчи,
Замри хоть на мгновенье.
Послушай тишину,
Услышь Вселенной вдох,
Послушай тишину.
Услышь в ней откровенье
Созвездий и планет
И песнь иных миров.
Послушай тишину,
В ней миллионы звуков,
Тонов, полутонов
Из всем известных нот.
Как белый цвет в себя
Вмещает сотню радуг,
Так в этой тишине
Сомкнулся звуков круг.

Поцелуй поцелую рознь,
И улыбка улыбке не пара
Взгляд бывает, как в горле кость.
Он бывает – как божья кара.
А бывает чище слезы,
Слаще меда, как солнца лучик.
Слово тверже бывает скалы,
А порой оно бьет и мучит.
Окропи мя святой водой,
Напои мя добром и терпеньем.
Дай любовь, повенчай с мечтой,
О, Всевышний, даруй вдохновенье!

АРТЕМ ПЕТРУХНОВ

Артем Петрухнов является студентом специальности ИСПР ДГМА, воспитанником ОШ № 4 и студии «ИЗО-Дизайн» (ЦВР) города Краматорска. Рисованием и резьбой по дереву начал заниматься с 10 лет под руководством Кошелева В.Н. Любит рисовать карандашом и углем.

Читает современную эзотерику, в поэзии предпочитает символизм и футуризм.

Донеччина в крові

I
Мій рідний край –
Земля, полита кров'ю
І вкрита попелом, слізьми.
Мій рідний край
Обрав собі важку долю,
Коли вставав на шлях до боротьби.
Коли робітники взяли до зброї,
Щоб захищати матерів собою
І стримати атаки ворогів,
Лунали степом крики болі,
І німцям вслід ішли загони швидкою ходою,
Щоб покарати нації катів.
І темні гори териконів
Вкривала кров червона –
Не звести з них очей.
І рідні землі з криками агонії
Приймали в лоно загиблих всіх дітей.

II
Даремно, мати, ти чекаєш сина:
Загинув він –

Отож чекай труну...
Невчасно небеса дозволили війну...
Дорогами Донеччини ідуть
Ще мільйони інших,
Та на них вже ждуть
Націлені стволи... Затамувати подих –
Ворожий палець тисне на курок.
А десь за обрієм дзюрчить струмок,
Синіє небо чисте і прозоре –
А на землі червоне крові море...

III
Донеччино, ти стримала удар:
Повстали з попелу й руїн споруди,
Але над степом ще висить тягар,
Бо Україна-мати горя не забуде,
Бо ще живуть останні із синів,
Які щоденно зустрічали смерть,
Але пройшли крізь полум'я боїв,
Щоб знов побачити зелений,
вкритий сонцем степ.

«Матер ь человеческая»

Я вижу, как танки калечат землю,
Взрыхляя черный покров.
Я вижу, и сердце исходит болью:
Советский солдат в окруженье врагов.

Я вижу вспоротый крыльями воздух:
Он так же горяч, как пули полет.
Я вижу... я мысли невольный узник,
Как жар и огонь пустоту разорвет.

В моей голове возникают картины,
Портреты и лица забытых людей:
Их не смогли занести в архивы,
Но память свою ты для них не жалеи.

Не надо фамилии, имени, пусть...
Ты просто помни о них –
Им даже не надо какая-то грусть:
Ты просто храни, храни для живых.

Пусть даже подвигов не свершая,
Все люди эти погибли для нас,
И в памяти каждый раз воскрешая,
С их светлых душ мы снимаем балласт.

И можно ведь жить по совести, просто,
Вдали от фронтов и боев,
В глубоком у немцев тылу, но точно
Знать, что Союз не сломлен.

Знать, верить, любить, ждать
Возвращения ушедших на смерть,

Работать за всех, надеяться, помнить
Овальность лица и закругленность черт.

Стараться для всех сохранить невредимым
Мир, опаленный войной,
Стереть и забыть смерти картины,
Но все же память нести за собой.

Матерью стать для всех обездоленных,
Для всех, ущемленных войной.
И на руинах домов обугленных
Построить семью с интернациональной
душой.

Пускай пред тобою и тот,
Нация чья – виновница смерти сына,
Но помни – его мать тоже ждет
Возвращения сына с кровавого пира.

И вот человек! Вот вся ширь души:
Стать матерью даже врагу,
Проливая слезы в ночи тиши,
Хранить человечность, имея пощаду.

И вот парадокс, принесенный войной:
Для подвига саблей не стоит рубить,
Повсюду смерть неся за собой.
Подвиг – в руинах жизнь сохранить;
Подвиг – помня о смерти, детей миру учить;
Подвиг – на развалинах церкви
Вечную память в собор воплотить.

О Вечности

По синему небу красным отсветы –
Кровь пролилась и реками течет:
Ничто в этом мире не может быть вечно –
Все отпечаток смерти несет.
Времени жернов в песок истирает
Все, что природа смогла сотворить,
Лишь Человечество, хромая, шагает
Вперед! Пока дано жить...

Идут поколения в небо рядами –
Сквозь времени призму мы смотрим на них,
Когда-нибудь мы не своими ногами
На звезды пойдем к сонму чужих
И далеких созданий:
Их даже Время не в силах убить;
С возрастом крепнет во мне осознанье –
Тело умрет – но Душа будет жить!

ЮРИЙ РОЗИН

В 1970 году закончил Краматорский индустриальный институт по специальности «Технология машиностроения», затем был призван в ряды Советской Армии, которой отданы 25 лет жизни, пройден путь от солдата до подполковника, начальника военного завода.

В настоящее время работает заместителем директора завода электротехнических изделий в г. Уфа (Башкирия). В стихах тонкая лирика соседствует с философско-ироничной оценкой бытия, а душевная боль прячется за броней сарказма.

Снежинки

Кружит снежинок колкий хоровод,
Опять в твоих глазах разлуки лед,
Не вырваться из призрачных оков,
Бесплотен сон, как лет полярных сов,
Бесцветен наст и безнадежен крик,
Плывет над городом луны прозрачный лик,
И где-то одинокий человек
Под ледяным дождем вырастает в снег.
Последний уголек погас в золе,
И чашка кофе стынет на столе,
Снежинки падают на дно твоих очей,
Ты – не моя, а я давно – ничей.
Забудь про наши детские грехи,
Ты знаешь – это вовсе не стихи,
Я просто на язык банальных слов
Перевожу изнанку наших снов...

Жагри сначала

Когда осенние дожди,
И нет ни выхода, ни роздыха,
Когда тоска живет в груди
И не хватает легким воздуха,
Когда беда уже по грудь,
И жизнь лазейки не оставила,
То, раздвигая эту муть,
Всегда бери себе за правило:
Начни сначала свой отсчет,
И жить тебе опять захочется,
Судьба упорного ведет,
А слабый за судьбой волочится.
И даже если вдруг следы
Оставишь на больничном кафеле,
Флажок надежды средь беды
Вдруг заполющется на кафеле...

Визит Музы

Санкт-Петербургский порселен
Мои ладони греет,
И под защитой старых стен
Мне в эту ночь теплее.
Пока еще горит свеча
На призрачной голгофе.
Кровь, словно кофе, горяча,
Хоть ночь темна, как кофе.

Пусть на дисплей, то вкривь, то вкось
Стихов ложатся строчки,
Но я надеюсь на авось
И не дойду до точки.
На звон Кастальского ключа
Припрется Мефистофель,
Кровь, словно кофе, горяча
А ночь темна, как кофе.

Тихонько щелкнул ключ в замке,
Она вошла устало,
Ее рука – в моей руке,
А времени так мало.

Мантилья падает с плеча,
Я вижу нежный профиль,
Ведь кровь, как кофе, горяча
А ночь темна, как кофе.

Что хочешь у меня проси,
Небесное создание...
Взяла лишь денег на такси,
И все, и до свиданья.
Мне было б лучше умолчать
Об этой катастрофе,
Да кровь, как кофе, горяча,
И ночь темна, как кофе.

Ну где ж мне взять такую прыть,
Чтоб ей не стать обузой,
И как прикажете мне жить
С моей капризной Музой?
Так не ругайте сгоряча,
Ведь я пока не профи.
Пора переходить на чай
И бросить черный кофе.

Корвет

Испараллелили себя меридианами,
На пьедестал идем, как на погост,
Но перепонками своими барабанными
Еще мы слышим тихий шорох звезд.

И пусть себе горит звезда горячая
На небосклоне призрачных побед,
Скажу я всем – ты самая, ты лучшая,
Других таких на этом свете нет.

Не может быть, чтоб корабли не выплыли
К таинственным зеленым островам,

Ведь мы еще не съели и не выпили
Того, что кок на стол поставил нам.

Пусть наши предрассветные конечности,
Держать устали старенький компас,
Взатяжку курим фимиами беспечности
И он течет, течет теперь сквозь нас.

И пусть форштевень режет волны белые,
Мы огибаем рифы нелюбви,
Плывет корвет, как лодочка несмелая,
Мы доплывем – ты только позови!

ТИМУР КОСТИН

Инженер-программист, артист-певец. Родился и вырос в Краматорске. В 1997 г. окончил ДГМА по специальности АПП. Стихи пишет с 16 лет, активно – с 2008 г. Увлекается историей, генеалогией, туризмом, живо интересуется философией.

О снежной радости

Пора снежной радости,
Морозное чудо...
Мгновения шалости,
И вечность – откуда?

В дыхании свежести
Безбрежные дюны –
Касание нежности
Восторгом подлунным.

Душою торжественно
Узоры рисуя,
Художник божественный
На стеклах танцует.

Пора снежной радости –
Порыв вьюжной страсти:
Терпения – надо всем,
Невежества – разве?

Снежинки гармония
Нас учит любовью,

Бурана симфония –
Ответом здоровью,

Катанье беспечное
И модницы-ели,
Улыбка сердечная –
Приветом апреля...

Пора снежной радости,
Аккорд светлой грусти.
И белые – сладости,
И таянья – грузди:

На гранях познания
Грибы собирая,
Встречаем в молчании
Предчувствие рая.

Зима – словно таинство,
Порог созерцанья:
И мудрости равенство,
И – снега мерцанье.

Связь времен

Здесь запах трав тягуч и легок –
Издавна селясь,
Древляне славили Дажьбога.
Русская земля!

Простор полей, простор столетий...
Радугу чертя,
Уносит времени карета
Вечности дитя.

И только очень добрый кто-то,
Свет тот сохранив,
Живет мгновением полета
В сказочности нив.

Ему близка родная песня,
Искренность дождя.
О, как судьбу наполним честью,
Суетность пройдя?

Я души открываю тетрадь
И листаю сознанья страницы...
Шепчет мне затаенная гладь,
Что журавль желанней синицы.

Разговор между строчек ведет
Вдохновитель, сердечная муза –
Молодого художника ждет
Неземного сокровища друза.

Ясный свет, как божественна ты!..
Я тобою люблюсь незримо,
И от чуда такой красоты
Замирает душа пилигрима.

Что можно доверить стиху?

Что можно доверить стиху,
Когда ты всей сущностью пишешь?
Со строчками как на духу –
В них сердца биение слышишь.

Что можно доверить друзьям?
В бою они спину прикроют
И, радуясь верным шагам,
Тебя от ошибок отмоют.

Что можно доверить душе,
До боли родной – что далече?
Неверья сжигая клише,
Нам светит торжественность встречи.

Что можно доверить глазам –
Прекрасным, как синие горы?
Бездонного счастья сезам
Грядущего чувствует взоры...

Муза

Вдохновительницам посвящается

Покоряя в полетах миры,
К этим милым очам возвращаться,
Дивной радуге, солнца игры –
Каждый раз как на вечность прощаться

Надо будет... Далекый кристалл
Год от года родней и дороже.
Снова творческий вечер настал,
Чтобы музу приветствовать тоже;

Слить единой молитвой слова –
Вера в сумерках радостью лечит,
Сердце нежным теплом согревать,
Чтобы не разорвалось при встрече.

МАРГАРИТА ТРЕНКИНА

Студентка третього курсу Академії спеціальності «Литейное производство», випускниця МК ДГМА. Будучи студенткою Машиностроительного коледжа, уже активно займалась журналістською діяльністю в редакції газети «Академія», веде рубрику «Молодежные течения».

Поетія завжди вошла в життя Маргарити ще в дитинстві. Її вірші публікуються в газеті «Академія», літературно-художественному виданні «Альманах муз». Займається співом, танцями, малюванням,

вишивкою бісером, фотографією, вивченням англійської мови. Девіз її життя: «Ничого так не наближає до цілі, як сміливі мрії».

Життєвість долі

Немає в серці ні краплини жалю.
Радію я, що в нас зійшлися шляхи.
Тебе вже в котрий раз я проводжаю,
– Це дивно так, і ми – як дітлахи...

Повір мені, в моєму серці шквали...
...Пориви вітру, штиль та мокрий сніг.
...Змішалось все.
Відразу сумно стало,
Бо бачу біль в «їдких» очах твоїх.

Я рідне щось відчула, не жартую!
В словах, в усмішці,
У стисканні рук...
Можливо, всім цим я тебе здивую,
Мій добрий, милий, незвичайний друг.

Так неосяжно все, і загадково.
Ці дежавю – як доказ, ніби знак...
Можливо, доля нам зустрінеться знову,
От тільки б знати, де, коли і як.

Геній

Вот хаос думок,
Ночь без сна
– Не то все...
Пора! Пришла твоя весна!
Готовься...

Она твоя, ты слышишь?
... Без сомнений!
На волю рвется
Затаенный гений...

...Глубоким словом
он нарочно ранит.
И знай! «Он» делать так
Не перестанет!

Ты раб, боишься глаз чужих,
И мнений...
Забудь про все!
И сделай жизнь весенней!

Я зможу?!

Між нами лишився смуток,
Всі спогади линули в прірву.
Все, що сказано було –
Почуто,
Шукай собі іншу наївну...

Хоч до тебе моє серце прикуте,
Та тобі все одно,
Ти холодний...
Та в пам'яті все,
Й не забуде,
Окрім тебе, не милий
Жодній...

Ти й досі не знайдеш щирість?
Всі поглядом лише
Крають душу.
Я колись дарувала вірність,
Тепер я страждати мушу...

Я іноді крию бажання,
Побачить хоч здалеку, як ти йдеш...
Згадавши останнє прощання,
промовлю:
«Я зможу без тебе!»
Та все ж...

Благодарю сердечно Бога
за то, что Вы – в судьбе моей.
В Ваш дом знакомая дорога,
В нем дух святой и смех детей.

Вы дороги мне, Вы – прекрасны!
Ваш взгляд, в нем море доброты!
Вы так милы, своеобразны,
Дитя небесной чистоты...

Ваш труд всего важней на свете,
Вы истину открыли нам.
Я до сих пор живу лишь этим,
Душа моя стремится в храм.

Волшебство утреннего сада

Туман как пудра –
Ах, это утро!
Повисли тучи,
Лишь солнца лучик
Едва мерцает...

И исчезают в усталом небе
Светила ночи.
Луны кусочек, бледное злато,
Уплыл куда-то...

Древа безмолвны,
их ветви – волны
Ветер качает...

Молчит, скучает
Сад зелен сонный,
Он заключенный
В плену прохлады...

Ночь звездопады
Подарит снова,
Как знаки свыше...

Сад околдован,
И еле слышно
Дурманом дышит...

Посвящается моей духовной наставнице, матушке Анне Жученко

Я мыслями и сердцем – с Вами!
Ваши слова память хранит:
«По узкой, тернистой дороге
Путь христианина лежит».

Пусть Вам воздастся сторицей
За Ваши добрые дела.
Я буду, матушка, молиться,
Чтоб жизнь Вам радости несла.

Желаю силы и терпенья,
Пусть будет в здравии Ваш род!
А все тревоги, огорченья,
Бесследно время унесет!

**ЖИЗНЬ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ
БЕСКОНЕЧНО**

ГОСТИ АЛЬМАНАХА

ЛЮДМИЛА БРАЖНИКОВА

Родилась 21 июня 1975 года в семье служащих в Краматорске, где училась в СШ№1. Окончила СШ № 17 г. Клайпеда Литовской ССР. В 1972 г. Поступила в политехнический техникум г. Клайпеда, который окончила в 1976 г. По образованию техник-технолог по обработке металлов резанием. Многие годы работала на НКМЗ г. Краматорска – ст. техником-технологом в отделе сварки. В жизни общительна, доброжелательна. С детства пишет стихи. Тематика их – любовь, философия, природа, дети. Увлекается фотографией, цветоводством, автомобилями, любит быструю езду. Систематически публикуется в коллективных сборниках Клуба творческой интеллигенции г. Донецка «Светоч», в сборнике «В мире знаний и чудес», в газете «Общезитие» (Краматорск) на литературной странице. Людмила Богдановна принимала активное участие в конференции «Конгресса литераторов Украины (г. Киев 2008 г.), в фестивалях «Пушкинское кольцо» (г. Камянка, 2008 г.), «Каштановый дом» (г. Киев 2008 г.), «Рыцари слова» (г. Дебальцево, 2010 г.), Областной конкурс им. В. Сосюры «Срібні дзвони» (г. Дебальцево, 2011 г.).

Автор персональных книжек «Абетка лікарських рослин для дітей», «Ранок у лісі», «Музична скринька», «Алінка-пір'їнка крокує до країни знань», «Восхождение», «Исповедь одинокой женщины», «Біль розлуки». Автор авторских песен, дипломант конкурса «Книга Донбасу-2010» в номинации «Дитяча книга». Член Донецкой областной организации Всеукраинского союза «Конгресс литераторов Украины».

Боже, поможи!

Гуртуймось, діти України,
В важку хвилину ми єдині.
Єдині біль і сум, тривога
Від Бога буде допомога.
Благаєм: Боже, поможи!
На дійсність очі зав'яжи.
Прибутки менші ніж податки,
Що скажуть згодом нам нащадки?
Байдужістю ми знищим світ,
А в нас на нього заповіт.
Тож спадщину шануйте, люди,
Та відкладемо на потім блуди...
В нас сподівання та тривога
І певний біль душі.
Потрібна Божа допомога
Відкинемо «гроші»...

Подруги

Міжчас у просторі я зустрічаю
Кохання, відданість та зраду водночас,
Три подруги мої, я вас благаю,
Разом я не бажаю поруч бачить вас.
Багаттям у душі моїй кохання
Горить і світить, гріє навкруги,
Бажає відданість свого визнання
Зрадлива подруга, ще гірше ворогів.
Роки летять вітрами по пустелі,
А вірні подруги кружляють по оселі,
І кожна є випробування долі
Самотня, мов стеблина, я у полі...

Сонечка (байка)

Ой Соню – Сонечко, в твоє віконечко
Зі співом пташечки летить привіт.
Ти, Соню – Сонечко, поглянь в віконечко,
Де квіти барвами вітають світ.
Хрущі над вишнями, духмяно пишними
Плетуть мереживо – Танок-політ.
Ти, Соню – Сонечко, поглянь в віконечко,
Де квіти барвами вітають світ.
Бабуся з Соне – Сонечкою йде повз
віконечко,
Бажає Сонечці квітучих літ.
Ти, Соню – Сонечко, поглянь в віконечко,
Де квіти барвами вітають світ.

Життя

Біль у душі,
Прийде наснага,
Прийдуть вірші –
Думок ватага.
Плекала мрію, мов дитя -
Кохала я несамовито,
Все час дивилась в майбуття,
Шляхи усі мені відкрито.

Весна

Зливою щастя полонить,
Тримає серце у напрузі,
А тіло струнами бринить –
Струмками у веснянім лузі.
За обрій мріями лечу,
За забаганкою бажаною.
Негод не чую я плачу,
А почувуюся коханою.

Депресія –
Душевний біль.
Агресія –
На рану сіль.

Цнота (байка)

При дорозі бур'янина
Під вітрами гнеться,
Як беззахисна дівчина,
Чиє серце рветься.
Народила мати квітку,
Стала лободою,
Так стають кохані дітки
Для батьків бідою.
Подорожній десь ногою
Натисне на груди,
Вола душа та благає,
Та сміються люди.
Чуже дитя безтолкове
Звеселя спільноту.
На бур'яни при дорозі
Накладемо квоту.
В байці йдеться про мораль
Нашого суспільства.
Бережимо цноту краль
Не робімо дійства!

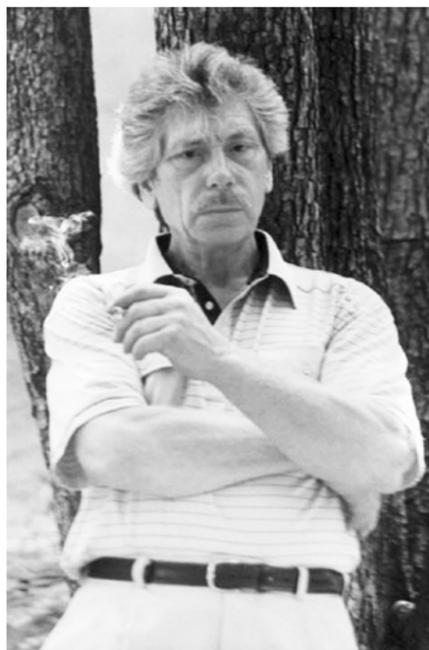
Реквієм

Аліні Остафійчук
та Владу Клену

Піднялися й гайда в вирій
Двійко соколят,
Крила мрій були потужні
Та без пташенят.
І хмаринами летіли
В вічності буття.
Вірші друзям залишили
А не забуття...

Мамо

Я на коліна упаду
Перед тобою, мамо,
Щоранку думкою прийду,
Мені відкрита брама.
Я бачу докір,
Болю крик,
Ти інший вимір.
Спокій зник.

ПЕТР КРАСЕНЕЦ, (1942 – 2008)

Родился в 1942 году в селе Копачи, которое находится в Чернобыльской зоне. Одно из стихотворений, посвященных родному селу Петра Красенца, было опубликовано на первой странице киевской газеты. Окончил автодорожный техникум и всю жизнь проработал водителем грузового и пассажирского автотранспорта. Но шофер – это для хлеба насущного. А для души – поэзия.

У Петра Красенца вышел интересный поэтический сборник «Кривые деревья», и готовится к изданию второй.

Стихи публиковались в газетах и журналах Краматорска, Донецка и Киева.

Поющий камень

Я знаю, в этом мире все поет,
Что создано руками и богами.
Я слышал пенье рос, дождей и вод
Меж берегами и за берегами.
Я слушал пенье листьев, трав и мхов,
Что всякому и каждому знакомо.
Согбенный от долгов и от грехов,
Я стал не лучшим таинством влекомый.
Взахлеб глотая звуки нежных нот,
Я, как шальной, парил над облаками.
А мне пока Его недостает.
Он где-то здесь! Он есть – поющий Камень*.
Ему не ведом свой ни нрав, ни сплав.
Я знаю, нет ему подобных сплавов.
Он презирал любую вязь оправ
Из самых драгоценнейших металлов.
Он никому ни в чем не подражал,
Приговоренный к вечному забвенью.

Он камнетесу руки не лизал
И не крошился в прихотях граненья.
Но, загнанный в глухую тьму глубин,
Где ни дыханья нет, ни дуновенья,
Где даже стокаратовый рубин
Потух бы в единое мгновенье,
Стовековой с мучительной виной
За долгое безмолвное молчанье,
Один, меж серых глыб и валунов,
Он медленно растит свое звучанье.
Я слышу эту нежность, эту гладь,
Тыщеголосье дикого веселья.
Я должен непременно отыскать
И вытащить его из подземелья.
Не зря кремновый дух во мне живет,
Наверное, он послан кем-то свыше...
Не я ли сам тот камень, что поет?
И кто-нибудь меня услышит.

* С.И.Ожегов. Словарь русского языка. Кремень – очень твердый камень, первоначально употребляемый для высекания огня, о человеке с твердым характером и т. д. Петр – это кремень.

Акросонет

Есть что-то очень дерзкое в тебе,
Во лбу твоём нелегкая поклажа.
Горячий след в неласковой судьбе
Елейной блажью лик твой не размажет.
Наверное, неладное в душе,
И сердце чуть ускорило движенье.
Юпитерная съёмка витражей
В глазах твоих сияет отраженьем.
А видно мало взгляду твоему
Рябых лучей, и кажется, что тьму,
А может, вечный мрак осилишь светом...
Все в мире относительно, и все ж
Велением всевышнего похож,
Евгений, ты – на нежного Поэта.

Романс

Я жду тебя под вечными часами.
Струит песок прозрачное стекло.
Уже почти пол века между нами
Глухое время мимо пронесло.
Угрюмый час, печальные разлуки,
И мне не жаль, что некого винить.
«Не избавляй меня от этой муки» -
Я не устану Господа молить.
Я в поисках немыслимого дива...
Меня ничем от тайны не отвлекь.
Ты где-то здесь меж пламенем и дымом,
Мне только бы дыханье не обжечь.
Туман и мрак размазал бездорожье –
Не обойти и не остановить.
Ты где-то здесь, меж холодом и дрожью,
Мне только взгляд бы не заледенить.
Но, что случилось с Вечными часами?!
Застыл песок, как выскаканный конь.
И я умру с открытыми глазами –
Мои глаза спасет твоя ладонь.
Пусть застит тень тепло ее свеченья,
И вечный сон швырнет в полет коня...
Избавь, Господь, от этого мученья
Хотя бы ту, что в поисках меня.

Осеннее

Опять ветра со свистом косят листья,
И на костры швыряют вороха.
И что ищу я в этом диком свисте,
Весь, до бровей, в пороках и грехах?

Ползут дымы угрюмые наощупь,
Как струи мертвой гибельной воды.
А я бреду по этой горькой роще,
И покрывает гарь мои следы.

Бреду от рос, от ливней и туманов,
От всякой блажи, неги и тепла.
Бреду, влеком магическим обманом,
На зов костра, сгоревшего до тла.

Дымы над рощей вяжут кольца-петли,
И меж ветвей гуляет стон и визг.
И что найду я в этом сером пепле,
В котором нет ни угольев ни искр?

Не знаю, – ангел, бес ли мною правит,
Но я уже назад не поверну.
Видать не все, что тлеет и пылает,
Несет к груди высокую волну.

И пусть ветра со свистом косят листья, –
Вот так и мне бы сгинуть на ветру...
Есть упоенье в этом диком свисте.
И я несусь к последнему костру.

Акросонет

Нас что-то очень тайное несет,
А может, дикий дар воображенья.
То мы в лучах немыслимых высот,
А то – в грязи земного притяженья.

Ловцы чужих пороков и грехов
И всяческого пошлого уродства...
И, не кривляясь, прем на ложный зов,
Втыкаемся в трясину безысходства.

О, нам жестоко очень повезло!
Забыв за так намеренно весло,
Отдав смоленный челн другим в спасенье, –

Валяемся, размазаны толпой,
И слышим, что поступок сей – тупой...
Что для поэта выше потрясенья.

НИКОЛАЙ КУЛИНИЧ

(1950 – 2005)

Николай Кулинич родился 22 января 1950 года в поселке с поэтическим названием Ясногорка, что в Краматорске.

Работал в шахте, в горкоме комсомола, в редакции газеты «Комсомолец Донбасса» (ныне «Акцент»). Долгое время являлся заведующим отделом культуры Краматорского горисполкома и «лицом» городской культуры.

Печатался в городской, областной, центральной печати, журнале «Донбасс». Член Союза журналистов Украины.

К картине Ивана Базилевского «Вестники, Май. 1945»

Я не знаю, какую ты весть принесешь,
Ты спешишь, – это значит отсрочки
не будет.

Даже ветер в лицо, синеоблачный дождь
Твой порыв и твой бег никогда
не остудят.

Это вечность сама – твой помощник
в пути

И ногам горячо от земли и от маков
Адресатов заждавшихся надо найти,
Хоть неведомо, кто будет петь,
а кто плакать.

Треугольников-ласточек светлый полет
Устремляется смело в лазурное небо
К душам тех, кто уже никогда
не придет

И уже не услышит
запах доброго хлеба.

Ты щемяще красив, как прекрасна
судьба

Та, что станет для нас и мечтой
и удачей.

Снова солнце встает, в синем небе весна
Ах, как много для нас ваше прошлое значит.

Я в жизни не был баловнем
судьбы,
Как мог душевный сохранял
порядок.
Звала труба – и я на зов трубы
Всегда спешил едва услышав
«надо!»
Влюблялся часто, но повесой
не был,
Ценил друзей и радовался
им,
Не раз делились мы
горбушкой
хлеба
И до сих пор мы дружбой
дорожим.
Был неудобен и таким остался,
Но жил всегда я мнением своим.
Есть дети, внуки – тут я
постарался
И верю, что для них –
незаменим!
Сидеть и ждать когда наступит
вечер?
Так в жизни еще много всего.

Пожухли чорнобривці від морозу –
І враз не стало мурої краси.
Хтось знадвечір'я налагодив косу,
А вранці взяв і ту красу скосив.

Життя миттєве. Сивина на скронях, –
То вже мої морози і сніги.
Сідає сонце в лісові долони
І сходе сонце на свої круги.

Така вже доля – довга, чи коротка
І тут в провині зовсім не літа.
Хтось з юності живе, як у скорботі,
А хто й в літах, як юний птах літа.

Надходе день – твори, роби, що хочеш,
Росою ранок нас благословить.
Он і онук – про щось своє лопоче –
Нове життя, моя щаслива мить.

Однополчанам- чернобыльцям

Ребята четыреста
сорок второго полка,
В тяжелое время
мы чести своей не роняли
И если не нам
ордена и медали вручали, —
Важнее другое, —
чтоб память была на века.
Ребята четыреста
сорок второго полка,
Когда-нибудь кто-то
напишет про нас даже книжки,
Но дело не в этом —
Мы сами дочуркам, сынишкам,
Расскажем, как дружба
солдатская наша крепка.

Ветеранам Великой Отечественной

Сквозь годы мне твои черты видны
Мой сверстник, не вернувшийся из боя...
Какой ценой мы оплатим должны
Победный май, надежность тишины
И неба синь у нас над головою?

Отчизна-мать на подвиг позвала.
Ты сразу стал за всю страну в ответе.
Шумел в колосьях беспокойный ветер,
И било солнце по колоколам,

И разломился призрачный покой,
Как-будто день положен был на плаху,
А чистая нательная рубаша
Надета, как насмешка над судьбой.

Все было: первый и последний бой,
В полнеба знамя алого рассвета...
И каждый май склоняется Победа
В молчаньи перед бронзовым тобой.

И стали вечными огня дрожащий свет,
Цветы,

слеза над траурной
плитой,

Боль,
память,
слава,
красный флага цвет,

Огни салютов
в честь твоих побед,

Солдат,
прикрывший Родину собою.

Всего ничего-то до первого снега.
И солнце, как будто бы вспомнив о лете,
Однажды встряхнулось от утренней неги
Улыбкой своей перепутав сюжеты.

И розы в окладе из первого инея,
И шорох листвы по волшебным аллеям.
И осень, конечно же, время не зимнее.
И мы в ней живем, ни о чем не жалея.

АНАТОЛИЙ МИРОНЕНКО

(1937 – 2009)

Мироненко Анатолий Антонович родился 25 апреля 1937 года в селе Росава Мироновского района Киевской области. Окончил росавскую семилетку и мироновскую СШ № 1, а также Горловский государственный педагогический институт иностранных языков. Служил солдатом, офицером-переводчиком, учителем, работал методистом экскурсионного бюро, резчиком по дереву, сторожил, был безработным.

Первые стихи были написаны в студенческие годы и печатались в горловской газете «Кочегарка». В 1970 году усилиями КГБ был снят с производства первый поэтический сборник поэта «Колір щастя». Через восемь лет в издательстве

«Донбасс» с помощью поэта Григория Кривды и прозаика Кости Тесленко издан небольшой сборник его стихов «Росава».

В дальнейшем из-за отказа сотрудничать с КГБ Анатолий Мироненко практически нигде не печатался. С провозглашением независимости поэт получил некоторую возможность общаться со своими читателями. Его произведения начали появляться в журналах и газетах Донбасса, Харьковщины, Киева, а также в Канаде, Австралии, Англии, Санкт-Петербурге. В 2000 году друзья поэта издали в г. Харькове его второй сборник «Вічні косарі». Избранная поэзия выдающегося украинского поэта, драматурга и философа Анатолия Мироненко была издана на русском языке в переводах поэтов Краматорска, Харькова, Белгорода в книге под названием «Вселенской печали пора».

Кроме поэзии, А. Мироненко работал и в философии. Он – лауреат областной литературной премии им. Владимира Сосюры.

Творчество Анатолия Мироненко тиражировали в печати и популяризировали краматорчане Виктор Пикалов и Валерий Сиротенко, дончане Станислав Тищенко и Виталий Юрченко, киевлянка Наталья Тимошенко, харьковчанин Вячеслав Романовский. Благодаря инициативе Микола Козака подборка стихотворений Анатолия Мироненко с краткой биографической справкой была опубликована в канадском журнале «Нові дні», и он стал известен в украинских диаспорах Канады, Австралии, США, Франции. Однако в Национальный Союз писателей Украины он был принят на закате жизни, в сентябре 2003 года (по рекомендациям киевлянина Леонида Талалая, харьковчанина Ивана Перепеляка и Анатолия Перервы). Разделяли его тяготы и краматорские поэты Феликс Скворцов, Анатолий Кибирев и Леонид Горовой, фотохудожник Евгений Варавва, бухгалтер и экономист Галина Гетьманенко, начальник управления культуры Краматорского горсовета Алена Шипова.

Ежегодно 25 апреля его друзья и соратники собирались в Святогорске на очередной день рождения нашего чудотворца с надеждой насладиться беседой с ним и пообщаться друг с другом, и никогда не обманывались. Теперь об этом можно только помечтать наедине или в кругу святогорских бронзовых сосен...

Переводы Василия Воргуля
(Харьков)

Романс

Посажу я плачущую иву у хаты
и надолго покину родимый очаг:
будет мама смотреть в грозные раскаты
и томить ожидание в горьких очах.

Только что я поделаю, если разлуки
не становятся меньшими день ото дня.
Будут мимо лететь поездов перестуки,
все куда-то спеша: «Без меня! Без меня!»

Но однажды под шепот колесной молитвы
возвращусь я, усталый, в родные края.
Только встретит меня у скрипучей калитки
вместо мамы – плачущая ива моя.

Ой, что день, что ночь –
минет все сполна.
Ой, что друг, что враг –
пустяковина.

Пусть грома гремят,
пусть метелица,
богатырский шлях
в ноги стелется.

Богатырский шлях –
непроторенный,
на живую жизнь
заговоренный.

На живую жизнь,
на огонь страстей...
Есть один лишь враг –
стоит почестей.

Есть один лишь друг,
песней тешаций,
боль вселенскую
равновесящий.

Переводы Павла Гулакова
(Харьков)

Из всех богов люблю Гефеста,
но не за позы,
не за жесты,
чем славна властная рука,
а за любовь «до молотка».
Пока Зевес из кубка пьет
и тешит ласками Европу,
Гефест прольет немало пота,
но все ж Гефест кует, кует...

Кует разгневанный Гефест
души великой повеленье –
грохочет молот
как протест
ворью, жестокости, растленью.

Лишь искры светятся во мгле
и над Гефестом реют нимбом.
Когда светает над Олимпом,
светлее будет на земле.

К исходу дня, переборков истому,
когда, уставший, выжатый до дна,
я соберусь и выхожу из дому
тропинкой,
схожей с лентой полотна.
Столетний дуб вернет былые силы,
вздохнет ракета, освящая путь,
но все ж дойти до собственной могилы
не суждено. И в том земная суть...

Остановлюсь.
С натруженного неба
сорвется глухо и дохнет гроза.
И в землю-мать,
под радугой в полнеба,
с последним вздохом скатится слеза.

Без мук душа легко оставит тело.
Замкнется жизни хрупкое кольцо.
И ветер,
словно пес осиротелый,
лизнет меня в застывшее лицо.

АНАТОЛИЙ МИРОШНИЧЕНКО

Анатолий Мирошниченко, инженер-механик, поэт, переводчик, эссеист.

Автор двенадцати художественных книг, в том числе книги стихотворений для детей.

Публиковался в антологиях, в коллективных сборниках и альманахах, в журналах и газетах, выходящих в издательствах Донецка, Харькова, Киева, Москвы, Брянска, Витебска, Белгорода, Алматы, Воронежа.

Первым из харьковских литераторов в мае 1996 года был принят в Союз писателей России.

Активно участвовал в процессе становления Харьковского отделения Союза писателей России (историческое постановление о его создании было принято в Москве, на заседании секретариата СП России, 8 ноября 2006 года).

С октября 2006 года по март 2009 года исполнял обязанности ответственного секретаря Харьковского отделения СПР.

Плодотворно сотрудничает с актерами, профессиональными композиторами и бардами.

Книга «Трава забвения» издана к 70-летию со дня рождения Анатолия Мирошниченко, а также к 50-летию творческого пути поэта.

Святогорские мотивы

Как он синееет с этих белых гор,
любовь моя и,
в сущности, основа –
сосновый старый
Святогорский бор,
что спас мне жизнь
в буквальном смысле слова!

Когда меня сжигал туберкулез,
когда врачи... И всякое такое...
Целебный воздух сосен
и берез,
настоянный на
вековом покое...

Сосновый бор лечил
меня всерьез
семь месяцев. И вот я,
слава бору,
поднялся сам на меловую гору,
а два потока благодарных слез
стекают вниз
по пройденному склону
к синееющему
хвойному озону...
Я примеряю хрупкую корону
дарованного счастья:
– Мир, гляди!
И колокол поет в моей груди.
И пять десятилетий впереди...

Не желаю князя корчить
из себя и врать в глаза...
Я хочу стихи закончить,
начатые год назад.

Так, чтоб в них, лаская взоры,
озаряя мрак сердец.
Высились Святые Горы,
глядя в Северский Донец;

Чтобы в них весенний ветер
стих. А я свечой горел,
чтоб Господь меня заметил
полночью на меловой горе...

Здравствуйте, Святые Горы!
Здравствуй, Северский Донец!
Ваши мягкие укоры
я услышал, наконец!
Радость долгожданной встречи
нас взаимно веселит;
душу страждущую лечит
и лететь ей ввысь велит...
О, как празднично белеет
Святогорский монастырь!
Здесь Евангелием веют
Божьи храмы и кресты...

Здесь мою молитву слышит
Иисус, а с Ним я смел.
Здесь историю дышит
все: вода, песок и мел!
Лишь склонись над вещей книгой,
и Донец, до дна дрожа,
вспомнит, как из плена Игорь
половецкого бежал.

Бор на мелу. Святые Горы.
На срезе склона – монастырь.
Была, наверно, костью в горле
для степняков сия пустынь.
Для половцев и для монголов,
для подлой крымской татарвы
не только здесь – на месте голом
все выжигавшей до травы...
Под их иезуитским игом
стонали монастырь и бор...
Сюда бежал из плена Игорь...
О, сколько утекло с тех пор
Воды в Донце, в Дону, в Осколе,
в Святых Горах и в Диком поле!..
Возьми земли священной горсть:
В зените славы и в опале
она расскажет, сердце сжав,
о тех, что у подножья пали,
о тех, кто на плато лежат...

Как под князьки сечи, свары
и сожженные мосты
жгли и грабили татары
Святогорский монастырь!..

Не забыли здесь потомки
(хоть легенда и глуха...),
как светлейший князь Потемкин
в Святогорске отдыхал...

Тополиный пух летучий
и цветущий луг поют:
«Чехов, Бунин, Репин, Тютчев
находили здесь приют...»

Святогорск мой бело-синий,
не солгут мои уста:
«Ты для предков был святыней,
для меня святыней стал!»

СЕРГЕЙ ПРИХОДЧЕНКО

Родился в 1974 году в городе Славянске. Стихи начал писать в 20 лет. В 2010 году вышел первый сборник стихов «Тропинка в небо». Глубоко убежден, что писать и самоутверждаться – это, по сути, одно и то же, особенно если живешь в затянувшийся переломный исторический период, когда родился в одну эпоху, там же закладывались основы твоей нравственности, а полноценно пытаешься жить в эпоху совсем иную, где не только нравственность, но и само мировоззрение с надломом. Видимо, взявшись за перо, можно найти объяснение, что происходит вокруг... с помощью друзей, с помощью неравнодушных читателей.

Деревья

Кострами кленов запылал октябрь.
К земле склонились желтые березы.
В унылом небе облаков печаль,
Холодный серый дождь свои роняет слезы.

Ложатся листья в мокрую траву.
Деревья, засыпая, видят лето:
Улыбки солнца, неба синеву,
И нежную зарю июньского рассвета.

И грезит тополь: будто бы вчера
Дурманил воздух аромат смолистых почек.
Звенели птицы с раннего утра,
Тянулся к свету первый трепетный листочек.

И помнят липы песни соловья,
Как гладил ветер их зеленые сердечки.
Как покрывалась зеленью земля,
И лунный свет, загадочный и вечный.

Цвела акация в пьянящей темноте,
Наполнив целый мир душистым медом.
Все утопало в этой красоте
Под бесконечным звездным небосводом.

Кипел черемух белоснежный цвет,
Туманом плыли яблони и груши.
Деревья, украшая этот свет,
Своим цветеньем радовали души.

Пускай поспят, пусть сладким будет сон.
Пусть не тревожат их морозы и метели.
Пускай разбудит их капели звон,
Когда растают белоснежные постели.

И встретят вновь Красавицу-Весну.
И в ярких красках утопающее Лето,
Улыбки солнца, неба синеву,
И нежную зарю июньского рассвета.

Страшные годы

Холодный ветер. Стынет мертвая броня.
Полоской алой солнца зимнего закат.
Пушистый снег летит, безмолвие храня,
Скрывает лица тех, что здесь лежат.

Ложится снег на искореженный металл,
На развороченную землю, в грязь и кровь.
На раны тех, кто лютой смертью пал,
На леденящий бред последних слов.

Лежат убитый друг и мертвый враг,
Кровавым жертвам продолжает время счет.
Мечь и жестокость, ненависть и страх –
Войны безумной бремя все растет.

Какая страшная им выпала судьба –
Собой измерить злую пропасть этих лет,

Когда кипит вокруг смертельная борьба
И адским пламенем пылает целый свет.

Когда за Родину, что нам не выбирать,
В последний бой, верны присяге, шли,
Кто за вождей и флаги воевать,
Кто – за родных, за горсть своей земли.

Рассудит Время, кто был прав, кто виноват.
Как горек он, апофеоз войны:
В холодном поле мертвыми лежат
Своей Отчизны лучшие сыны...

Снег, словно саван для истерзанной земли,
Прервав навеки свой единственный полет,
Солдат, что в этом поле полегли,
Собой укроет, схоронит и заметет...

Утро

Плывут дома по заспанному лугу
Навстречу солнцу сквозь густой туман.
Сырой рассвет дрожит стеной упругой,
Встречая этот необычный караван.

Большое облако под покрывалом ночи
Спустилось тихо на уснувшие поля.
И стало морем, и домой лететь не хочет –
Ему понравились деревья и земля.

Парят причудливо в предутренней прохладе
Вершины кленов, словно острова.
Все необычно в этом облачном наряде,
В час, когда небо зарумянилось едва.

Мир замирает за минуту до восхода.
И лишь заблещет лучик солнца золотой,
Растает облако и превратится в воду,
И станет чистой утренней росой.

Под зонтом

Затянут тучами житейский горизонт.
Сквозят ветра унылой безнадеги.
Я не боюсь грозы, ведь у меня есть зонт,
Он защитит меня от бед, от боли и тревоги.

С ним не страшны дожди печальных новостей
И серых будней снег – холодная рутина.
Мой зонт спасет меня от взглядов злых людей,
От желтой грусти журавлей, летящих клином.

Мне под моим зонтом уютно и тепло
И стороной проходят бури и невзгоды.
Хочу сказать: мне очень крупно повезло
В том, что мой зонт всегда со мной все эти годы.

Открою зонт – и все покажется пустым.
Пусть даль туманная покрыта облаками,
Я под зонтом, пока не станет небо голубым,
Пока не улыбнется жизнь погожими деньками.

ИВАН БАЗИЛЕВСКИЙ

Родился 15 сентября 1935 г. в селе Луговое Крымской области. Первые уроки рисунка и живописи получал у Н.С. Барсамова, директора и хранителя Феодосийской картинной галереи им. Айвазовского. В 1956 г. окончил Крымское художественное училище им. Н.С. Самокиша, где учился у Заслуженных художников Украины Прохорова К.А., Кац А.З., Коновалова Ю.А. С этого же года началась активная творческая деятельность, принял участие в 100 художественных выставках разного ранга, 14 персональных, из них – 2 зарубежные выставки, в Германии и Египте. Многие работы находятся в частных коллекциях Китая, Кореи, Вьетнама, Японии, Польши, Германии, Аргентины, Канады, США, Египта, Израиля, Испании.

Фамилия художника И. Базилевского внесена во «Всеобщий словарь художников», выпускаемый издательством VEB E.A. Seemann (Лейпциг, Германия),

который включает в себя статьи о живописцах, графиках, скульпторах, архитекторах и представителях прикладного искусства всех эпох и культурных областей, а также в «Энциклопедию современной Украины» и в трехтомное издание «Национальная мини-галерея Украины».

С 1971 г. – член Союза художников СССР, член Национального союза художников Украины. Живет и работает в Краматорске.

«Буду рад, если мои работы, хоть на самую малость наполнив духовный и душевный мир каждого, обогатив впечатлениями, сформируют мысли светлыми и добрыми, а дела – хорошими».

Глубокой осени последний луч

Худ. И. Базилевский

Берег Казантипа. Крым

Худ. И. Базилевский

Поэт

Худ. И. Базилевский

«Создавая художественный образ, хочется увидеть необычайные возможности колористической гаммы композиционного, декоративного, и их органического присутствия в живописной работе».

Домик лесника. Вечерет
Худ. И. Базилевский

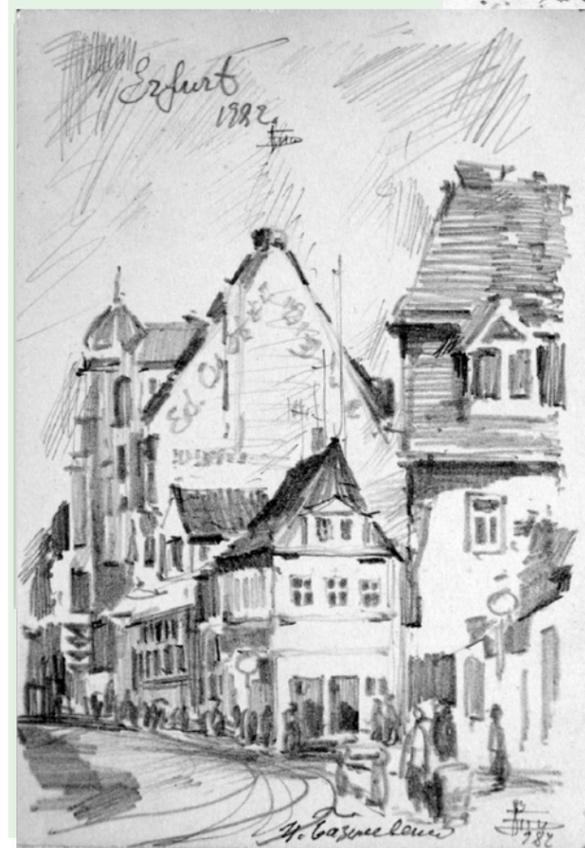

А. Пушкин и А. Керн
Худ. И. Базилевский

«Во всех своих работах стараюсь находить свое, индивидуальное, своеобразное видение мира, полное остроты в восприятии, а в техническом исполнении – делать их вполне достойными».

«А. Пушкин в Михайловском»
Худ. И. Базилевский

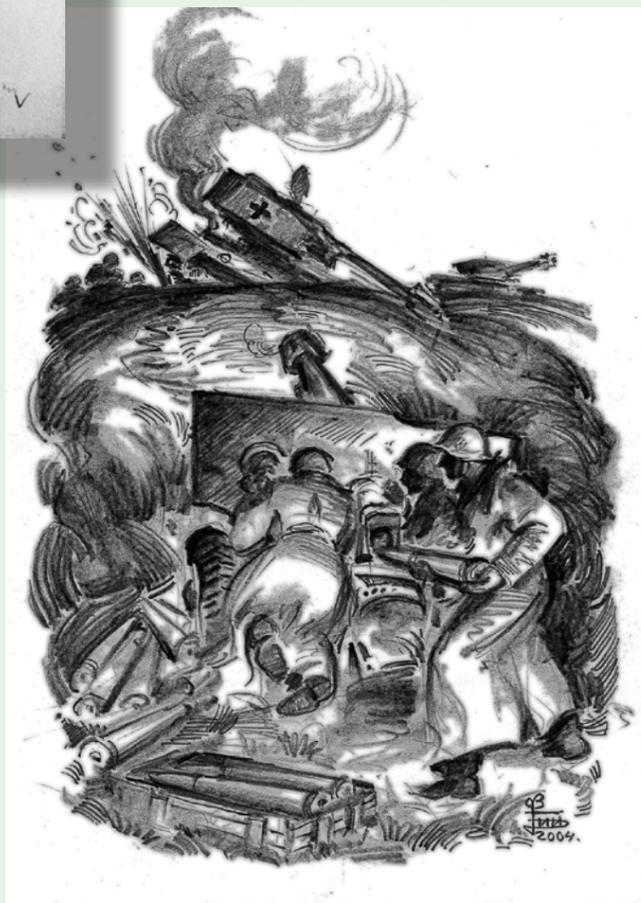

Уголок Эрфурта. Германия
Худ. И. Базилевский

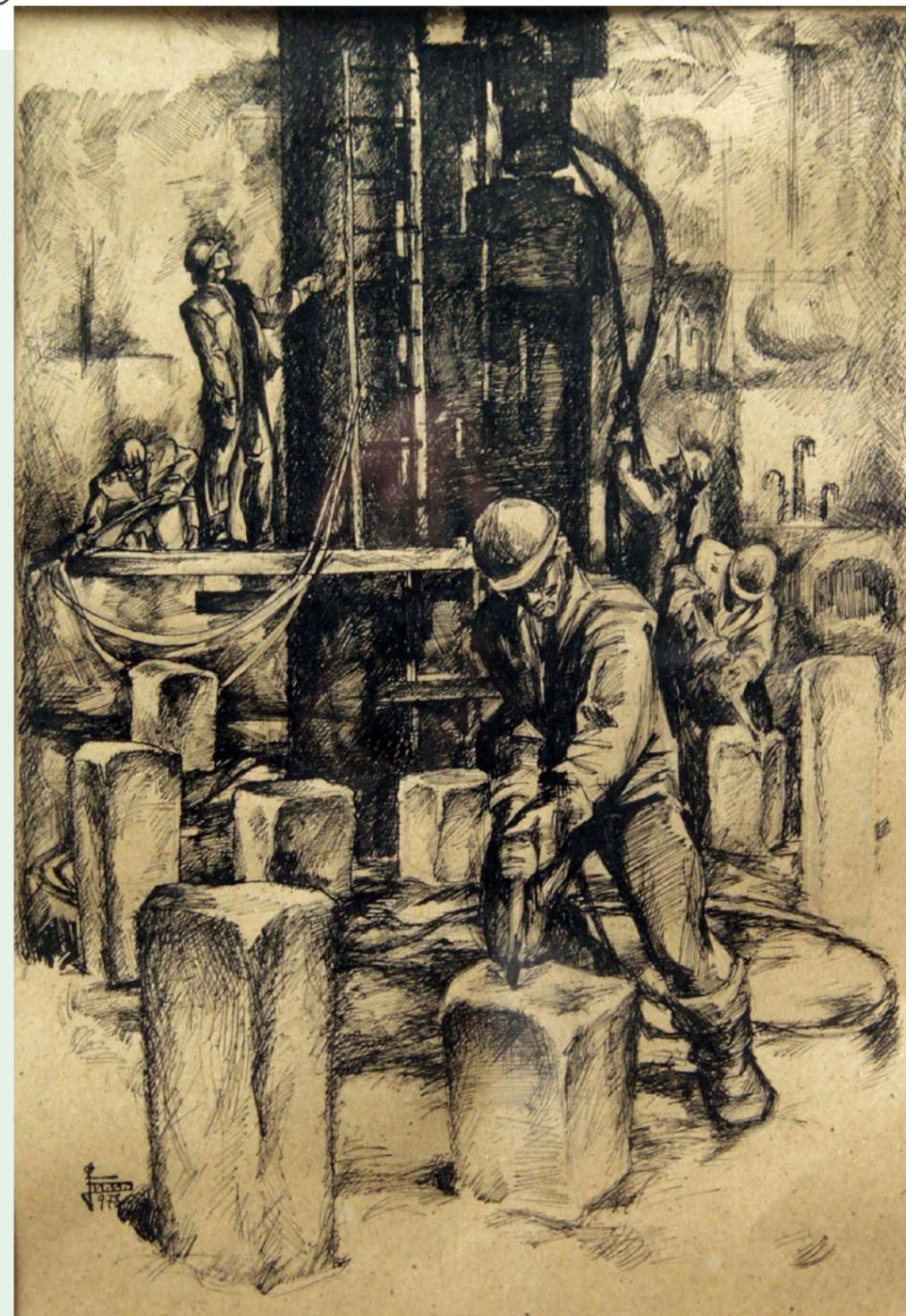

Композитор Д. Шостакович
Худ. И. Базилевский

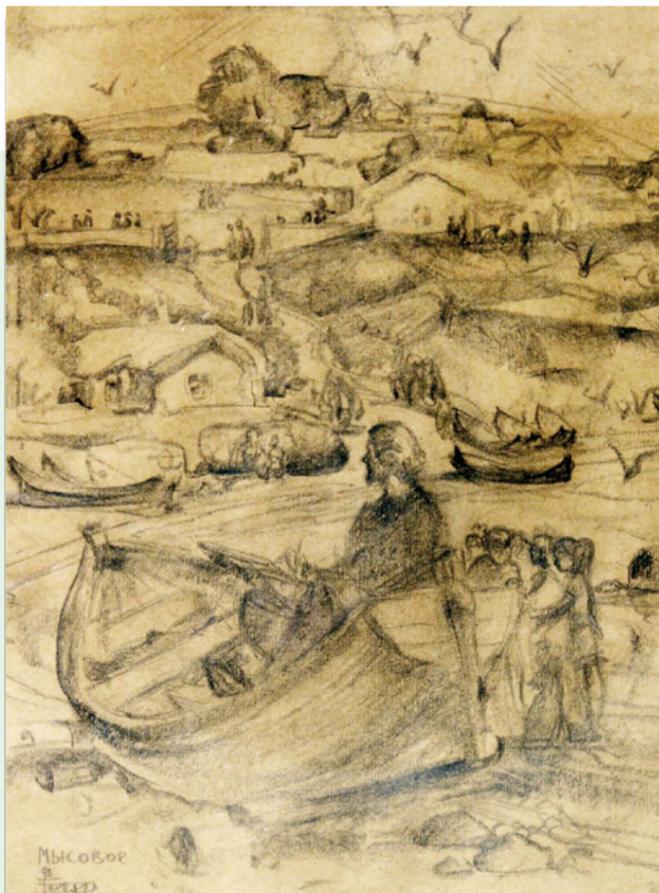
«В работе над портретом для меня, прежде всего, – это психологическая заостренность образа, полного интуитивного и активного общения со зрителем, где совершенно определенно воспринимается характер и душевное состояние портретируемого, его неповторимое своеобразие».

«Атака орбита»
Худ. И. Базилевский

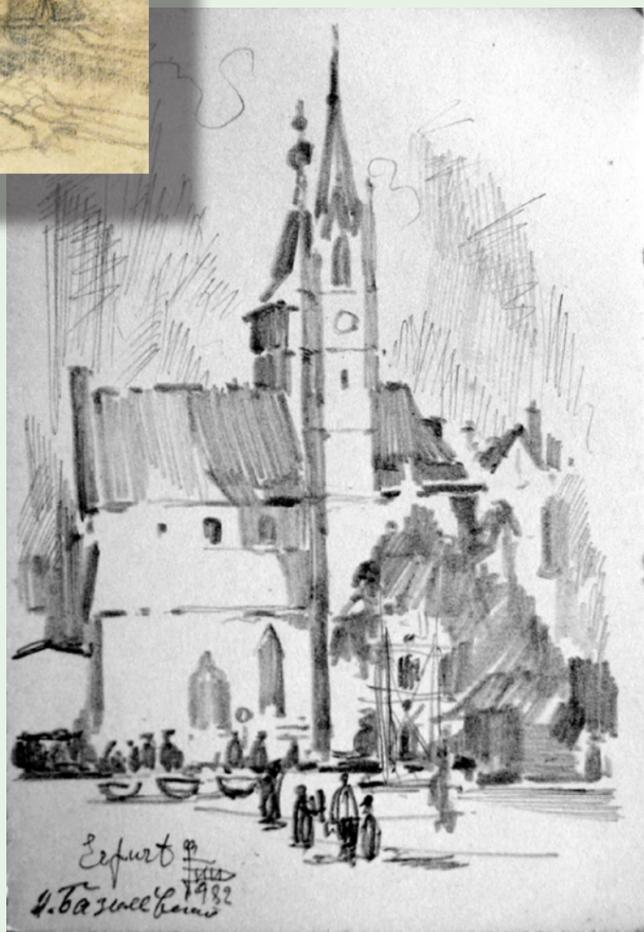

«Симфония труда»
Худ. И. Базилевский

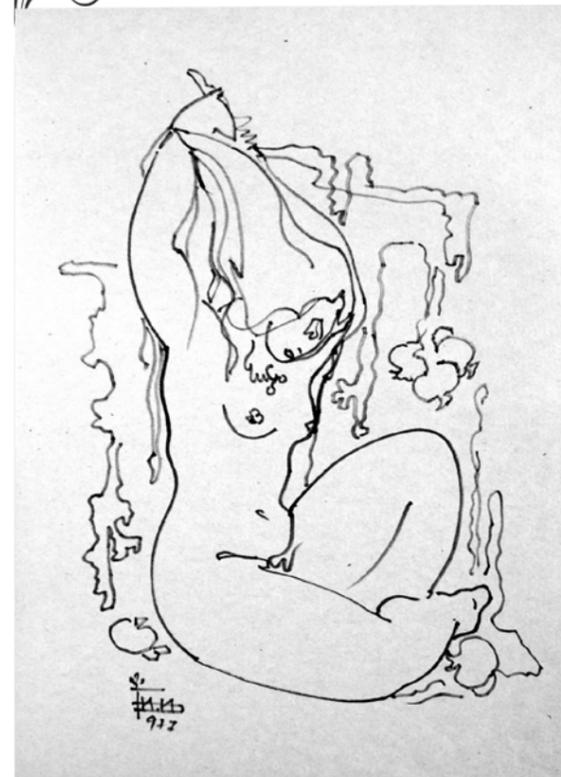

«На этюдах. Казантип»
Худ. И. Базилевский

«В рисунке, я думаю, форма и пластичность линии, если хотите – изысканность их, всегда должны соответствовать образу портретируемого».

Уголок Эрфурта. Германия
Худ. И. Базилевский

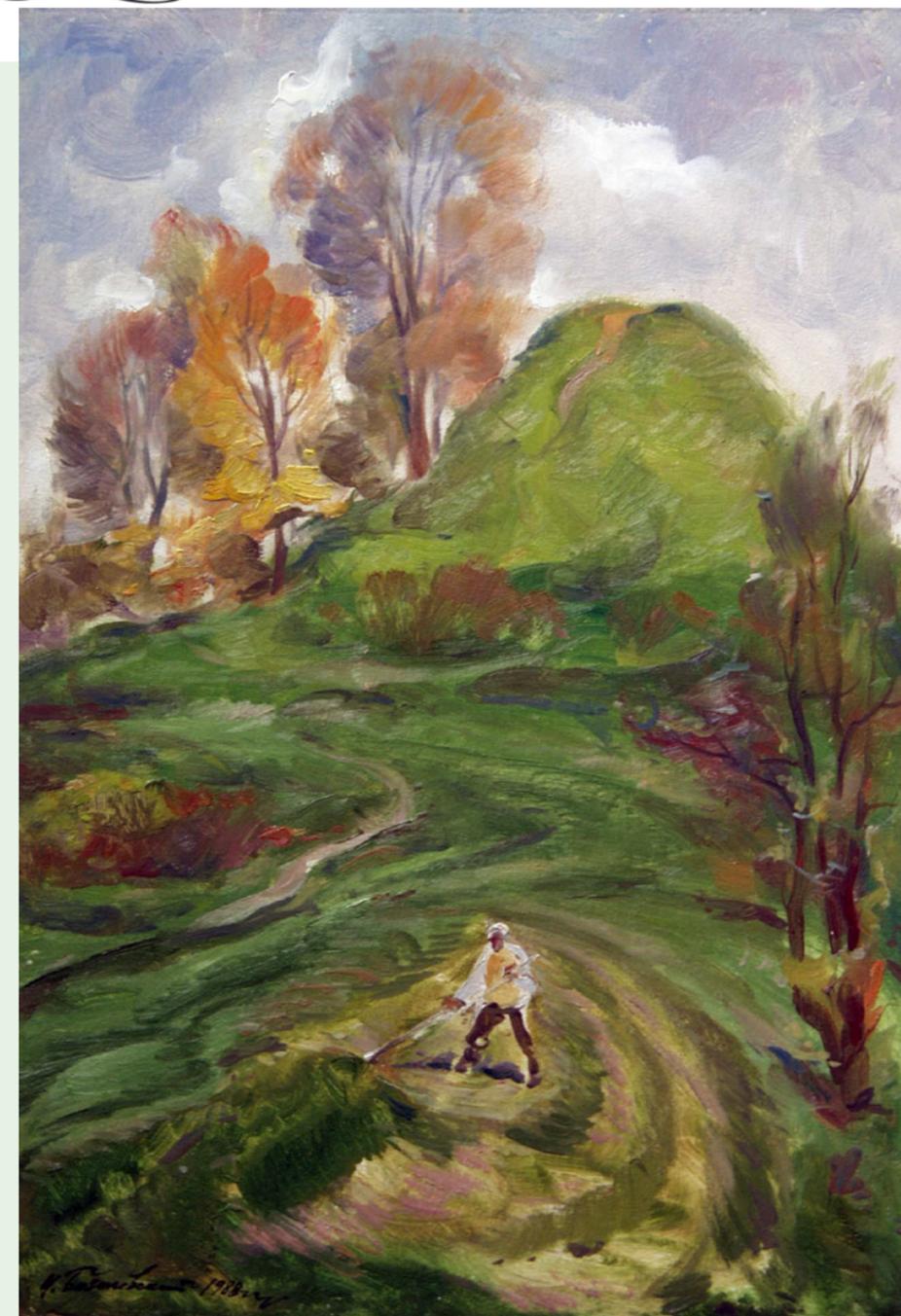
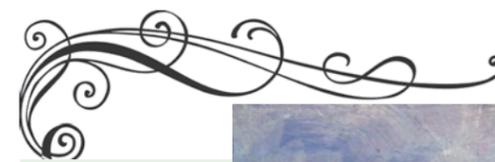
Утро
Худ. И. Базилевский

Ханский дворец. Бахчисарай
Худ. И. Базилевский

«Дионис»
Худ. И. Базилевский

«На холмах Святогорья»
Худ. И. Базилевский

«Художник в своей работе, как бы утверждает, что в самом обыденном, на первый взгляд, содержится частица красоты, и что познание ее – духовная и душевная радость, наслаждение».

МИХАИЛ БАКУЗОВ

Студент гр. АПП07-2. Родился 20 ноября 1988 года в Краматорске.

Фотографировать начал фотоаппаратом «Зенит». Учителем был его папа, который сам проявлял и печатал фотографии. Поскольку автоматика на «Зените» не работала, то юному фотографу приходилось выставлять экспозицию и выдержку вручную. Это способствовало более глубокому пониманию сути фотографирования. С 2007 года – цифровой ультразвум Panasonic FZ-7. На этом фотоаппарате было сделано много ярких красивых и необычных фотографий. Ведь пленку экономить не надо. Но тот старенький «Зенит» научил одной вещи – ценить каждый кадр.

Увлекается также видео. В настоящее время работает в газете «Академия» фотокорреспондентом.

Шмель

Фото М. Бакузова

Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 2.8
Выдержка: 1/60

Вечерний змей

Фото М. Бакузова

Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: : ISO 80
Диафрагма: 7.1
Выдержка: 20 с

Погружение

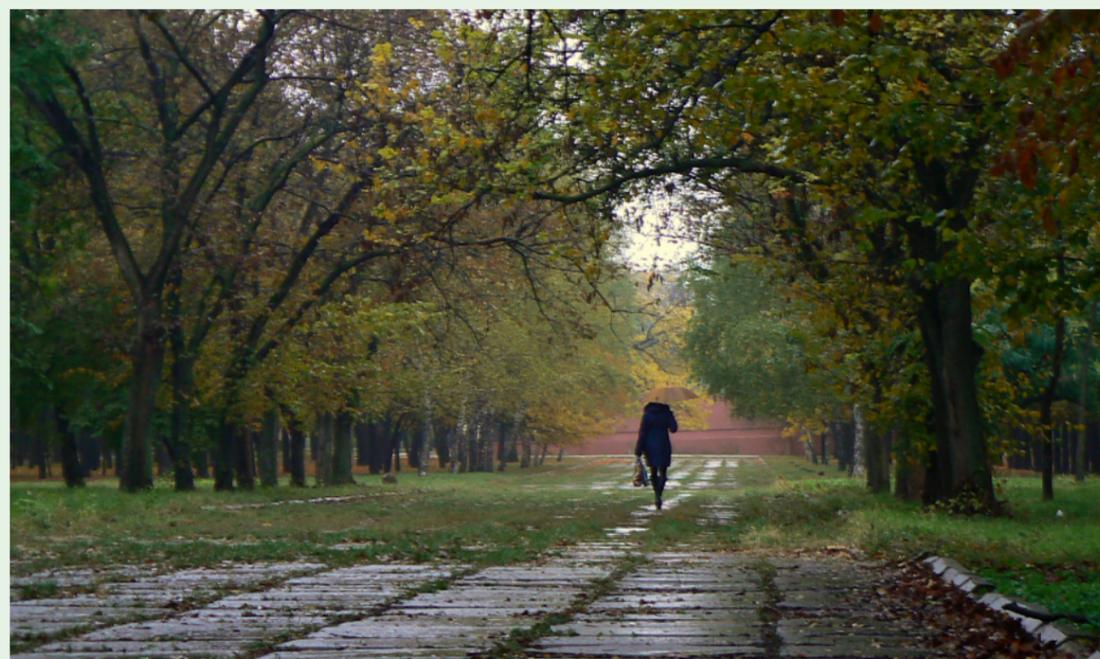
Фото М. Бакузова

Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 2.8
Выдержка: 1/60

Лягушка и уж
Фото М. Бакузова

Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 3.3
Выдержка: 1/15

На прогулке
Фото М. Бакузова

Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 6.3
Выдержка: 1/500

Огонек нашелся
Фото М. Бакузова

Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 2.8
Выдержка: 1/500

Гусеница
Фото М. Бакузова

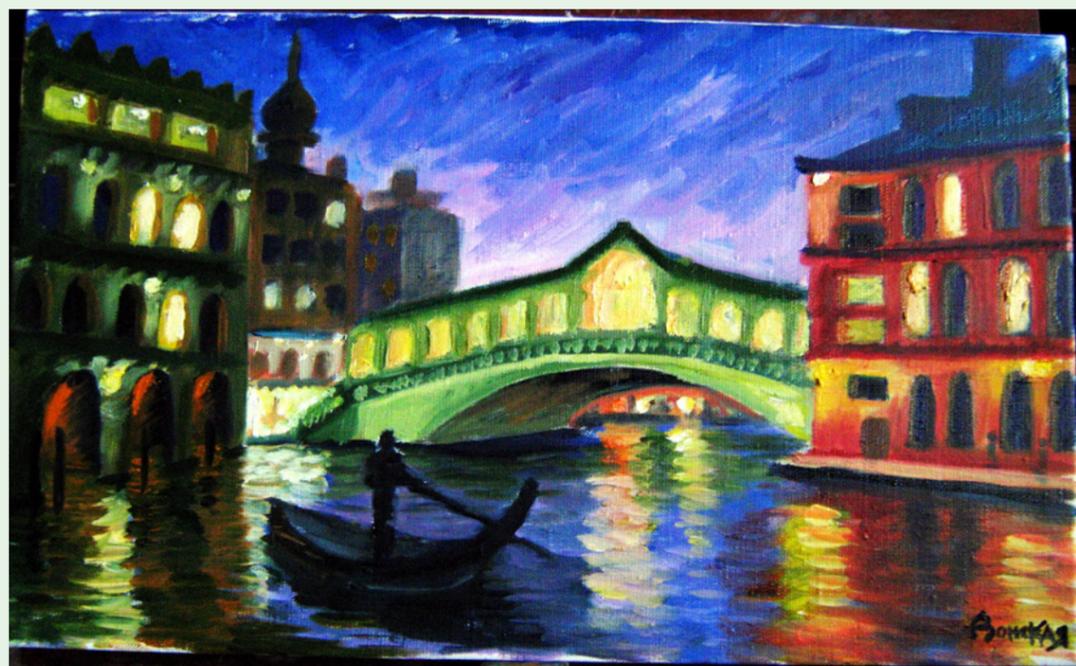
Фотокамера: Panasonic FZ-7
Чувствительность: ISO 80
Диафрагма: 2.8
Выдержка: 1/400

ТАТЬЯНА ДОНСКАЯ

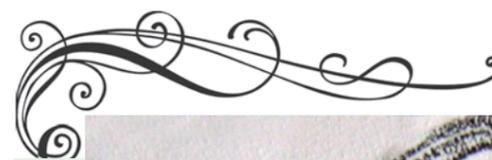
Студентка гр. МТО10-2. Родилась 20 декабря 1992 года в Краматорске. Заниматься рисованием начала с 9 лет. Закончила художественную студию. Всегда стремится попробовать свои силы в разных техниках и стилях. Больше всего нравится рисовать портреты.

Кроме живописи увлекается поэзией, прозой, а также фотографией.

Венеция

Худ. Т. Донская
Холст, масло

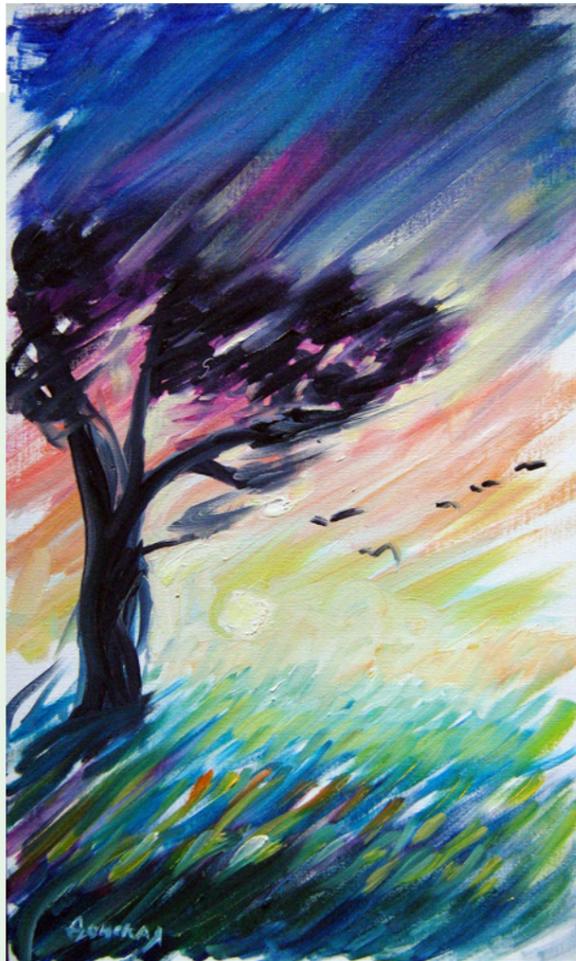
Освобождение

Худ. Т. Донская
Уголь, гуашь

Танцующие линии

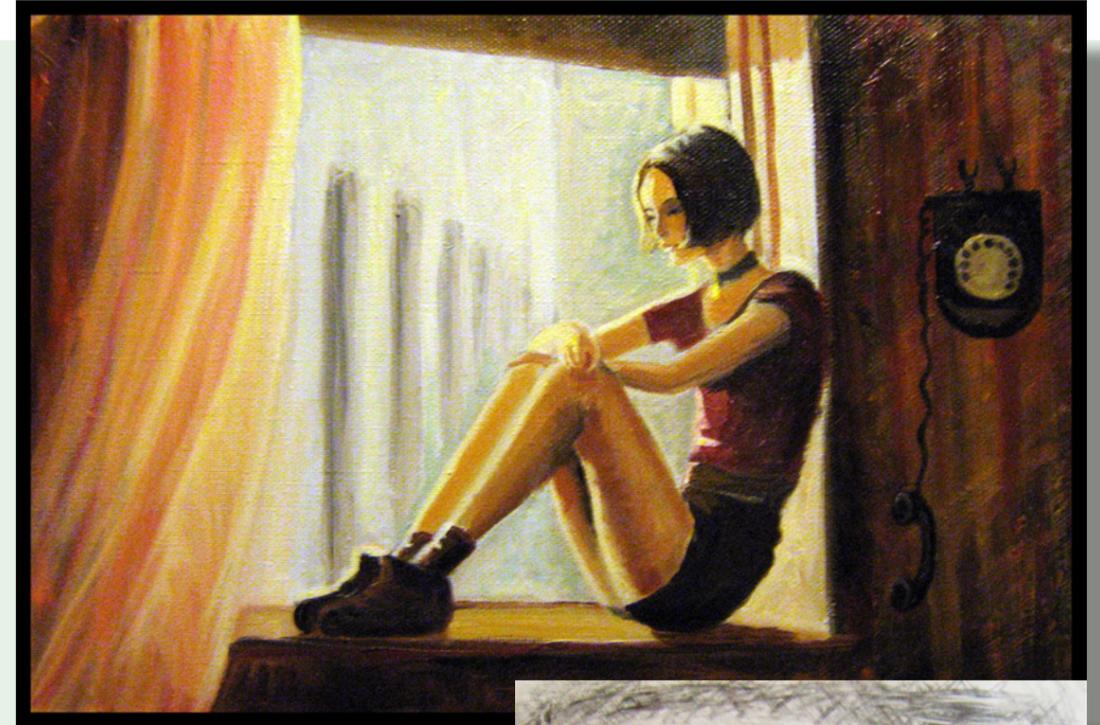
Худ. Т. Донская
Карандаш

Impression
Худ. Т. Донская
Холст, масло

Мечты о Париже
Худ. Т. Донская
Холст, масло

Матильда
Худ. Т. Донская
Холст, масло

Бродяга
Худ. Т. Донская
Карандаш

ВАЛЕНТИН ЛЕЩИМЕНКО

Учитель физики Славянской общеобразовательной школы № 9. За более чем четверть века работы в школе подготовил немало выпускников, продолживших свое обучение в ДГМА. Давнее увлечение фотографией, еще с армейских лет, превратилось в нечто большее, чем хобби. В образ мышления, если хотите. С последним своим фотоаппаратом, Canon 500D, практически не расстается, надеясь остановить мгновение и снять свой фото-шедевр.

Велосипедные трюки
Фото В. Лещименко

Фотокамера: Canon EOS 500D
Чувствительность: ISO 200
Диафрагма: 11,3
Выдержка: 1/395

Морские зарисовки
Фото В. Лещименко

Фотокамера: Canon EOS 500D
Чувствительность: ISO 200
Диафрагма: 5
Выдержка: 1/395

Вечерний город
Фото В. Лещименко

Фотокамера:
Canon EOS 500D
Чувствительность:
ISO 200
Диафрагма: 6,4
Выдержка: 2,593

АЛЕКСАНДР НАГОРНЫЙ

Студент ДГМА. Рисовать Александр начал с 12 лет. В школе принимал участие во многих художественных конкурсах. С поступлением в Академию активно начал развивать свою творческую деятельность.

В своих рисунках автор показывает то, что окружает его каждый день. Картины выполнены простыми и цветными карандашами, ручкой, углем. Ранние рисунки создавались на основе фотографий, но в последнее время Александр старается больше полагаться на память, по возможности, рисует с натуры. Выставки прошли в ДГМА и городском музее Краматорска.

Кроме того, Александр активно занимается спортом, читает русскую классику. Совмещать учебу с увлечением нелегко, но он с этим успешно справляется.

В будущем Александр планирует создать серию рисунков о жизни человека – «Утро, день, вечер».

Работы, представленные в альманахе, выполнены в разных техниках графики.

Худ. А. Нагорный

Худ. А. Нагорный

Худ. А. Нагорный

Худ. А. Нагорный

Худ. А. Нагорный

ГАЛИНА ОРЛОВА

Выпускница ДГМА, работала конструктором в ЗАО НКМЗ.

С 2003 года – член творческого объединения художников Донецкой области (ТОХНУ). Работает в области пейзажной и портретной живописи. «Мастер изобразительного искусства». Автор трех персональных выставок. Помимо ежегодных персональных выставок принимает участие во многих коллективных.

Гармония
Худ. Г. Орлова

Долина Каролез – сердце Крыма
Худ. Г. Орлова

«Здесь скалы чудо из чудес»
Худ. Г. Орлова

Лунная сифония сюита
Худ. Г. Орлова

Лотосы
Худ. Г. Орлова

Первое па
Худ. Г. Орлова

«Уж небо осенью дышало»
Худ. Г. Орлова

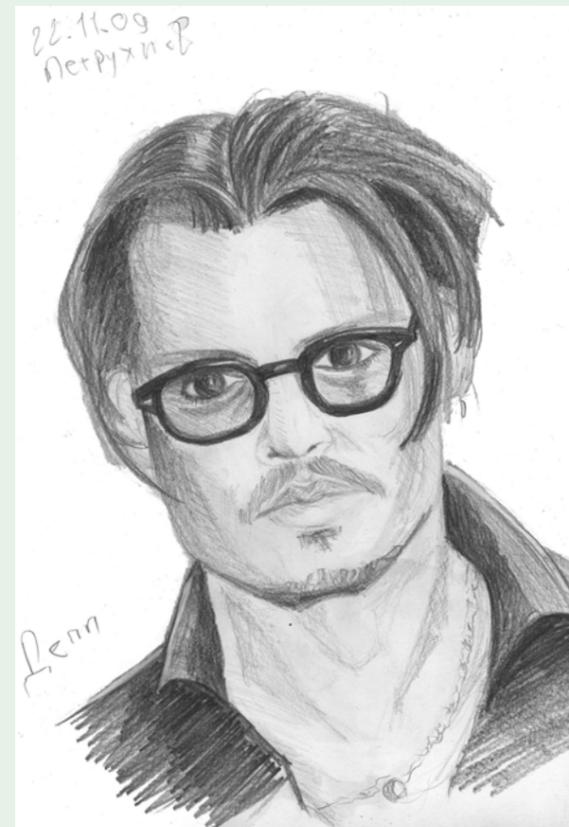
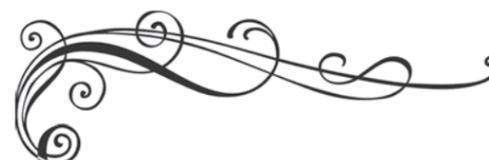
АРТЕМ ПЕТРУХНОВ

Студент специальности ИСПР ДГМА, воспитанник ОШ № 4 и студии «ИЗО-Дизайн» (ЦВР) города Краматорска. Рисованием и резьбой по дереву начал заниматься в 10 лет под руководством В.Н. Кошелева. Любит рисовать карандашом и углем.

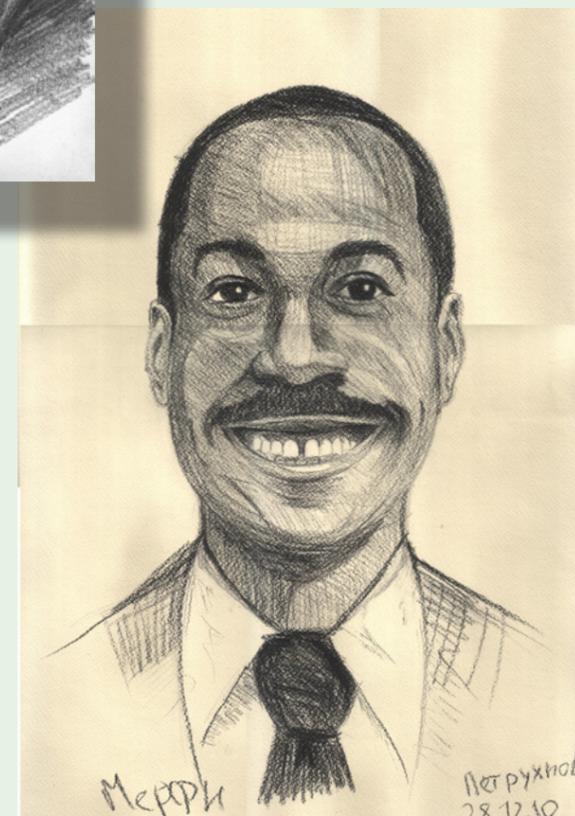
Читает современную эзотерику, в поэзии предпочитает символизм и футуризм.

Без названия
Худ. А. Петрухнов

Джони Депп
Худ. А. Петрухнов

Эдди Мерфи
Худ. А. Петрухнов

Уилл Смит в роли Хенкока
Худ. А. Петрухнов

Роберт Де Ниро
Худ. А. Петрухнов

Фарелл
Худ. А. Петрухнов

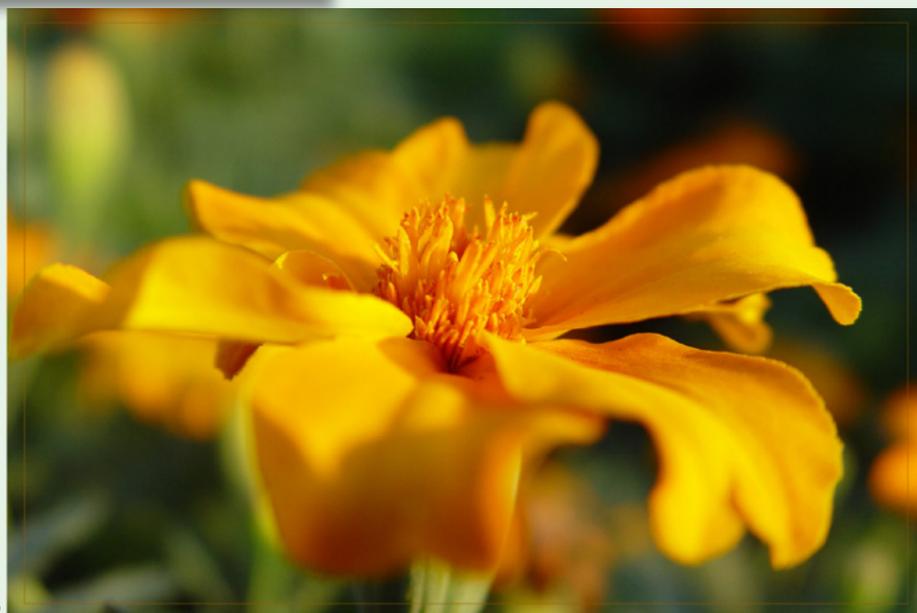
Морган Фримен
Худ. А. Петрухнов

ВИТАЛИЙ ШЕВЧЕНКО

Студент третьего курса ДГМА факультета автоматизации машиностроения. Увлечение фотографией началось еще в школе, когда для выпускников он оформлял фотоальбомы. Но больше всего его привлекает природа, разнообразие ярких красок и любовь к братьям нашим меньшим. Вскоре стал пробовать передавать человеческие чувства и эмоции в фотографии. В дальнейшем Виталий хочет развиваться в этом направлении, совершенствуя свое мастерство.

На данный момент является фотокорреспондентом газеты «Академия».

Теплый вечер
Фото В. Шевченко

Фотокамера: Sony DSC F717
Чувствительность: ISO 100
Дифрагма: 2.0
Выдержка: 1/320

Академия (г. Киев)

Фото В. Шевченко

Фотокамера: Sony F717
Чувствительность: ISO 100
Дифрагма: 8
Выдержка: 1/320
Коллаж из 6-и фотографий

Мечты

Фото В. Шевченко

Фотокамера: FUJIFILM FinePix A400
Чувствительность: ISO 100
Дифрагма: 5.5
Выдержка: 1/40

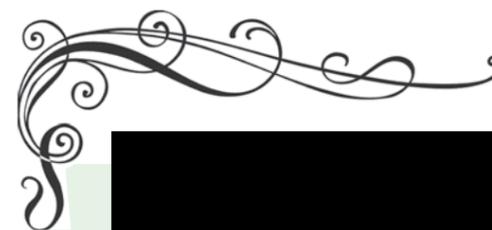
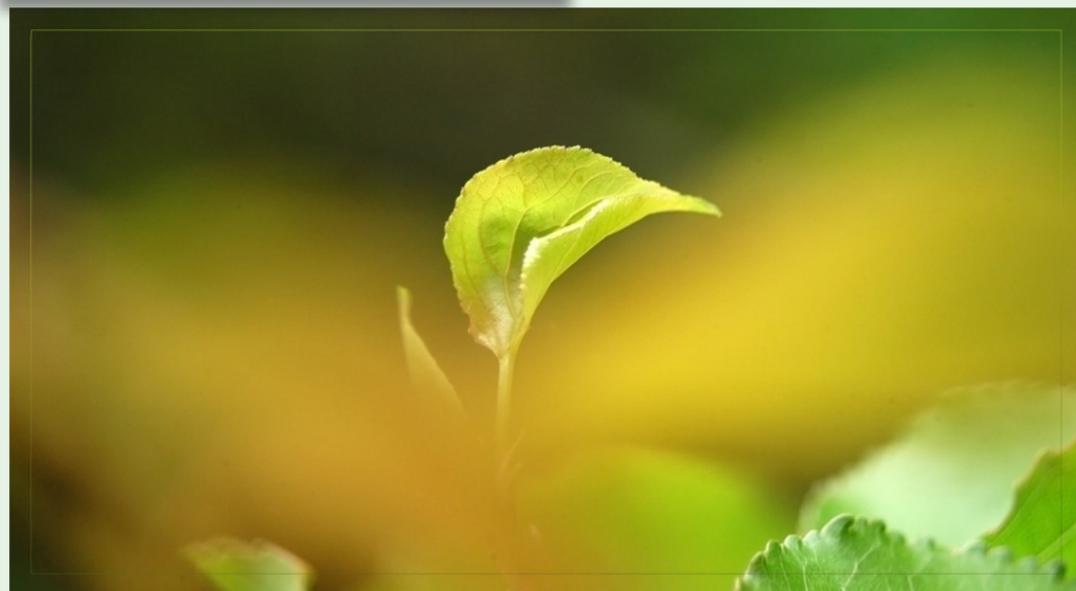

Портрет девушки
Фото В. Шевченко

Фотокамера: Sony DSC F717
Чувствительность: ISO 100
Диафрагма: 2.4
Выдержка: 1/400

Новая жизнь
Фото В. Шевченко

Фотокамера: NIKON D100
Чувствительность: ISO 200
Диафрагма: 4.5
Выдержка: 1/125

Небесное тело
Фото В. Шевченко

Фотокамера: Nikon D100
Чувствительность: ISO 200
Диафрагма: 10
Выдержка: 1/100
Объектив: МТО 1000

На прогулке
Фото В. Шевченко

Фотокамера: Sony DSC F717
Чувствительность: ISO 100
Диафрагма: 2.4
Выдержка: 1/200

ОЛЕГ ШИНКАРЕНКО

Родился в Краматорске в 1940 году, после окончания СШ № 12 сразу поступил в МВТУ им. Баумана, после распределения отработал в г. Воронеже в Экспериментальном институте кузнечно-прессового машиностроения. С 1967 года снова живет в Краматорске, сейчас работает в ДГМА – доцент кафедры МТО.

Фотографией занимается со школы, увлекается парусным туризмом и горными лыжами. В путешествиях его неизменный спутник – фотоаппарат, снимающий завораживающую красоту природы.

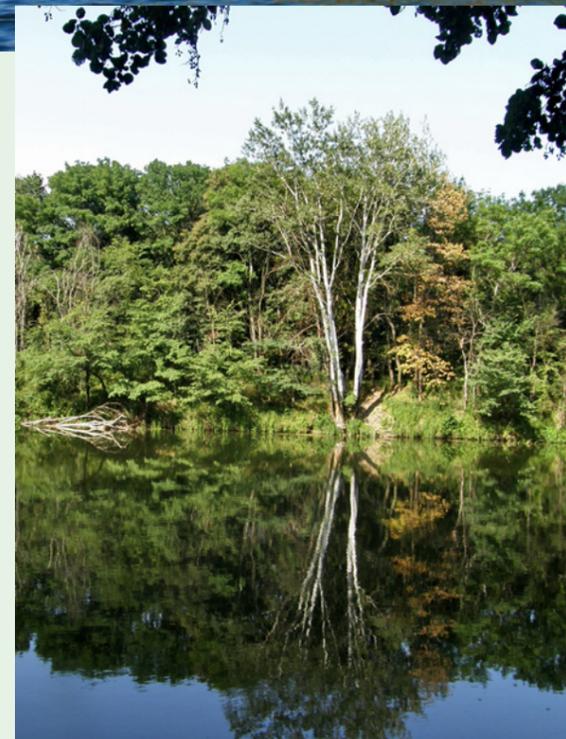
На просторах Оскола
Фото О. Шинкаренко

Фотокамера:
Olympus M850SW
Чувствительность:
ISO 64
Диафрагма: 5,6
Выдержка: 1/400

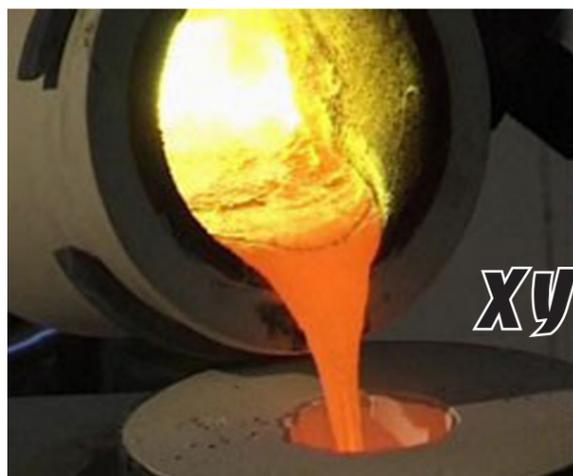
Золотая осень (Оскол)
Фото О. Шинкаренко

Фотокамера: Olympus M850SW
Чувствительность: ISO 64
Диафрагма: 4
Выдержка: 1/400

**Многоствольная осина.
Северский Донец**
Фото О. Шинкаренко

Фотокамера: Olympus SP550 UZ
Чувствительность: ISO 50
Диафрагма: 5,6
Выдержка: 1/60

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЛИТЬЕ

Художественная обработка металлов известна со времен глубокой древности. Человек, встретив на своем пути золото, был очарован его красотой, поражен способностью в любых условиях сохранять солнечный цвет и блеск, легко поддаваться обработке; используя эти качества металла в сочетании с гармонией линий и форм, человек создал один из неподражаемых видов народного художественного творчества.

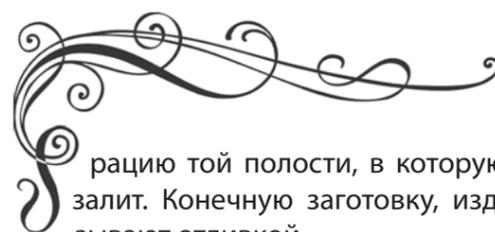
Художественная обработка металлов – искусство. Благодаря красоте материала талант и техническое мастерство исполнителя позволили придать изделиям изысканность, высокую художественную ценность, особую выразительность.

Вначале для художественной обработки человек использовал только золото, затем постепенно стал применять серебро и другие металлы (медь, алюминий, цинк) и сплавы (бронзу, латунь, цинковые, титановые и др.). Художественные изделия, созданные мастерами, не только призваны служить в качестве украшений и предметов быта, они способны нести в себе воспитательное начало: удовлетворять эстетические потребности человека, формировать его художественный вкус, культуру, пробуждать интерес к творчеству.

Художественная обработка металла включает: ковку, фигурное литье, чеканку, гравировку, высечение ажурных узоров и

другие приемы. На сегодняшний день среди перечисленных способов художественной обработки металла наиболее распространены являются литье и ковка.

Литье – процесс, при котором жидкий материал (расплав, раствор) заливается в заранее подготовленную форму, внутренняя полость которой с максимальной степенью приближения воспроизводит конфигурацию и размеры будущего изделия. При охлаждении залитый материал затвердевает и в твердом состоянии сохраняет конфигу-

рацию той полости, в которую он был залит. Конечную заготовку, изделие называют отливкой.

Популярность литых изделий во внутренней и внешней отделке помещений, ландшафтном и архитектурном дизайне в последнее время необычайна. И дело не только в том, что это модно и престижно. Стиль, красота, оригинальность – вот наиболее емкая и точная характеристика для литья. Каждое литое изделие – маленькое произведение большого и сложного искусства.

Более пяти тысяч лет люди получают уникальные изделия методом художественного литья. Первобытные котлы и примитивные украшения, современные

аксессуары, предметы мебели – благодаря художественному литью пришли в нашу жизнь изысканные фантазийные шедевры, дарящие окружающим особую атмосферу.

Художественное литье являет собой отливку декоративных

произведений из металлов (золота, серебра, меди, алюминия, олова, цинка), сплавов (бронзы, латуни, чугуна, реже стали), неметаллических материалов (гипса, базальта, стекла, керамики, парафина) и др. Возможности художественного литья безграничны, такой способ декоративно-прикладного искусства способен воплотить самые смелые фантазии.

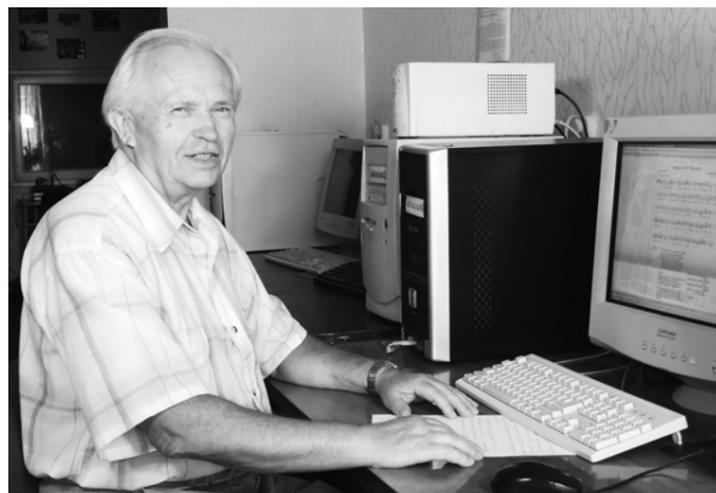
Такое направление ведется мастерами, преподавателями на кафедре «Технологии и оборудование литейного производства» (ТОЛП) Донбасской государственной машиностроительной академии (ДГМА).

Представлены некоторые художественные изделия, выполненные преподавателями, учебными мастерами и студентами кафедры ТОЛП.

*Максим Фесенко,
Анатолий Кибирев*

ВИКТОР ДУБИНИН

Родился 13 сентября 1939 года. Учился в СШ № 16 им. Т.Г. Шевченко (1947 – 1957), ГорпТУ № 7 (1957 – 1959), во Всесоюзном Доме народного творчества им. Н. К. Крупской по классу баяна (1956 – 1957), на философском факультете и в аспирантуре МГУ им. М.В. Ломоносова (1964 – 1969, 1972 – 1975). Доктор философских наук.

Работал токарем-расточником на НКМЗ в ремонтно-механическом цехе № 4, служил в ВВС СССР в должности механика по вооружению самолетов. С 1969 года – преподаватель философии и философских дисциплин в ДГМА. Имеет более 150 публикаций. В 2009 г. вышла в свет книга «Музичні твори на поезії А. О. Тарана».

«Представляем несколько песен на стихи краматорских поэтов разных поколений. Как музыкант, я стремился в каждой песне раскрыть душу поэта, вложив в нее частичку и своей души. Будет здорово, если найдется музыкант-аранжировщик, который своим творчеством усилит смысл написанного. А если еще появится певец, который одухотворенно исполнит эти произведения, тогда они обретут крылья и улетят в мир музыки!»

Розы

Слова Н. Рыбалко

Музыка В. Дубинина

В темпе марша ♩ = 120

1 2 3 4 5 6 7
ве- сна по бе- да всто- ро- не гре- мя свер-ка-ют гро- зы ле- жат на

8 9 10 11 12 13
тан- ко- вой бро- не пы- ла- ю- щие ро- зы и де- вуш- ки не пря- ча

14 15 16 17 18
взгляд стан-ки-стем рус-ским шу- тят цве- тызвды-ма-ет май-ский сад как ты- ся- чу са- лю- тов и

19 20 21
ты- ся- чу са- лю- тов

Припев:
Весна...

Победа...

В стороне,
Гремя, сверкают грозы.
Лежат на танковой броне
Пылающие розы.

И девушки, не пряча взгляд,
С танкистом русским шутят.
Цветы вздымает майский сад,
Как тысячу салютов.

Припев.

А парень жадно воду пьет,
Смущенье прочь отбросив.

А парень щедро воду льет
На трепетные розы.

Припев.

И столько солнца, доброты
В весенней этой Праге...
Лежат, казалось, не цветы –
Пылают ярко флаги.

Припев.

И не увянуть им вовек –
Тем розам в майской сини,
Коль поседевший человек
Их видит и поныне.

Разговор с жизнью

Слова Н. Рыбалко

Музыка В. Дубинина

Moderate ♩ = 120

ты жизнь-мо-я вбе-гах вбе-гу и я твой са-мый близ-кий ни-как сто-бо-ю
не мо-гу по-го-во-рять о жи-зни о жи-зни

The musical score is in 4/4 time, marked 'Moderate' with a tempo of 120. It consists of two staves. The first staff contains the first six measures of the melody, and the second staff contains the remaining six measures. The lyrics are written below the notes.

Ты, жизнь моя, в бегах, в бегу,
И я – твой самый ближний –
Никак с тобою не могу
Поговорить о жизни.
Присядем, что ли, у огня,
Передохнем немного,
Ты, жизнь, не сетуй на меня,
Не будь со мною строгой.
Ты это видела сама,
Как шел через войну я,
Как полдень обступила тьма
Со всех сторон вплотную.
Крестами меченый вагон
Несет нас в тыл со свистом,
Расстроенный аккордеон
Все ищет «трех танкистов».
Врачей сердечное тепло,
Четвертая палата,
А солнце кануло, ушло,
А солнцу нет возврата.
Потом бессонье до зори
На койке госпитальной,
И взял я жизнь в поводыри
В свой путь – крутой и дальний.
А ну-ка, тьма, посторонись,
Застывший мрак – с дороги,
Зарубцевавшаяся жизнь
Шагает с жизнью в ногу.

Останется мечтой

Слова А. Кибирева

Музыка В. Дубинина

Marciale ♩ = 120

не мы наш мо-ло-дой со-юз при-ду-ма-ли но жизнь-свя-за-ла нас се-го судь-бой и
ком-со-мо-ле се-год-няш-нем раз-ду-ми-и ос-та-нет-ся вис-то-ри-и меч-той и
меч-той

The musical score is in 4/4 time, marked 'Marciale' with a tempo of 120. It consists of four staves. The first staff contains the first five measures, the second staff contains the next five measures, the third staff contains the next five measures, and the fourth staff contains the final two measures. The lyrics are written below the notes.

Не мы наш молодой союз придумали,
Но жизнь связала нас с его судьбой,
И комсомол в сегодняшнем раздумии
Останется в истории мечтой!

Пусть не смогли мы сделать сказку былью
И сохранить наш всенародный строй,
Но прошлое не станет просто пылью –
Останется в истории мечтой!

Останутся построенные нами
Заводы, шахты, школы, Днепрострой,
И, значит, жили мы отнюдь не снами –
Почти осуществленную мечтой!

Вперед, мой «Шахтер»!

Слова А. Серикова

Музыка В. Дубинина

Marciale ♩ = 120

1 2 3 4 5 6 7
вие- ред мойШах- тер вие- ред мойШах- тер спа- си- бо те-бе за фут- бол Гдеб

8 9 10 11 12
ни бы-ли мы При на- де- ни- ях вале-тах Нас Нас тя- петфут-бо- лужи- вой раз- го- вор Нам всем по- мо- га- ет дер-

13 14 15 16 17
зять и ра- бо- тать ко- ко- ман- да лю- би- ма- я на- ша Шах- тер тер Вие- ред мой Шах-

18 19 20 21 22 23
тер клубы- со- ко- го клас- са Спа- си- бо те-бе за хо- ро- шийфут- бол Ты со- весть и

24 25 26 27 28 29
честьтру-до- во- го Дон- бас- са Ты судь-бы все на- ши в еди-ну- ю свел

*Вперед, мой «Шахтер»,
Вперед, мой «Шахтер»!
Спасибо тебе за футбол!*

Где б ни были мы при падениях, взлетах
Нас тянет к футболу – живой разговор.
Нам всем помогает дерзать и работать
Команда любимая наша – «Шахтер».

*Припев:
Вперед, мой «Шахтер», – клуб высокого класса!
Спасибо тебе за хороший футбол.
Ты совесть и честь трудового Донбасса,
Ты судьбы все наши – в единую свел!*

Солидно играют в команде ребята,
Технично атаки по флангам ведут...
Удар за ударом! И вот уже взяты
Ворота соперника в пару минут!

Припев.

Порою не просто давалась победа,
Но верили мы в торжествующий май.
Все удаль и мощь твою «Вердер» изведаль,
Запомнил, что значит наш солнечный край!

Припев.

Пусть будут победы, пусть будут удачи,
С цветами болельщики чаще встречать.
Ты смелые ставишь в футболе задачи,
Всем фанатам Европы сегодня под стать!

Припев.

Судьба

Слова И. Шередко

Музыка В. Дубинина

Allegro non troppo ♩ = 120

ко- мусудь-ба кар- ман-ныйшто-пор бы- ва-ет бе- зу- преч- ный финт ко- му вде-лах не-
щадный сто- пор мне ис-ключень-е ла- би- ринт сте- на- ми ско- ван в са-момцен- тре но зна- ю твер-
до вы- ход есть дав- но из- вест- на по ле- ген- де и- гра поо- хо- жая на месть но светилас- ко-
во и ров- но мне пу- те-вод- на- я зве- зда

Припев:

Кому судьба – карманный штопор,
Бывает безупречен финт,
Кому в делах – нещадный стопор,
Мне исключенье – лабиринт.

...Стенами скован в самом центре,
Но знаю твердо – выход есть!
Давно известна по легенде
Игра, похожая на месть!..

Припев.

Ступени скользки и прохладны,
Покрыты росписями лжи,
Не видно нити Ариадны,
Гримасы корчат миражи.

Припев.

Зловеще шепчут: «Безусловно,
Ты замурован навсегда...»
Но светит ласково и ровно
Мне путеводная звезда.

Вечность

Слова Л. Филатовой

Музыка В. Дубинина

Andante ♩ = 120

Слы- шу вда- ли гро- ма рас- ка- ты в гла- ди реки за- ка- ча- лась лу-
на и не по- нять от за- ри до за- ка- та где вы- со- та
а где глу- би- на где глу- би- на

Слышу вдали грома раскаты,
В глади реки закачалась луна.
И не понять от зари до заката
Где высота, а где глубина.

В том измеренье – застывшая Вечность,
Тишь, благодать, и луна, и река.
Жизнь – это миг и – Бесконечность
Вот бы продлить на Годе и Века!

Осеннее

Слова Л. Филатовой

Музыка В. Дубинина

Andante ♩ = 120

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23.

Рас-сы-па-ясь ви-ро-стран-стве Рас-пы-ля-ясь лу-ча-ми
 Ти-хо ли-стья кру-жат-ся Над ле-са-ми по-ля-ми Ти-хо
 Над ле-са-ми по-ля-ми

Рассыпаясь в пространстве,
Распыляясь лучами,
Тихо листья кружатся
над лесами, полями.

Ветер в поле хлопочет
И щекочет рябины.
Наслаждаясь, природа
Погружается в зиму.

Хороводы из листьев,
Расписные метели.
Где зеленые рощи,
Соловьиные трели!

Последний лист

Слова А. Остафийчук

Музыка В. Дубинина

Moderate ♩ = 120

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36.

кос-нув-шись слег-ка от-ра-же-ни-я впе-бе пос-лед-ний и ти-хий
 спу-ска-ет-ся лист и ше-потом воз-ду-ха кра-еш-ком не-ги за-дум-чи-
 во смо-трят вда-ле-ку-ю высь и нет ни пе-ча-ли ни зла ни о-би-ды
 он прос-то у-хо-дит зем-но-е кзем-ле и не-бо на-встре-чу рас-све-там
 от-кры-то пос-лед-ня-я о-сень внос-лед-нем лис-те

Коснувшись слегка отражения в небе,
Последний и тихий спускается лист.
И шепотом воздуха, краешком неги,
Задумчиво смотрит в далекую высь.

Припев:
И нет ни печали, ни зла, ни обиды –
Он просто уходит – земное к земле.
И небо навстречу рассветом открыто.
Последняя осень – в последнем листе.

Светло и бесшумно касается сердца
И так же, как мы – задевая других,
Летит. И на небо ей не насмотреться,
Расходятся в воздухе крылья-круги.

Припев.

Коснувшись слегка отражения – в душах,
Не встреченных лиц отпустив маяту,
Мы листьями ляжем в светящихся лужах,
Успев только воздух поймать на лету.

Припев.

РЕЗОНАНС

После выхода в свет первого номера «Альманаха муз» редакционная коллегия получила массу отзывов. Предложения и пожелания от авторов и читателей Альманаха были внимательно проанализированы, а самые конструктивные из них – учтены в работе. Предлагаем вниманию читателей отзывы.

Ме, чим схвилювана душа

Поетичні роздуми і тривоги викладачів

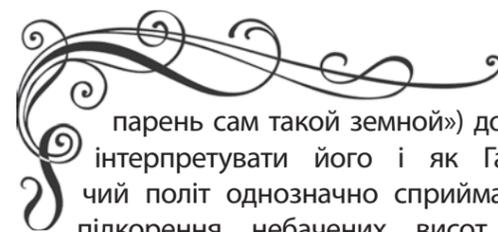
Донбаської державної машинобудівної академії)

Великі ріки починаються з маленьких ручаїв. Саме це твердження спадає на думку, коли тримаєш у руках перший номер «Альманаху Муз» (2008 рік), виданого у Донбаській державній машинобудівній академії (ДДМА) м. Краматорська Донецької області. Безумовно, надруковані у ньому твори ніколи не увійдуть до антологій та хрестоматій, ніколи не потраплять на сторінки критичних оглядів стану розвитку літературного процесу, однак їх не можна ігнорувати, оскільки висловлені в них думки, настрої, почування складають той духовний фундамент часу, на який неодмінно спирається красне письменство. Тож ця художня скалка також потребує оціночних коментарів, бо в тій чи іншій мірі несе в собі відбиток умонастроїв, що хвилювали наше суспільство в непрості часи зміни світовідчуття від однозначно запрограмованого до особистісно розкутого.

Вже сам «Альманах Муз» можна розцінювати як неординарне явище, бо небагато в Україні є технічних вищих навчальних закладів, які б могли похвалитися подібним виданням. Наш дослідницький інтерес ґрунтується на дещо інших моментах. Річ у тім, що певні аспекти творчості окремих

краматорських поетів уже ставали об'єктом літературознавчих розвідок, однак колективне представлення (альманах) дозволяє підмітити невиявлені раніше нюанси, вловити приховані асоціації, чіткіше побачити окремі художні прорахунки і відзначити спільні тенденції. Отже, предметом наших подальших спостережень стануть окремі поетичні та прозові твори авторів, які певний час були або і на сьогодні є викладачами ДДМА.

Історико-літературознавчий аспект завжди потребує точного визначення часу написання окремого твору. Зважаючи на це, варто докинути упорядникам альманаху за відсутність хронологічної конкретики щодо моменту появи тієї чи іншої поезії. Однак тут маємо і свої плюси, бо про твір, який явно писався у шістдесяті роки минулого століття (а це все-таки епоха шістдесятників!), можна говорити з урахуванням сучасних проблем і суспільних прорахунків. Отже, звернемося до поезії Л. Линьової («Хозяин неба») та новели К. Міщенка («Ветка белой сирени»). Певна образна розмитість першого твору («Зеленоватая рубашка, // И на погонах звездный строй, // Осколок неба на фуражке, // Но

парень сам такой земной») дозволяє інтерпретувати його і як Гагаріна, чий політ однозначно сприймався як підкорення небачених висот («земной хозяин неба»), і будь-якого льотчика-винищувача, що освоював тогочасні нові швидкості та рубежі. Та в будь-якому разі це вияв величі мікрокосму порівняно з безмежжям макрокосму, це шістдесятницький гімн в е л и ч і людини, яка залишила свій слід у світобудові. А саме цим герой повинен привернути нашу увагу, бо сучасна маскультура переважно продукує або глянцево привабливих улюбленців долі, або зламаних життям покидьків, які давно розгубили сенс власного існування. Потреба розірвати це зачароване коло на сьогодні проявляється досить явно, однак потрібні значні морально-психологічні струси, позитивні приклади, щоб очевидне стало нормою.

До непростих роздумів спонукає й новела К. Міщенка. Саме завдяки характерній новелістичній кільцевій композиції («Перед нами стоял старик. Он с надежной смотрел на отца» (тут і далі виділено нами. – О.Б, В.С.), а его большие сморщенные руки сжимали веточку белой сирени [...] Солдат, – услышал я слабый голос за спиной. – Послухай, солдат. Ты там такую фамилию не чув?..) необхідність пам'ятати загиблих на Великій Вітчизняній війні, трагедія тих, хто не дочекався рідних, не просто увиразнюється, але набуває свого логічного продовження: син повинен прийняти естафету від батька. Важливість цього духовного ланцюжка неодноразово подана в художній літературі. Про необхідність збереження подібних зв'язків постійно говорять і на різноманітних офіційних рівнях: укази Президента, постанови Кабінету міністрів тощо. Однак реалії засвідчують інше – у силу різноманітних обставин молодь усе менше знає і проявляє інтерес до «радянської історії». Ми не схильні ідеалізувати даний період, проголошувати на його честь

дифірамби, але ж не можна погодитися і з тим, що сучасні підлітки нічого не знають про «Прапороносці» О. Гончара, «Молоду гвардію» О. Фадєєва, «Непідкорені» Б. Горбатова, «Донецькі месники» В. Белявця. Позбавляючись однієї історичної прірви, не можна потрапляти в іншу.

Було б несправедливо щодо авторів, представлених в альманасі, оминати тему, яку умовно можна назвати «Роздуми над сутністю творчості». Намагатися пригадати тих, хто звертався до означеної проблеми, просто нереально, тому спробуємо віднайти щось індивідуальне у виділеній проблемі. Саме особистого, як нам видається, і не вистачило Л. Линьовій, яка у вірші «Поиски» проголошує, що заради одного рядка у неї у блокноті «бегут строчки». Маємо якщо не явний, то асоціативний повтор з В. Маяковського, який запевняв, що заради одного влучного слова готовий перевернути тони словесної руди. Можливо, ми б і не були такими прискіпливими, якби авторка в рядках «Бегут, бегут в блокнотах строки, // Чтоб строчку нужную найти» змінила «строчку» на «слово». Зникла б не лише нічим не виправдана тавтологія, але б зросло відчуття духовної напруги, яку переживає творець заради пошуку єдино необхідного слова.

На цьому фоні дещо по-іншому сприймаються сентенції, проголошені Т. Лук'яною. Не можна визнати цілковитої оригінальності й неповторності авторки, коли у вірші «Сегодня солнце пьяно целовало...» вона стверджує, що її вірші народжуються завдяки приходу весни. Однак у вірші «Альпийские цветы» поетесі вдається створити цілком свіжий образ, який емоційно точно передає всю складність пошуку єдиного і художньо доречного вислову для найпереконливішого виразу письменницької душевної тривоги:

*Я на нетореной дороге
До той заветной высоты,
Где ждут ненайденные строки –
Мои альпийские цветы.*

Та все ж таки найчисельнішу групу становлять поезії, в яких у тій чи іншій мірі порушуються питання буття, сенсу людського існування тощо. При цьому в кожного з авторів є свій варіант відповіді стосовно найскладніших питань існування. Зважаючи на це, зосередимося на ряді поезій, в яких, на наш погляд, простежуються якщо не відповіді, то цікаві аспекти бачення означеної проблеми.

Останніми роками в Україні набуває поширення концепція РУН-Віри, зазнаючи при цьому часто протилежних оцінок. Напевно, проголошені Л. Силенком постулати не бездоганні, не завжди витримують об'єктивну критику з позицій філософії, історії, культурології, релігієзнавства, однак важко не погодитися із твердженнями, що «РУНВІРА дає Українцеві не тільки волю мислення, а й культуру мислення, не тільки дає Українцеві національну свідомість, а й культуру – величну шляхетність національної свідомості, не тільки творить Українця вольовим, а й дає йому культуру вольовитости врівноваженої, натхненної, спритної, передбачливої», що «РУНВІРА очищає Душу Українську від рабських звичок, манер, прикмет, очищає Українську Душу від почуттів меншої вартості, гнучкошійства, угодовства», важко не відчуті їхньої актуальності. А це намагання віднайти власні українські витоки не в офіційно дозволених рамках XIV-XV ст., а сягнути глибин, замулених не стільки пилом віків, скільки невіглаством, духовними лінощами і байдужістю. Власне на цьому наголошується в поезіях І. Шередеки «Скифы» та А. Кібірева «Половецкие пляски любви», не вбачає етнічного приниження і меншовартості, а навпаки – вияв величчя предків і предмет гордошів для нащадків. І. Шередеко усвідомлює всю небезпеку втрати народом свого коріння, відтак розуміє і причину, чому цього так завжди прагнули можновладці всіляких мастей. Їм потрібні лакузи з рабською психологією, поет же пере-

конаний, що українці, в жилах яких, безумовно, тече і скіфська кров:

*...Вольны,
Трудолюбивы, песнями богаты.
Да, мы – Великой Скифии сыны,
Мир знает наши стрелы, хлеб и хаты!*

Дещо по-іншому сприймає потребу пошуку витоків А. Кібірев. Можна сказати, що поезія «Половецкие пляски любви» саме і відбиває основну рунвірівську тезу щодо недоречності відмови від древніх язичницьких вірувань і прийняття християнства. І цю проблему ліричний герой вирішує не на духовно-релігійному, а на емоційно-чуттєвому ґрунті. Його непокоїть той факт, що християнство в особі Діви Марії («Девственной Женщины») виявляє доволі стримане і прохолодне ставлення до любові, кохання – «какой-то грех придумала, //но целый мир грехуется...». На думку автора, віддаватися цьому почуттю – це найповніше розкривати людське єство, яке завжди прагнуло внутрішньої душевної гармонії, зближення, поєднання окремих індивідів на підставі емоційно-психічного порозуміння, жадання. Існуюча гармонія – це водночас і продукт, і генератор цілісного світовідчуття, злиття мікро- і макрокосму, що забезпечує не ілюзорне, а майже матеріально відчутнє опертя, на якому тримаються всі цінності світу:

*Наивное язычество:
деревьям поклонение,
друг другом любование
и терпкость страстных уст –
вот юность Человечества,
источник вдохновения
от греческих философов
и до славянских муз!*

Безперечно, А. Кібірев, як прихильник давньогрецької філософії, прекрасно знає мудрий вислів, що не можна двічі увійти в одну річку і ту ж воду, тому і його заклик стати язичником варто розцінювати не в бук-

вальному, а екзистенційному сенсі: необхідність для нашого конфліктного і нестабільного світу віднайти орієнтири не миттєво привабливі, а тим більше не ідеологічно заангажовані, а такі, що вкорінені в саму природу світобудови – фізичну і духовну досконалість, відчуття вищої емоційної насолоди від усвідомлення власної причетності до процесу творення всесвітньої Краси і Доречності.

Означена нами проблема пошуку буттєвих основ неодмінно породжує потребу відповісти власне на питання, а що таке БУТИ?! Тож цікаві інтерпретації відповідей на нього знаходимо в доробку Т. Лук'янової («Метаморфоза») та А. Остафійчук («Время», «Замирать»).

Авторка першого вірша свідомо надає йому дискусійного характеру, згадуючи про «глобальный Гамлета вопрос», наперед знаючи, що однозначної відповіді на нього бути не може. Та саме заданість, з якою поетеса не стільки ставить, скільки пропонує власний варіант відповіді, і дозволяє говорити про її життєве кредо. Отже, дозволимо собі зіставити позиції Гамлета і поетеси. Ми усвідомлюємо, наскільки це може виглядати нетактовно, однак пригадаємо, що найвищим гуманістичним ідеалом є індивід, який має право на особисту думку, позицію. «Я» Гамлета – це постійний сумнів, це радісне відчуття індивідом (а воно прийшло в літературу в епоху Гуманізму) свого права вибору, права усвідомити себе особистістю, від якої щось залежить. А звідси і природне занепокоєння щодо правомірності обраного шляху.

Художній час Т. Лук'янової – перші роки після розпаду СРСР. Кардинальних змін зазнають не просто геополітичні, а світовідчуттєві координати. Зникає тоталітарно-нівелюючий «одобрямс» (хоча і не всіма членами радянського суспільства він чітко усвідомлювався на духовному рівні), а що ж приходить йому на зміну? З позицій сьогодення можна ска-

зати, що вистачало всього: розгубленості, песимізму, нахабства, збайдужілості. Однак авторка обирає інше життєтвердне право на самореалізацію. Це не вседозволеність, а переконаність, що нарешті можна бути самим собою, не підлаштовуватися під чужу думку, а відкрито проголосити власні почуття і переконання. З даного приводу сьогодні можна закинути, що цього явно замало людині, щоб почуватися цілком самореалізованою, однак проголошені Т. Лук'яновою в 90-х роках принципи виглядали далеко не голо декларативними:

*И, ответ с рожденья зная точно
На глобальный Гамлета вопрос,
Подтянув живот, по делу срочно,
Весело бежит бездомный пес.*

У часових вимірах проблеми буття осягає й А. Остафійчук. Але сповідуванні нею цінності та наміри не виглядають однозначними. Можливо, в цьому виявляється ще невизначеність молодої людини, хоча це може відбивати і всю складність, неоднозначність, заплутаність питань, в яких намагається розібратися поетеса. Так, лірична героїня вірша «Время» потік часу відчуває всіма фібрами душі. Її непокоїть усвідомлення власної фізичної конечності («Время отрезает – без смущенья // лучшие минуты у сердец»), щоправда, це не обертається загальним сум'яттям і розпачем. Героїні вистачає розуму збагнути діалектику життя, протиставляючи миттєвості фізичного існування душевний запал і вогонь, який зберігатиметься невизначено довгий строк:

*И дарует мудростью –
безумных,
тех, кто все рубцы свои считал.
Время отрезает смерть –
по кругу,
оставляя место для огня.*

Подібне відкриття, безумовно, – найважливіше відкриття, на яке здатна людина, це джерело віри, що кожен прожитий день не минає марно, він неодмінно займе призначене лише йому місце в загальній

буттеоснові, споруджуваній особистістю.

Тож на цьому фоні зовсім по-іншому сприймається настроєва канва вірша «Замирать». Його лейтмотивом стає бажання завмерти, хоча, як пам'ятаємо, Фауст також благав мить зупинитися заради досягнення і збереження істини. Героїня ж А. Остафійчук прагне зовсім іншого. Щоправда, її діапазон бажань також доволі широкий:

*Ничего не болит – нет желаний,
и больше – надежды.*

*По инерции жизнь тараторит
орокой в лесу.*

*И примяты, словно миро на лоб, – все
сущого душу,*

*Замирать – умирать – мироточить –
и плакать как дождь.*

Як бачимо, душа героїні налаштована на спілкування з людьми, вона здатна збагнути їхні тривоги, однак при цьому винагороджує себе правом на усамітнення, мовчання, обираючи роль конденсатора, а не генератора. Мабуть, це теж не просто і важко, мабуть, це протиприродно людському єству як соціальному феномену. Та не будемо поспішати з остаточними висновками. Ми переконалися, що ліричні героїні А. Остафійчук кожна по-своєму неординарні, тож подальший вибір залишається за ними.

Окремої розмови потребують вірші Б. Брусиловського. Він найстарший з письменників (1928 – 2009), представлених в альманасі, що обумовлює багатющий життєвий досвід і можливість зіставити різні суспільно-духовні атмосфери (радянська, період незалежності України, Ізраїль), в умовах яких йому довелося жити.

Поезія «Да здравствует жизнь!» приваблює неочікуваним для літньої людини (ліричний герой не приховує, що йому «семьдесят с гаком») оптимізмом, мало того – цілною програмою життєтворення. На останньому акцентуємо особливо, оскільки в ній сконцентрована мудрість, набута з роками. Адже Б. Брусиловський не просто декларує лю-

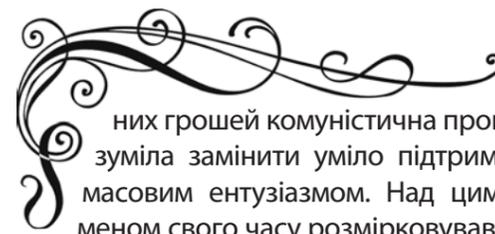
бов до життя, «что само по себе и не ново», а утверджує думку, що любов до життя – це і відповідальність перед ним – дружиною, друзями, а головне:

Мне надо продлить родословную нить!

Еще своих внуков я должен женить!..

Нам видається, що виголошена готовність діяти, бути корисним і потрібним комусь – вагомий аргумент проти поширених сьогодні споживацьких настроїв, проти рожево-глянцевого ілюзій миттєво розбагатіти, чудодійним чином потрапити у земний рай матеріальних розкошів. А зі світом грошей Б. Брусиловський обізнаний добре, про що і пише у «Стихах о деньгах». Композиційно вірш чітко поділяється на дві частини, основоположними центрами яких виступають поняття «гешефт у всьому і на всьому» – «безгрошів'я». Не сприймаючи Ізраїль як антисвіт, в якому «Деньги. Барыши. // За «просто так» не сделают и шагу // Врачи, певцы, тем паче торгаши!», поет не спрощує ситуацію, допускаючи, що в нього знайдеться не один опонент. Сам же він не без ностальгії згадує радянські реалії, коли «Мы одержимо мчались за туманом // И за пьянящим запахом тайги!».

Однак не будемо на цьому протиставленні ставити крапку. Проголошена у вірші проблема нам видається значно глибшою за звичайний заклик без грошей сіяти добро. Так, це ознака духовності, і в нашому суспільстві необхідно робити все, щоб дійсно змістилися акценти зі все дозволеної «прихватизації» на бажання бути «поближе к бескорыстной доброте!». Однак виникає питання, чому активно насаджувани в Радянському Союзі протягом сімдесяти років ідеали так швидко випарувалися. Нам видається, що Б. Брусиловський доволі точно визначає один з імовірних варіантів відповіді: «За честный труд – ничтожные гроши!.. // Труд. Только труд. А платежи потом». Маємо справу з цікавим парадоксом, коли відсутність чесно заробле-

них грошей комуністична пропаганда зуміла замінити уміло підтримуваним масовим ентузіазмом. Над цим феноменом свого часу розмірковував В. Стус, характеризуючи духовний стан радянського суспільства 20-х років минулого століття: «Починалася нескінченно довга доба – невеселого сьогодні і щасливого майбутнього. Свячена вода цього майбутнього могла чудодійно змінити горе на радість, трагедії на труднощі зростання, злочини – на окремі недоліки». Віра важить багато, але їй потрібне опертя, відчуття стабільності, нормального матеріального забезпечення. Ці речі врешті-решт також формують відчуття внутрішньої свободи, почуття гордості за свій стан незалежної особистості, а не приниженого, безправного жебрака і прохача. Постійний дефіцит відкладався у підсвідомості, а тому і набув обвального характеру, коли попередня ідеологія збанкрутувала, а нова інстинктивно проголосила: «Хапайте!»

Проживання в Ізраїлі загострило у Б. Брусиловського і відчуття батьківщини, що знайшло цікаве художнє вираження в поезіях «Весна», «Над морем вереница журавлей». На сьогодні автора не можна вважати першовідкривачем теми ностальгії, яка охоплює багатьох наших колишніх співвітчизників, коли вони виїждять на постійне місце проживання в інші країни. Основу їхньої психічної кризи, мабуть, можна охарактеризувати як оксюморонне начало, бо в їхній свідомості органічно переплітаються реалії колишньої і теперішньої дійсності. Подібне світовідчуття властиве і ліричному героєві названих віршів. Ізраїльський клімат з його одвічним теплом не руйнує звичні уявлення про сезонні зміни у природі, а підводить до висновку, що людина втратила частину душі, розгубила залишені їй у спадок цінності. Розуміння цього приходиться не відразу і коштує бага-

тьох безсонних ночей душевного неспокою і сум'яття, що доречно передано автором у першій поезії цілою низкою риторичних питань: «Де природи пробудження?», «Де грона бруньок?», «Де перший полохливий листочок?». Осягнувши це чудо місцевої природи, ліричний герой далеко не в захваті від цього, а в стані глибокої душевної провини:

Прости меня, далекий край!

Твою весну по воле рока

Я променял на здешний рай.

До сказаного можна додати лише одне: сучасне українське суспільство, позбавлене тоталітарного ідеологічного тиску, факт еміграції вже не розцінює як зраду Батьківщині, та це не відмінило і ніколи не відмінить трепетної і священної любові до єдиної на земній кулі точки, яка зветься батьківщиною. Тому це не маячня, а цілком природне бажання людини, яка, здавалося б, непогано влаштувалася в нових умовах, закликати журавлів, що повертаються на Україну:

«Меня весною позовите, птицы!

На север вместе с вами полечу!»

Здійснений нами огляд засвідчив широке коло проблем, до яких звертаються поети, чия творчість представлена в альманасі. Не претендуючи на оригінальність постановки проблеми як такої, автори тим не менше знаходять у ній власну нішу, виділяють такі аспекти, які відкривають у ній нові грані. Ми свідомо майже не торкалися власне художнього рівня опублікованих віршів. Як аматорські, вони, напевне, поступаються професіональним. Однак кожна поезія – це свідчення глибокого занурення в питання, яке хвилює автора, це вияв його особистісних роздумів, що і забезпечує творам новизну, неповторність, вияв поетової індивідуальності.

О.Є. Бондаренко,

В.П. Сиротенко

Верифікаційні особливості сонетної форми у ліриці Анатолія Кібірева

Якщо в донедавні часи Донбас називали «всесоюзною кочегаркою», то Краматорськ характеризували як столицю машинобудування. І це у значній мірі відповідало б істині, якби не той факт, що у Краматорську вже у 30-ті роки організувалося творче об'єднання поетів, у ньому проживав лауреат Державної премії ім. Т.Г. Шевченка Микола Рибалко, а в сьогоднішні нелегкі часи не перестають видаватися збірки віршів місцевих поетів. Постать же А. Кібірева щасливо поєднує в собі обидві визначальні риси. Бувши родом із Костромської області, він з 1952 року проживає у Краматорську, працюючи старшим викладачем Донбаської державної машинобудівної академії, що не перешкодило йому видати три поетичні збірки: «Слово-песнь потомка Бояна» (1995), «Каяла – река памяти» (1997) і поетична реставрація «Слово-песня о битве-походе князя Игоря свет Святославича, знаменитого внука Олега» (2001). Напевне, неприхована зацікавленість минулим не просто Київської Русі, а певною частиною Слобожанщини (адже одна із гіпотез визначає місце битви князя Ігоря з половцями саме на північній околиці Слов'янська) обумовила спрямованість тих небагатьох критичних відгуків, присвячених доробкові письменника. Так, з приводу виходу другого збірника газета «Краматорская правда» писала: «Простежується вірність тематиці, відточується поетичний погляд автора на історію, сучасне і майбутнє. Поет знову і знову повертається до подій, описаних у «Слові о полку Ігоревім» – занурюється у ріку пам'яті; вибудовує поетичні мости із минулого в сучасне». І лише у невеличкій інформаційній

замітці С. Шишкіна знаходимо міркування, які привертають увагу до ще однієї грані поетичного обдарування А. Кібірева: «Його (А. Кібірева – В.С.) вірші надзвичайно мелодійні. Багато з них покладені на музику як самим поетом, так і професійними композиторами». Рецензент уловив ту природну властивість творів, без якої, безумовно, не народилося б понад тридцять поетичних форм сонетного характеру, якщо взяти до уваги, що назва даного ліричного жанру походить від італійського sonare – звучати, дзвеніти.

Обраний нами об'єкт дослідження – сонетна форма у ліриці А. Кібірева – передбачає обов'язкове з'ясування сучасних підходів літературознавців до самого жанрового феномену. Проаналізовані нами праці дозволяють здійснити певні узагальнення щодо розуміння типологічних змістовно-формальних рис сонета.

По-перше, канонізація трьох типів сонетів (італійський, французький, шекспірівський) залежно від обраних строф (катрен, терцет) та способів римування (перехресне, оповите). Однак подальші модифікаційні уточнення типу сонет з кодою, хвостатий сонет, безголовий тощо наводять на думку, що заявлена чотирнадцятирядковість чи її відсутність ще не означають реалізацію сонетного змісту.

По-друге, обов'язково звертається увага на особливість розгортання авторської думки упродовж твору, що в загальних рисах передається формулою «теза – антитеза – синтез» або «зав'язка – розвиток – кульмінація – розв'язка». Але варто звернутися до спостережень Б. Томашевського, який писав взагалі про композиційні особливості

ліричних творів: «Типово тричастинна побудова ліричних віршів, де у першій частині дається тема, у другій вона або розвивається шляхом бічних мотивів, або відтінюється шляхом протиставлення, третя ж частина дає нібито емоційний підсумок у формі сентенції або порівняння («pointe»), – щоб і дана риса не абсолютизувалася як безумовно сонетотворча.

По-третє, залежно від національної забарвленості варіюється і ритмічний малюнок вірша: одинадцятискладник, олександрійський вірш, 5-стопний і 6-стопний ямб. Це також є свідченням того, що не можна абсолютизувати і дану якість.

Напевне, завдяки відзначеним ознакам утвердилося ставлення до сонета як форми строго канонічної, але з визнанням права поета на різноманітні її модифікації, що тільки посилює відчуття жанрової специфіки. Власне це має на увазі сучасний дослідник М. Сіробаба, зауважуючи: «сонети різного рівня модифікації наявні в творчому доробку практично кожного, зокрема вітчизняного, сонетаря. Таким чином, бачимо, що трансформації українського (як, напевно, і світового) сонета є вагомою складовою його контексту».

Зважаючи на це, ми й обираємо для аналізу низку віршів А. Кібірева, які за зовнішньо графічними ознаками (чотирнадцятирядковість при певних схемах римування) можуть визнаватися сонетарієм у його доробкові. Тож метою нашої розвідки є:

– визначення строфічних варіантів та відповідних схем римування;

– виявлення різноманіття ритмічних малюнків поезій, їхньої обумовленості змістовною спрямованістю творів;

– осмислення художньої доцільності сонетних модифікацій, їхньої спроможності адекватно виражати авторський задум.

Та спочатку, однак, замислимося над тим, що ж усе-таки забезпечує сонетові його жанрову самобутність, неповторність, вичерпність.

Дороговказом можуть слугувати міркування Д. Павличка з приводу сонетів Б.-І. Антонича. Літературознавець цілком відкидає формальний підхід у поцінуванні митецької вартості написаного сонетарем, оскільки «ні зовнішньої грації, ні чарівної світлості, ні жодної функціональності нема в цих спорудах (сонетах Б.-І. Антонича – В.С.). Вони лише одним викликають подив: за допомогою якої техніки тяжеленні й неоквовирні блоки були підняті й вмонтовані в стіні». Замислившись над цим парадоксом, критик сам же знаходить відповідь: «Навіть свої формалістичні витівки поет, як ми бачили, прагнув підкорити природному розвитку мислі. Ніде в нього форма не допущена до необмеженої влади, ніде не виявляє диктаторської зарозумілості, що неодмінно приводить до глупоти і нікчемності всього твору. А в тому, що Д. Павличко мав рацію, наголошуючи на вагомості змісту як підвалин сонетного жанру, переконуємося з того, що про сонети самого Д. Павличка сказав М. Ільницький: «Реформа сонета не руйнувала основних його підвалин – внутрішньої конфліктності драматургічного принципу побудови і стрункої гармонії. Маючи це за наріжний камінь сонета як жанру, звернімося безпосередньо і до витворів А. Кібірева.

Ось, наприклад, поезія «Я все еще брожу по облакам». Її ліричний герой знаходиться у тому непевному віці, коли зовнішні зміни ще мало помітні в людині, а тому ще можна полукавити з собою, відмахнутися від нових думок, що мимоволі починають пронизувати свідомість:

*Я не ушел с Земли еще пока,
но слышу, слышу журавлиный клекот.*

Однак так довго тривати не може, бо мудрість прожитих років – це не стільки накопичений інформаційний досвід, скільки сміливість зізнатися самому собі, що починається цілком інший етап у житті. Як би це не хотілося насолоджуватися Весною, переживати захват від повернення у «дни былые», але ж необхідно знаходити нові цінності.

І героєві, хай і не без душевного зусилля над собою, вдається здійснити це. Дистих, яким завершується сонет, востаннє проймається конфліктним протиставленням Весна – Осінь, щоб у «сонетному замкові» явити читачеві нове авторське світовідчуття: «все – в золоте, а кудри – в сребре». Кольорово-оціночна гама не просто увиразнює вагомість набутих літ, а допомагає досягнути вистраждану істину – стаючи старшою, людина не втрачає, а збагачується здатністю підмічати потаємну, приховану красу в речах, відчуттях, на які раніше не звертала уваги.

Проблеми іншого плану порушуються у сонеті «Отвязанный Пегас». Конфліктна напруженість задається автором уже самою назвою. Адже асоціативно-семантичне поле «Пегас» неодмінно пов'язується з чимось поетично-натхненним, величним, одухотвореним. Однак епітет «від'язаний» дещо дисгармоніє з традиційною символікою, бо за цим станом може приховуватися як незалежна особистість, так і знахабніла брутальність. Як бачимо, знайдений поетом образ досить точно виражає неоднозначність суспільно-духовних процесів, збурених перебудовою. У ті часи одні дійсно прагнули такої бажаної внутрішньої свободи, незалежності в думках і намірах, інші ж послаблення тоталітарного тиску сприйняли як право на всюдозволеність і демонстративну зневагу до віками утверджуваних моральних норм. У результаті векторні наміри розійшлися настільки, що втрачено відчуття порядності, природної цнотливості, поміркованості. Не бажаючи того, суспільство опинилося у страхітливій за своєю оксюморонною сутністю ситуації, коли нігілізм одних і других дивним чином поєднався, породивши атмосферу збайдужіння, апатії, очорнителства. Демократична перспектива стимулювала, на жаль, не творчі потенції, а стан зневіри, розгубленості, втрати орієнтирів, оскільки усе минуле зруйноване і категорично відкинуте, а сучасне і тим більше майбутнє не має належного опертя. І лише небагатьом вдалося правильно оцінити ситуацію, зрозуміти її

негативні причини і наслідки й утриматися від чергової порції лайливо-інвективних фраз, пошуку сторонніх винуватців і ворогів, а самокритично поглянути на себе і визнати допущені помилки. Тож багатьом не до впади прийдуться Пегасові настанови:

*И воспарил он над страню,
над веком, над тысячелетьем
одной единственной строкою,
в которой боль за всю Природу,
укор убогому народу:
«Мы все за прошлое в ответе!».*

Проголошена автором сентенція може видатися несподіваною, до певної міри дискусійною, однак вона стверджує новий підхід до існуючої проблеми, примушує поновому поглянути на вже узвичаєний стан речей. А це уповні відповідає перманентній рисі власне сонетної проблематики – відкривати незвичні грані, незвичні ракурси в людини та світу.

Представлені тут сонети можна вважати найбільш канонічними, хоча більшість поезій А. Кібірева мають певні відхилення. Перш за все, це строфічні варіанти, оскільки переважають твори шекспірівського типу. Якщо поглянути на них з чисто графічно-схематичних позицій, то вони видаються традиційними: три катрени, дистих з перехресним римуванням у катренах і суміжним у двовіршеві. Але постійно зустрічаються видозміни у віршованих розмірах і ритмах: від канонічного ямба (але переважно 4-стопного – «Тебе, которая читает», «Не плоть меня к тебе влечет», «Сонет о мартовском снеге») до хореїчних («Удары судьбы», «Поэзия – моя отрада») й анапестичних («Музыка», «Нестинарка», «Ты не та»).

Спостерігаються модифікації і на рівні схеми римування. Це «Колокольчики»: дистих має риму а як і у першому катрені; «С теми, кто «выше» – немею»: перехресне римування лише двох рим ab; «Ты не та»: рима d

повторюється у другому та третьому катренах з перехресним римуванням.

Є приклади і повторення повнозначних частин мови, з якими, на наш погляд, в одних випадках можна погодитися («Черная нить», «Колокола России»), але є і сумнівні («Сиреневая просинь»).

Відзначимо і цілком оригінальний строфічний варіант («Надежда»). Його можна було б віднести до сонета з кодою, але тут маємо не додатковий 15-й рядок, а слово «Надежда», яке з'являється після останнього рядка в першому та другому катренах і після дистиха.

Отже, А. Кібірев явно не прихильник строгих канонічних приписів. Тож спробуємо встановити зображувально-виражальну доцільність зазначених відхилень, обравши для аналізу сонет «С теми, кто «выше» – немею».

Драматична напруженість сонета обумовлюється внутрішнім конфліктом, який для себе намагається розв'язати ліричний герой, шукаючи відповіді на питання, як жити, на які принципи орієнтуватися. Авторіві необхідно одразу визначити соціально-етичні групи, з якими він у силу різних причин не знаходить спільної мови. Відбувається своєрідна поляризація, чому, як нам видається, сприяє і звернення до дактилічної, а не традиційної ямбічної, стопи. Завдяки цьому одразу акцентно-логічно маркуються ті, від яких прагне дистанціюватися автор:

*С теми, кто «выше» – немею,
с теми, кто рядом – молчу.*

Тож варто задуматися над причинами, які викликають подібні бажання. Відстороненість від перших цілком з» " стосовно господаря, начальника, владноможця. І сформована радянською номенклатурою кастовість, яка не допускала до свого кола «іногородців».

Але чому з тими, хто поряд, мовчу? Напевне, у відповіді не може бути однозначності,

оскільки автор торкається непростих проблем духовності особистості. Вагомість проголошеного мотиву очевидна, що позначилось і на видозміні канонічної схеми розгортання сюжетного дійства. У першому катрені не лише формулюється теза – хто не приймається автором, а одразу закладається й антитезове заперечення – «не умею», «не хочу!». І надалі саме ці два дієслова-імперативи стануть лакмусовим папірцем для випробування ліричного героя на готовність відстоювати високі ідеали, не піддаватися обивательській психології задовольнятися мізерним, примітивним. Саме тому другий і третій катрени водночас являють собою як тезову констатацію реально існуючого, так і антитезову духовну оцінку прагнень і завдань:

*Все для удачи имею,
сам же удачу топчу.
Так, как хочу, не умею,
так, как могу, не хочу!*

Увиразненню авторського задуму підпорядковані й особливості римування даного сонета. На перший погляд, воно може видатися занадто простим як для цієї жанрової форми – лише дві дієслівні рими з повторенням дієслова «хочу» у кожній строфі. Однак у А. Кібірева знаходиться вагомий аргумент для заперечення подібних зауважень в особі визнаного майстра поетичного слова О. Твардовського. Його слова «Так, как хочу, не умею, //Так, как могу, не хочу!» обираються епіграфом і стають тим метрономом, який своїм чітко визначеним стукотом не дозволяє душевного послаблення, логічно підводячи до того життєвого кредо (сонетний синтез), яке сповідує ліричний герой:

*Многое в жизни сумею,
если не То захочу!*

У нашій розвідці ми відзначимо ще одну строфічну особливість сонетів А. Кібірева – об'єднання катренів і терцетів у більш складні строфи. Так, «Адамочка» має схему ababcbcb efef bb, «За любовь, господя» – abab cdcdefe gfg, «Торжествующий Ярило» – abab cdcd

efefaa Отже, на розгляді останнього ми і зупинимось детальніше.

Не будемо зайвий раз нагадувати, з яким пієтизмом А. Кібірев ставиться до язичницьких уявлень, цінностей, повір'їв. Відповідно й образ Ярила трактується ним як «слов'янський міфологічний і ритуальний персонаж, пов'язаний з ідеєю родючості, (перш за все весняною), сексуальної потужності». Ця думка реалізується автором у двох перших катренах. У зв'язку з цим зазначимо, що між строфами немає канонічного протиставлення тези – антитези, а навпаки, захват ліричного героя від вогняної сили, що несе з собою Ярило всьому суцьому на Землі (перший катрен), продовжує градаційне зростання і в наступному. Переживаючи шаленство весняної пристрасті, ліричний герой переймається цими почуттями, емоціями. Він уже не стільки «свідок екстазу», а й сам наповнюється любовною неумністю Ярила, «во мне играет его сила». Безумовно, маємо таке необхідне для представника сучасної цивілізації духовне злиття з традиціями предків, їхнім умінням досягати гармонії людини з довкіллям, усвідомленням одвічності Природи у всіх її проявах. Подібна настроєвість шукала адекватного вираження, що й обумовило об'єднання терцетів у заключну секстину як підкреслення нерозчленованості минулого і сучасного, без-

смертя прадідівських вірувань у справах нащадків, чому, зокрема, слугує і парне римування двох останніх рядків: Ярило – сила.

На підставі проведеного аналізу можемо констатувати, що сонетна форма у доробкові А. Кібірева посідає значне місце і має ряд особливостей. Даний жанр дозволяє поетові торкатися гострих морально-етичних питань, шукаючи на них неординарну і неоднозначну відповідь. Цьому підпорядковуються як канонічні можливості сонета, так і різні його модифікації. Автор іде на експериментаторство не заради демонстрації власної «технічної озброєності», а дошукуючись найточніших форм для розкриття свого задуму. І, як правило, знайдені ним модифікації, залишаючись сонетами по суті, художньо є доцільними і доречними.

Також зазначимо, що це лише перша більш-менш ґрунтовна розвідка, яка дозволяє накреслити подальші шляхи аналізу сонетарію А. Кібірева:

- зображувально-виражальні особливості творів;
- образна система поезій;
- варіативність ритмічного малюнка віршів, в основі у яких покладена одна і та ж метрична стопа.

В.П. Сиротенко

Содержание

Вводная 4

Живое слово

сотрудники и преподаватели ДГМА (КИИ)

Кибирев Анатолий..... 8

Остафийчук Алина..... 14

Головко Сергей..... 18

Дементьева Виктория..... 20

Лубинская Алла..... 22

Милявская Элеонора..... 24

Владимир Филинков..... 26

Шередеко Игорь..... 28

Танец души

студенты и выпускники ДГМА (КИИ)

Евдокимов Сергей..... 32

Качура Евгений..... 34

Коцаренко Владимир..... 38

Кремянская Елена..... 50

Латыш Олег..... 64

Лукьянова Татьяна..... 66

Максименко Олег..... 68

Миляева Валерия..... 70

Орлова Галина..... 72

Петрухнов Артем..... 74

Розин Юрий..... 76

Состин Тимур..... 78

Тренкина Маргарита..... 80

Продолжается жизнь бесконечно

гости Альманаха

Бражникова Людмила..... 84

Красенец Петр..... 86

Кулинич Николай..... 88

Мироненко Анатолий..... 90

Мирошниченко Анатолий..... 92

Приходченко Сергей..... 94

Остановись, мгновенье!..

живопись, графика, фото

Базилевский Иван..... 98

Бакузов Михаил..... 108

Донская Татьяна..... 112

Лещименко Валентин..... 116

Нагорный Александр..... 118

Орлова Галина..... 122

Петрухнов Артем..... 126

Шевченко Виталий..... 130

Шинкаренко Олег..... 134

Художественное литье..... 136

Серебряные нити строк

музыка

Дубинин Виктор..... 140

Резонанс

Те, чим схвильована душа..... 150

Верифікаційні особливості сонетної форми
у ліриці Анатолія Кібірева..... 156

Літературно-художнє видання

Альманах муз

Поезія, проза, фотографія, живопис, музика

(Російською та українською мовами)

Коректори: О. Дудченко
Художники: І. Базилевський, Н. Шнурик
Комп'ютерна верстка: Р. Рюмшин
Верстка ілюстрацій: П. Чередніченко

Підп. до друку . . . Формат 60x84/8
Папір офсетний. Ум. друк. арк. . . Обл.-вид. арк. .
Тираж 100 прим. Зам. №36

Донбаська державна машинобудівна академія
84313, м. Краматорськ, вул. Шкадінова, 72
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру
серія ДК №1633 від 24.12.2003 р.

